
U.S.
U.S.
U.S.
U.S.
ОПАЛЬНЫЕ
ПОГОНЫ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Анастасия Алёнушкина

Опальные погоны

«Автор»
2026

Алёнушкина А. А.

Опальные погоны / А. А. Алёнушкина — «Автор», 2026

В Московской убойный отдел Санкт-Петербурга переводят новенького сотрудника. Полковник распределяет его в отряд своего сына - Стаса Богданова. Стас такой инициативе не особо рад, но с отцом не спорит. Стас видит в новичке лишь помеху и обузу. В это время город захватывает волна преступлений. Стас вместе со своим отрядом отправляется на первое дело - ограбление ювелирного магазина. На месте оказывается с новым сотрудником не так то просто поладить. Со временем Стас понимает, что Максим для него больше, чем напарник.

© Алёнушкина А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Осколки на Московском 5
Огонь по своим 10
Линия излома 16
Точка кипения 22
Вне очереди 29
Взломщики чужих душ 35
Книги мёртвых и живых 42
Дин, Лось и яблочный пирог 49
Пепел и железо 57
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Анастасия Алёнушкина
Опальные погоны

Осколки на Московском

Утро над Московским районом занималось неохотно, словно давилось собственным грязно-серым туманом. Низкое питерское небо висело прямо над монументальными сталинками, готовое в любую секунду разродиться то ли липким дождем, то ли первым мокрым снегом. В кабинете начальника убойного отдела пахло дешевым растворимым кофе, остывшим табачным дымом с улицы и въевшейся в казенные стены многолетней бумажной пылью.Майор Стас Богданов стоял у окна, скрестив руки на широкой груди. Его светло-русые кудри, как обычно, пребывали в живописном беспорядке — расческу Стас признавал лишь по особым праздникам, считая, что аккуратная прическа у опера убойного выглядит подозрительно. В стекле отражались его цепкие, холодные голубые глаза и упрямая линия челюсти. Настроение с самого рассвета не задалось: город лихорадило уже вторую неделю. Словно кто-то сорвал резьбу на криминальном кране — серия дерзких налетов, пара глухих трупов в промзонах, а теперь еще и это.За массивным полированным столом сидел полковник Владимир Александрович Богданов. Сходство отца и сына бросалось в глаза любому, кто видел их рядом, хотя Стас пошел ростом и косой саженью в плечах скорее в деда-моряка. Полковник был грузен, широк в кости, с седыми жесткими висками и тяжелым взглядом человека, который видел в этой жизни слишком много дерьма, чтобы удивляться хоть чему-то.– Не дергайся, Станислав, – глухо произнес отец, не отрывая взгляда от раскрытой папки с личным делом. – Решение принято. Он идет в твою группу. Под твою личную ответственность.– Бать… то есть, товарищ полковник, – Стас резко развернулся на пятках, скрипнув подошвами начищенных ботинок. – У нас завал. Нас трое суток на куски рвут, мы спим на столах в дежурке. Мне нужен опытный волк, который знает район как свою ладонь, а не сопливый переводник из Центрального с волчьим билетом! Ты сам его дело читал?– Читал, – спокойно парировал полковник, захлопнув папку. На обложке значилось: «Алёнушкин М. С.». – В отличие от тебя, я его не просто читал, а изучил от корки до корки. Парень с головой. Стреляет отлично, академию окончил с отличием.– А из Центрального его поперли за что? За выдающиеся успехи в хоровом пении? – съязвил Стас, и на его губах мелькнула дерзкая, злая усмешка. – Неподчинение старшему по званию. Хамство. Срыв спецоперации из-за собственной инициативы. Папа, у меня Шапочкин на грани срыва, Охман зубами скрипит, а ты мне сажаешь на шею бомбу с часовым механизмом! Мне детский сад нянчить некогда. Он же обуза. Полезет под пули или начнет свои права качать — я его сам в Фонтанке утоплю.– Не утопишь, – отрезал Богданов-старший, и в его голосе зазвенела сталь, заставившая майора невольно прикусить язык. – Потому что он сотрудник твоего отдела. И потому что Сергей Николаевич Антонов лично за него поручился. Ты помнишь дядю Сережу?Стас поморщился, словно от зубной боли. Бывшего сослуживца отца он, конечно, помнил. Крепкий, невысокий мужик с вечно уставшими глазами, ушедший на пенсию после тяжелого ранения.– Помню. И что? Это теперь семейный пансионат для трудных подростков?– Это долг, Стас. Старый долг, о котором тебе знать не обязательно, – полковник поднялся из-за стола, оперевшись кулаками о столешницу. – У них с Максимом отношения… сложные. Парень с характером, да. Упертый, ершистый. Но честный. Серега боится, что в Центральном его просто сгноили бы или подставили под статью. А здесь — ты. Ты мой лучший опер. Вот и покажи, чего стоит твой аналитический ум и хваленая хватка. Сделай из него напарника. Свободен.Стас шумно выдохнул сквозь зубы, сжал челюсти так, что вздулись желваки, но спорить дальше было бесполезно. Субординацию в кабинете отца он соблюдал жестко

— по крайней мере, внешне. Коротко кивнув, майор крутнулся на каблуках и толкнул тяжелую дубовую дверь.В приемной на диванчике из потрескавшегося дерматина сидел виновник утренней бури.Стас окинул его мгновенным, сканирующим взглядом профессионала. Максим Алёнушкин выглядел совсем не так, как представлял себе Богданов. Невысокий, плотно сбитый, с легкой полнотой в плечах и груди, которая не казалась рыхлой — скорее походила на силу тяжелоатлета, бросившего активные помосты. Темные волосы были острижены под жесткий, торчащий короткий ежик. Лицо круглое, открытое, с мягкими чертами, но взгляд голубых глаз оказался на удивление прямым, спокойным и совершенно не просящим снисхождения. Ни тени робости или испуга перед грозным майором.Максим поднялся, одернув куртку.– Младший лейтенант Алёнушкин. Направлен в ваше распоряжение, товарищ майор.– Слышал уже, – сухо бросил Стас, оглядывая его с легким пренебрежением с высоты своего немалого роста. – Вещи бросай во второй кабинет по коридору направо. Куришь?– Нет. Не переношу, – спокойно ответил Максим.Это было единственным плюсом за все утро, но Стас и бровью не повел.– Хоть что-то путное. Слушай сюда, Алёнушкин. Мне плевать, чьим приемным сыном ты являешься и какие подвиги совершал в Центральном. Здесь у нас убойный отдел Московского района. Тут не кино про доблестных ментов, тут трупы воняют, а бандиты стреляют без предупреждения. Правило одно: сидишь тихо, дышишь через раз, учишь матчасть и делаешь только то, что я скажу. Шаг влево, попытка проявить свою легендарную дерзость — и полетишь отсюда прямиком во вневедомственную охрану сторожить склад покрышек. Усек? Голубые глаза Максима весело блеснули, словно слова майора его ни капли не задели, а скорее позабавили. Он слегка наклонил голову набок.– Усек, товарищ майор. Только на складе покрышек скучно, там мистики никакой. А я детективы люблю. Живые.Стас поперхнулся воздухом от такой наглости. Он ждал виноватого бормотания или насупленного молчания, но никак не этой спокойной, почти ироничной улыбки.– Шутник, значит? – процедил Богданов, сузив глаза. – Посмотрим, как ты запоешь через пару часов. Пошли. Познакомлю с остальной стаей.Кабинет оперов напоминал штаб осажденной крепости. Столы были завалены папками, пустыми картонными стаканчиками из-под кофе и окурками — несмотря на строжайший запрет Стаса курить в помещении, этот запрет периодически нарушался в его отсутствие.У окна, крутя в пальцах раскладной нож, стоял старшина Влад Шапочкин — жилистый, невысокий парень со злым, вечно напряженным лицом дворового бойца. За соседним столом, лениво раскинувшись на стуле, листал журнал Сергей Охман. Бывший армейский приятель Стаса с годами превратился в обрюзгшего, скользкого типа с масляным взглядом и редкими залысинами, от которого за версту несло дешевым парфюмом и застарелым раздражением на весь белый свет.– Знакомьтесь, орлы, – бросил Стас, заходя в кабинет и вешая кожаную куртку на спинку своего кресла. – Наше пополнение. Максим Алёнушкин. Из Центрального.Шапочкин с сухим щелчком захлопнул лезвие ножа, смерил Максима презрительным взглядом снизу вверх и сплюнул прямо в мусорное ведро.– Из Центрального? Это те, которые на Невском карманников ловят в белых перчатках? Ну зашибись подкрепление. У нас тут кровь по колено, а нам мажора прислали. Ты хоть пистолет чистить умеешь, колобок?Максим даже не моргнул. Он спокойно прошел к свободному столу у стены, положил на него потертую кожаную сумку и повернулся к Шапочкину с абсолютно добродушной, обезоруживающей физиономией.– Умею, старшина. И чистить, и попадать. А «колобок» от бабушки ушел, от дедушки ушел, и от тебя, если хамить будешь, уйдет. Только сначала тебе нос поправит. Чисто в целях служебного взаимодействия.В кабинете повисла гулкая, опасная тишина. Охман тихо присвистнул, выпрямляясь на стуле и гаденько ухмыляясь:– Опаньки. Зубастый карапуз. Стас, ты где эту прелесть откопал? В детском мире на полке с заводными танками?– Заткнулись оба, – рявкнул Стас, и его голос, низкий и раскатистый, мгновенно привел подчиненных в чувство. – Шапочкин, нож убрал. Охман, пасть завали и сводки за ночь докладывай. А ты, новенький, рот открывай, только когда я спрошу. Здесь я решаю, кому и что поправлять.Максим пожал плечами и сел за

стол, словно инцидент был исчерпан. Стас поморщился: этот парень не выглядел испуганным, он выглядел… терпеливым. И это бесило майора сильнее всего. В нем чувствовалась внутренняя пружина, готовая распрямиться в любой момент.Не успел Охман раскрыть рот, чтобы зачитать сводку, как на столе Стаса взревел городской телефон. Богданов сорвал трубку.– Богданов слушает. Да. Что?! Когда? Твою мать… Принял. Выезжаем.Стас бросил трубку на рычаг и одним слитным, хищным движением схватил куртку. В его глазах мгновенно загорелся тот самый азартный, безжалостный огонь, за который его ценило начальство и ненавидели бандиты.– Подъем, отдел! Пять минут назад — налет на ювелирный салон «Аметист» на Московском проспекте. Сработала тревожная кнопка, но поздно. Есть двухсотые. Взяли кассу и драгоценности. Работала группа, минимум трое, в масках и с автоматическим оружием.– Наконец-то движуха, – осклабился Шапочкин, хлопая себя по кобуре под мышкой.– Алёнушкин, – Стас на секунду задержал взгляд на новичке. – Хвостом за мной. Руки в карманах держишь, к вещдокам не прикасаешься. Понял?– Так точно, командир, – спокойно отозвался Максим, застегивая куртку.Через три минуты черный «Форд Фокус» Стаса, надрывая двигатель и взвывая сиреной на крыше, уже летел по серому Московскому проспекту, разгоняя зазевавшихся автомобилистов в промозглую морось осеннего утра. Следом за ними в казенном «УАЗике» тряслись Охман и Шапочкин.В салоне «Форда» пахло хорошим кожаным салоном и свежестью. Из колонок негромко, но отчетливо хрипел «Пикник» — Стас обожал качественный русский рок, находя в его тягучей мистике странное успокоение перед кровавой работой.Максим сидел на пассажирском сиденье, глядя в боковое окно. Вдруг он тихо, в такт музыке, подпел низким, удивительно поставленным и бархатным баритоном:– «Лишь бы только стерпеть, лишь бы не умереть…»Стас покосился на него, приподняв бровь.– Музыкант, что ли?– Было дело, – не стал отпираться Максим. – Пел в группе. Давно, еще до академии. Тоже рок играли. Тяжелый.– Меньше пой, больше по сторонам смотри, – оборвал его Стас, хотя внутри что-то невольно дрогнуло: хороший голос, черт возьми, и вкус нормальный. Но майор тут же загнал эту мысль подальше. – Сейчас приедем — там месиво будет. Труп увидишь — в обморок не падать.– Не упаду, – ровно отозвался Алёнушкин. – Насмотрелся уже. В Центральном тоже не ромашки нюхают.Ювелирный салон «Аметист» располагался в бельэтаже старого доходного дома. Вокруг уже было натянуто полосатое ограждение, мигали синие проблесковые маячки патрульных машин, толпились зеваки с зонтами, которых лениво отгоняли сержанты ППС.Стас выскочил из машины, показал удостоверение на входе и взлетел по гранитным ступеням. Максим, Шапочкин и Охман следовали за ним.Внутри салона царил разгром, пахнущий пороховой гарью, сгоревшей проводкой и железистым, тошнотворным запахом свежей крови. Стеклянные витрины были разнесены в крошево — осколки хрустели под ногами, как сухой лед. Пол был усыпан бархатными планшетками, с которых смели самые дорогие золотые изделия с бриллиантами и изумрудами. Дешевое серебро грабители брезгливо оставили нетронутым.Посреди зала, неестественно подогнув под себя ноги, лежал пожилой охранник в синей униформе. Его лицо было залито кровью, на груди зияли три рваные пулевые пробоины. Чуть дальше, за прилавком, лежала молодая женщина — судя по бейджику, старший продавец. Она была мертва, пуля вошла точно в висок.– Эксперты уже работают? – крикнул Стас подошедшему криминалисту, пожилому майору с чемоданчиком.– Только начали, Станислав Владимирович, – отозвался тот, поправляя резиновые перчатки. – Работали профи. Зашли, положили охранника сразу, он даже кобуру расстегнуть не успел. Очередь из «Кедра» или «Каштана», гильзы девять на восемнадцать. Девушку убрали как свидетеля, она успела нажать кнопку под прилавком. На все про все у них ушло ровно две минуты тридцать секунд.– Камеры? – коротко бросил Стас.– Серверную в подсобке расстреляли в упор, жесткие диски залили какой-то кислотой, там каша, – вклинился подошедший участковый.– Чисто сработали, суки, – сплюнул Шапочкин, заглядывая за разбитую витрину. – Наводка стопроцентная. Знали, где самое дорогое лежит, и знали график инкассации. Вчера вечером крупная партия пришла. Надо трясти пер-

сонал и охрану.– Охман, – скомандовал Стас. – Опрашивай жильцов сверху. Кто что слышал, видел, какие машины отъезжали. Влад — бери записи с уличных камер соседних магазинов и банков. Живо!– Сделаем, майор, – Охман развернулся к выходу, бросив ехидный взгляд на замершего у стены Максима. – А наш юный гений сыска пусть пока гильзы посчитает, может, до десяти осилит.Максим пропустил колкость мимо ушей. Он медленно шел вдоль разбитых витрин, внимательно глядя под ноги. Его взгляд скользил по стеклу, следам на полу, стенам. Он казался абсолютно спокойным, отрешенным от суеты, но внутри этого невысокого парня шла бешеная аналитическая работа.Стас наблюдал за ним с легким раздражением.– Алёнушкин, я же сказал — ничего не трогать. Стой у дверей, не мешай экспертам.– Я не трогаю, товарищ майор, – не оборачиваясь, отозвался Максим. Он присел на корточки возле тела охранника, наклонив голову к полу. – Интересно получается…– Что тебе там интересно? – Стас подошел ближе, хмуря брови. – Охранника срезали от входа. Грабители зашли с улицы, открыли огонь. Классический разбой.– Не сходится, – Максим поднял на Стаса свои ясные голубые глаза, в которых не было и следа былой насмешливости — только холодная, предельная концентрация. – Посмотрите на угол входа пуль в тело охранника. Пули вошли сверху вниз и под углом около сорока градусов. Если бы стреляли от дверей, траектория была бы прямой. Он стоял лицом к служебному входу, а не к главному.– Ты эксперта из себя не строй, – огрызнулся подошедший Шапочкин, который еще не успел уйти. – Охранник мог споткнуться, упасть, повернуться!– Не мог, – твердо возразил Максим, поднимаясь на ноги. Он указал пальцем в резиновой перчатке на темное пятно на полу. – Первые капли крови упали вот здесь. Он стоял на месте, когда в него выстрелили. И стреляли не из девятимиллиметрового пистолета-пулемета. Посмотрите на выходные отверстия на спине. Там калибр больше. Семь шестьдесят два. А гильзы от «Кедра», которые валяются у порога, — это спектакль. Их просто рассыпали из кармана, чтобы пустить следствие по ложному следу.Криминалист, копавшийся у тела, замер, поднял голову, присмотрелся к ранам, затем к полу и удивленно присвистнул:– А ведь парень дело говорит, Стас. Калибр-то действительно не девятый. Ткани разорваны сильнее. Я без вскрытия не хотел утверждать, но… похоже на ТТ или автоматный укорот.Стас почувствовал, как внутри закипает сложный коктейль из профессионального азарта и уязвленного самолюбия. Он сам должен был это заметить, но поторопился, доверившись первоначальной картине. А этот сопляк, которого он записал в балласт, разложил все за две минуты.– Допустим, – процедил Стас, скрестив руки на груди. – И откуда тогда стреляли, гений?Максим повернулся и указал на пожарный выход в глубине зала, который вел во внутренний двор-колодец. Дверь была слегка приоткрыта.– Оттуда. Они не входили через парадный вход. С парадного вошел только один — отвлечь внимание, возможно, постучал, когда магазин еще был закрыт. Девушка открыла, потому что знала его в лицо. А двое других уже ждали у пожарного выхода. Замок там не взломан, его открыли ключом изнутри.– Сказки венского леса! – рявкнул Шапочкин, багровея. – Слышь, ты, умник! Ты тут первый день без году неделя, а уже учишь нас, как работать? Стас, ты его всерьез слушаешь? Да он просто выпендривается, чтобы папочке потом настучать, какие мы тут все дураки!– Заткнись, Влад, – холодно оборвал его Стас. Майор подошел к пожарному выходу. Опустился на колено. На пыльном линолеуме возле порога действительно виднелся смазанный, но отчетливый отпечаток армейского берца сорок третьего размера с характерным глубоким протектором «елочка». Рядом валялась крошечная пластиковая пломба от магнитной системы двери. Ее срезали заранее.Стас поднялся. Его лицо окаменело. Аналитический ум майора мгновенно перестроил картину преступления. Алёнушкин был прав. Чертовски, стопроцентно прав. Это не был спонтанный налет отморозков. Это была спланированная, хладнокровная ликвидация с внутренним соучастником.– Шапочкин, – тихо, но убийственно спокойно произнес Стас. – Подними задницу и дуй во двор. Ищи следы протектора шин у мусорных баков. Если они уходили через пожарный, машина стояла там. И не дай бог ты пропустишь хоть одну зацепку — лично сержантом сделаю.Влад злобно зыркнул на Максима, сжал кулаки, но под-

чинился:– Есть.Когда Шапочкин выскочил на улицу, Стас повернулся к Максиму. Тот стоял, опустив руки в карманы куртки, и с искренним интересом рассматривал лепнину на потолке старинного здания, будто не он только что перевернул ход расследования с ног на голову.– Ты откуда про калибр и угол сообразил? – спросил Стас прямо. – В академии такому не учат.– Я три года в тире ДОСААФ инструктором подрабатывал, пока учился, – спокойно ответил Максим, переводя взгляд на майора. – Баллистику люблю. Она точная, в отличие от людей. Пуля не врет.– Значит, баллистику любишь, – Стас подошел вплотную. Разница в росте была почти в голову, но Алёнушкин даже подбородка не вскинул — смотрел снизу вверх уверенно и прямо. – А субординацию, видимо, не очень?– А что с субординацией, товарищ майор? – Максим чуть приподнял брови. – Я увидел несостыковку — доложил старшему группы. Или мне нужно было дождаться, пока Шапочкин полгорода пересажает по ложному следу, чтобы ваше самолюбие не поцарапать?– Ты со мной этим тоном не разговаривай, Алёнушкин! – голос Стаса упал до опасного шепота. В голубых глазах майора полыхнула ярость. – Здесь не кружок юных сыщиков. Если ты думаешь, что один раз угадал траекторию и стал королем отдела — ты глубоко ошибаешься. Ты полез вперед эксперта и старшего оперуполномоченного. Ты развел бардак на месте преступления.– Я не угадал, я рассчитал, – с нажимом, спокойно, но с невероятной силой ответил Максим. Его добродушное лицо вдруг стало жестким, словно высеченным из гранита. – И я не позволю списывать убийство двух людей на глухарь только потому, что кому-то лень включить мозги и хочется быстрее закрыть протокол. Если вам нужен мальчик на побегушках, который будет поддакивать каждой вашей ошибке — отправьте меня обратно в Центральный прямо сейчас. Пишите рапорт. А если вам нужны те, кто нажал на спуск — не мешайте мне работать.Они стояли посреди разгромленного ювелирного зала, среди битого стекла, запаха пороха и смерти, глядя глаза в глаза. Два абсолютно разных человека: взрывной, харизматичный, привыкший единолично доминировать Стас и внешне мягкий, но несокрушимо упрямый, коренастый Максим. Ни один из них не отвел взгляда. Напряжение между ними можно было резать ножом.Из глубины коридора послышался голос вернувшегося Охмана:– Стас! Там свидетели во дворе говорят, минут двадцать назад от пожарки отъехала черная «Газель» без номеров! В сторону Варшавской ушла!Стас медленно выдохнул, не разрывая зрительного контакта с Максимом. Внутри майора клокотала злость — наглый новичок посмел бросить ему вызов прямо на первом деле. Но вместе с этой злостью родилось и другое чувство, глубокое и профессиональное — азарт. Он понял, что отец был прав: этот парень не был обузой. Он был тяжелым, упрямым, крайне опасным инструментом. И чтобы работать с ним, придется поломать немало копий.– Значит так, умник, – тихо, с недоброй ухмылкой произнес Стас. – «Газель», говоришь? В машину. Покажешь, как ты умеешь стрелять не только языком. И не дай бог ты соврал насчет ДОСААФ.– Не соврал, – Максим впервые за все время улыбнулся — открыто, дерзко и почти весело. – Только давайте музыку включим. Под хороший рок думается лучше.Стас фыркнул, круто развернулся и зашагал к выходу, бросив через плечо:– «Алиса» устроит?– Сойдет, – догнав его тяжелым, но быстрым шагом, бросил Максим. – Только погромче сделайте. Кажется, нас ждет долгий день.Они выбежали под моросящий питерский дождь. Впереди была погоня, перехват, кровь и грязь большого города, но первый раунд этой необъявленной войны за лидерство закончился ничьей. И Стас Богданов впервые за долгое время почувствовал, что этот день скучным точно не будет.

Огонь по своим

Двухлитровый двигатель «Форда» взревел, срывая колеса в кратковременный юз на влажной брусчатке перед выездом на Московский проспект. Стас крутанул руль, впечатывая машину в поток. Дворники с монотонным скрипом сгребали липкую питерскую морось, но видимость оставалась паршивой — город словно намеренно прятал налетчиков в своих серых лабиринтах. Из динамиков надрывался Кинчев: раскатистый бас и тяжелые гитарные риффы «Алисы» заполняли салон, смешиваясь с треском милицейской рации на приборной панели. Стас вел агрессивно, по-хулигански, протискиваясь в миллиметровые зазоры между маршрутками и тяжелыми фурами. Адреналин, привычный и колючий, уже жег кровь, вытесняя утреннюю усталость. – Сверни звук, – бросил майор, не отрывая взгляда от дороги. Максим, не суетясь, протянул руку и чуть убавил громкость магнитолы, оставив плотный гитарный гул фоном. Он сидел собранно, опершись ладонями о колени, и внимательно вглядывался в мелькающие за окном перекрестки. Ни тени страха, ни судорожных попыток вцепиться в дверную ручку — только ровное, глубокое дыхание. – «Первый», я «Третий», – захрипела рация мерзким голосом Охмана сквозь помехи. – Мы на Кузнецовской отстаем! Светофор длинный поймали, мать его! Вы где? Стас сорвал тангенту с крючка: – Меньше жрать надо на дежурстве, Охман, тогда и «УАЗик» быстрее поедет! Уходите параллельным курсом по Бассейной, отсекайте выезд на Витебский. «Газель» не пойдет на кольцевую, там камеры на каждом столбе. Они в промзону сунутся, к товарным путям. Конец связи. Богданов бросил тангенту и мельком глянул на пассажира. – Ты дорогу на промзону в Купчино знаешь? – С закрытыми глазами, – отозвался Алёнушкин, чуть усмехнувшись уголком рта. – Я там вырос. Между гаражами и железнодорожной насыпью на Витебском каждый закоулок излазил. Если они свернут за воздухоплавательный парк, там тупик перед забором депо. Оттуда только пешком через пути. – Вот и проверим твое купчинское краеведение, – процедил Стас, уходя в крутой вираж на улицу Типанова. Стрелка спидометра перевалила за сотню. Черная «Газель» с глухими задними дверями и замазанными грязью номерами вынырнула из пелены дождя неожиданно — всего через два квартала, на длинном пустом отрезке перед железнодорожным переездом. Фургон мотало из стороны в сторону: водитель гнал на пределе возможностей старой машины, явно нервничая. – Засекли, суки! – выдохнул Стас, прибавляя газ. «Фокус» рванул вперед, сокращая дистанцию. – Держись, Алёнушкин! Задняя дверь «Газели» внезапно распахнулась на полметра. В образовавшейся щели блеснул вороненый металл ствола. – В пол! – рявкнул Стас, резко дергая руль вправо. Очередь вспорола воздух. Глухие, хлесткие удары пуль пришлись по капоту «Форда», одна из них с визгом рикошетила от стойки лобового стекла, оставив глубокую белесую борозду на триплексе. Осколки брызнули в стороны. Стас инстинктивно вжал голову в плечи, но педаль газа не отпустил. Максим даже не пригнулся — лишь подался вперед, оценивая сектор обстрела, и его лицо в этот момент утратило всякую мягкость. Оно стало хищным, сосредоточенным. – Автомат калибра семь шестьдесят два, как я и говорил, – совершенно спокойно, будто на стрельбище, констатировал младший лейтенант. – Магазин у него почти пустой, строчит короткими, экономит. – Заткнись и не каркай! – огрызнулся Стас. Впереди показался резкий поворот к полузаброшенным складам и товарной станции. Водитель «Газели» не справился с управлением на мокром асфальте: тяжелый фургон занесло, развернуло поперек дороги и со страшным скрежетом впечатало боком в бетонные блоки старого забора. Поднялось облако пара из пробитого радиатора. «Форд» затормозил в десяти метрах, взвизгнув покрышками. – На выход! Оружие к бою! – скомандовал Стас, распахивая дверь и выхватывая табельный ПМ. Но налетчики не собирались сдаваться. Из разбитой кабины и задней двери вывалились трое мужчин в темных куртках и черных вязаных балаклавах. Один из них, прихрамывая, сжимал в руках объемистую спортивную сумку, набитую ювелиркой.

Второй вскинул автомат, но затвор щелкнул впустую — патроны кончились. Выругавшись, бандит швырнул бесполезное оружие в грязь, и все трое бросились врассыпную в лабиринт ржавых железнодорожных цистерн, штабелей железобетонных шпал и полуразрушенных кирпичных построек. В этот момент со стороны перекрестка с ревом подлетел патрульный «УАЗ». Из него кубарем выскочили Шапочкин и Охман. Шапочкин был бел как полотно от бешенства, в руке плясал снятый с предохранителя пистолет. – Уходят, твари! – заорал Влад, срываясь на фальцет. – Шапочкин, Охман — за крайним левым! – на бегу приказал Стас, оценивая диспозицию. – Я беру того, что с сумкой! Алёнушкин, за мной, не отставать! Но события начали развиваться с неумолимой скоростью боевика. Тот налетчик, что нес сумку, петлял как заяц, уходя в узкий проход между высоким двухметровым забором из профнастила и глухой стеной трансформаторной будки. Стас рванул наперерез через рельсы, надеясь перехватить его с противоположной стороны промзоны. Шапочкин, ослепленный жаждой выслужиться и злобой, плюнул на приказ майора и кинулся следом за носителем сумки — там была добыча, там была слава. Охман, тяжело дыша и путаясь в полах длинной форменной куртки, с матом потащился следом за напарником. Максим оценил обстановку за долю секунды. Он видел, что Стас не успевает перекрыть выход: на путях стоял маневровый состав, преграждая путь. А Шапочкин с его прямолинейной яростью бежал слишком предсказуемо и медленно. – Стоять, сука! Стрелять буду! – орал Шапочкин, спотыкаясь о щебень и размахивая оружием. Бандит впереди перемахнул через низкую кучу битого кирпича и свернул за угол гаражей. Перед преследователями выросла глухая преграда — старая кирпичная стена метра под три высотой, увенчанная ржавой колючей проволокой. Преступник успел юркнуть в узкую брешь внизу, где когда-то шла теплотрасса, но пролезть туда взрослый мужик мог только ползком и в одиночку. Шапочкин подбежал к стене, выругался, пнул кирпичи ногой. – Ушел, падла! Застрял я тут! Охман, подсади! – Да пошел ты, Шапка, я те что, домкрат?! – хрипел подбежавший старшина, держась за бок. И тут мимо них бесшумной, сбитой тенью пронесся Максим. На первый взгляд, при его плотном телосложении и некоторой внешней тяжести, трудно было ожидать грации. Но Алёнушкин двигался так, будто законы гравитации на него не действовали. Не сбавляя хода, он на полной скорости оттолкнулся ногой от ржавого мусорного контейнера, взмыл в воздух, второй ногой врезался в скол кирпичной кладки на высоте полутора метров, использовав его как ступеньку, и мощным рывком широких плеч выбросил тело вверх. Руки в плотных перчатках намертво вцепились в верхний край стены, аккуратно обогнув виток колючки. Секунда — и Максим, сгруппировавшись, перевалил через забор и мягко, спружинив на полусогнутых ногах, приземлился по ту сторону, в сырую траву и битое стекло. – Ах ты щенок… – прошипел Шапочкин, задохнувшись от унижения. Новичок, этот круглый купчинский выскочка, над которым они только что потешались в отделе, обошел его играючи. Сделал как пацана на глазах у Охмана. С той стороны стены раздались звуки яростной борьбы. Налетчик не ожидал, что погоня свалится на него буквально с неба. Максим настиг его в два прыжка, когда тот пытался протиснуться в калитку заброшенного автосервиса. Младший лейтенант врезался в бандита всей массой своего сбитого, тренированного тела, сбив его с ног прямо в раскисшую глину. Спортивная сумка отлетела в сторону, из расстегнувшейся молнии брызнули золотые цепочки и бархатные футляры. Преступник оказался жилистым и отчаянным. Перекатившись на спину, он полоснул Максима по лицу тяжелым армейским ботинком, но Алёнушкин уклонился, перехватив ногу на изломе. Бандит зарычал, выхватывая из-под куртки тяжелую заточку — длинный трехгранный напильник с обмотанной изолентой рукоятью. – Сдохни, мусор! – прохрипел он сквозь прорезь маски, целясь Максиму прямо в горло. Максим жестко блокировал удар предплечьем, перехватил запястье нападающего, закручивая его внутрь на болевой, и нанес короткий, сокрушительный удар основанием ладони снизу вверх, точно в нос налетчика. Раздался сухой хруст. Бандит взвыл, выпустил заточку, и Максим, мгновенно оседлав его сверху, прижал тяжелым коленом к земле, заламывая вторую руку за спину: – Лежать, тварь! Поли-

ция! Руки за голову! В этот момент из бреши под стеной, весь перепачканный в саже и глине, наконец вылез Шапочкин. За ним тяжело пыхтел застрявший задницей Охман. Влад поднялся на ноги. Его глаза горели безумным, мутным огнем. Он увидел картину: новенький сидит верхом на главном трофее всего Московского района, сумка с драгоценностями лежит у его ног, бандит обезврежен в одиночку. Завтра весь главк будет говорить об Алёнушкине. Полковник Богданов выпишет пацану премию, Стас сделает его своей правой рукой, а он, Шапочкин, останется посмешищем, тупым старшиной, который застрял под забором. Зависть и уязвленная гордыня, копившиеся годами, сорвали предохранитель в больной голове Влада. – Оружие брось! – заорал Шапочкин, вскидывая пистолет. – Влад, ты чего, он уже пустой! – крикнул Максим, оборачиваясь через плечо и удерживая стонущего грабителя. Палец Шапочкина на спусковом крючке дрогнул. Не было никакого холодного расчета — была лишь слепая, яростная вспышка желания уничтожить, стереть эту снисходительную уверенность с круглого лица новичка. – Я сказал — не дергайся! Грохнул выстрел. Звук девятимиллиметрового выстрела в замкнутом пространстве между стеной и гаражами прозвучал оглушительно, как удар молота по наковальне. Пуля калибра 9х18 вошла Максиму точно в левое плечо сзади, пробив плотную ткань куртки, разорвав дельтовидную мышцу и выйдя навылет через ключицу. Максима словно ударили сзади раскаленным ломом. Тело обожгло невыносимой болью, воздух вышибло из легких. Он глухо вскрикнул, но хватки не ослабил — лишь покачнулся, опустив голову, и зубы его сжались с такой силой, что хрустнула эмаль. Сквозь пальцы прижатой к груди руки мгновенно хлынула темная, горячая кровь, закапав серую куртку лежащего под ним налетчика. Из дыры в заборе наконец вывалился Охман. Увидев дымящийся ствол в руке Шапочкина и кровь, он замер, побледнев до синевы: – Влад… ты… ты че сотворил, дебил конченый?! Ты ж его завалил! Шапочкин сам испугался содеянного. Рука с пистолетом задрожала, он опустил оружие, ошалело глядя на Максима. – Он… он сам… Бандит дернулся, я на опережение сработал… – забормотал Влад, судорожно озираясь. – Охман, молчи. Слышишь? Скажем, налетчик выстрелил. У него второй ствол был. Слышишь, Охман?! Охман судорожно сглотнул, вжимая голову в плечи. А Максим медленно поднял голову. Лицо его было белым как мел, губы дрожали от болевого шока, но голубые глаза смотрели прямо на Шапочкина. В этом взгляде не было страха. В нем была такая убийственная, бездонная глубина презрения, что старшина невольно отступил на шаг назад. Тяжелые шаги за углом заставили всех вздрогнуть. – Стоять всем! Из-за гаражей, перепрыгивая через кучу мусора, вылетел Стас. Его светло-русые кудри промокли и прилипли ко лбу, в глазах пылал дикий азарт погони. Он держал свой ПМ двумя руками, мгновенно сканируя пространство. Картина, открывшаяся майору, заставила его застыть на месте: На земле ничком лежал обездвиженный налетчик с разбитым лицом. Сверху на нем, тяжело навалившись всем корпусом и удерживая бандита единственной рабочей рукой, сидел Максим Алёнушкин. Вся левая сторона его куртки набухла от крови, которая струилась по рукаву и капала на землю. Рядом, оцепенев, стояли бледный как поганка Шапочкин и трясущийся Охман. – Твою мать… – выдохнул Стас, убирая ствол в кобуру и в два прыжка оказываясь рядом с Максимом. – Алёнушкин! Богданов упал на колени прямо в грязь, подхватывая оседающего Максима под здоровую руку. Он быстро оценил ранение: входное отверстие сзади, выходное спереди, хлещет сильно, но артерия, кажется, не задета — цвет крови темный, венозный. – Охман, аптечку из «УАЗика» пулей! Жгут, бинты, живо! Скорую вызывай по рации, код один! – рявкнул Стас с такой силой, что Охман подпрыгнул и рванул обратно к бреши в заборе, чуть не снеся кирпичи плечами. Стас сорвал с себя шарф, с силой прижал его к ране Максима, тампонируя кровотечение. Алёнушкин зашипел сквозь зубы, его тело мелко затрясло от озноба, но сознание он не терял. – Держись, парень, держись… – голос Стаса впервые за день звучал без тени сарказма или высокомерия. В нем звенела настоящая, командирская тревога. Майор повернул голову к Шапочкину, который стоял столбом, пряча пистолет в кобуру. – Шапочкин, наручники на этого урода! Сумку проверь! Какого хера здесь произошло?! Кто

стрелял?! Шапочкин открыл рот, но звука не издал — язык присох к гортани. Стас перевел тяжелый, буравящий взгляд на Максима: – Алёнушкин. Кто тебя зацепил? Где второй ствол? Максим тяжело сглотнул ком в горле. Его взгляд скользнул по бескровному, трясущемуся лицу Шапочкина. Старшина смотрел на новичка с животным ужасом, понимая, что одно слово Алёнушкина — и его карьера, погоны и свобода полетят в выгребную яму прямо сейчас. Это был бы трибунал. Статья за покушение на убийство сослуживца при исполнении. Максим помолчал две бесконечные секунды. В его памяти всплыло жесткое, покрытое шрамами лицо приемного отца — Сергея Николаевича Антонова. Тот всегда вбивал в него ремнем и кулаками одно волчье правило: «Свои разборки наружу не выносят. Если тебя ударили в спину — стисни зубы, выживи, а счет предъяви сам. Жаловаться — удел слабаков». Максим медленно перевел взгляд на Богданова и криво, бледно усмехнулся: – Налетчик… товарищ майор. – Что? – нахмурился Стас, сильнее прижимая шарф к его плечу. – У него… «Оса» была в кармане куртки или мелкий ствол… – глухо, с перерывами на вдох, соврал Максим. – Когда я его сбил… он из-под себя пальнул вслепую. А потом выронил. В траву куда-то отлетела… Ищите в траве. Шапочкин судорожно и шумно выдохнул, едва не осев на землю от нахлынувшего облегчения. Стас замер. Его острый, аналитический ум моментально зацепился за несостыковку. Если налетчик лежал лицом вниз, а Максим сидел на нем сверху — как пуля могла войти в плечо сзади под нисходящим углом? Но сейчас было не до баллистических экспертиз. Человек у него на руках истекал кровью, пульс под пальцами становился все более частым и нитевидным. – Молчи, не трать силы, – отрезал Стас. – Охман! Где эта гребаная аптечка?! *** Коридор травматологического отделения Городской больницы 26 на улице Костюшко пах хлоркой, застарелой болью и дешевым табаком, который тянуло со служебной лестницы. Люминесцентные лампы под высоким потолком гудели противно и тоскливо, мигая мертвенно-белым светом. Стас Богданов сидел на жестком пластиковом стуле, вытянув длинные ноги. Его куртка была брошена рядом — рукава форменной рубашки он закатал до локтей, но на предплечьях и манжетах все равно темнели засохшие бурые пятна чужой крови. Майор не находил себе места. Он то поднимался, меряя шагами узкий коридор, то снова садился, с силой растирая ладонями лицо. В углу, на продавленном диванчике, жались Шапочкин и Охман. Шапочкин безостановочно грыз ногти, его глаза бегали по сторонам, а нога нервно отбивала дробь по линолеуму. Охман тупо пялился в пол, тяжело сопя. Остальных двоих грабителей взяли бойцы СОБРа через полчаса после перестрелки на путях — те забились в пустой вагон-рефрижератор. Золото из «Аметиста» вернули до последнего грамма. Начальник главка уже успел позвонить полковнику Богданову и выразить устную благодарность отделу за блестящее раскрытие по горячим следам. Но Стаса это не радовало. Внутри майора скребло тяжелое, липкое подозрение. Картина произошедшего у забора не складывалась. Сколько бы он ни прокручивал ее в голове, факты упрямо восставали против версии Максима. Двойные двери операционного блока с глухим стуком распахнулись. Из них вышел хирург — немолодой, коренастый мужчина с усталым, морщинистым лицом и проседью в густой бороде. Он стянул с головы зеленую одноразовую шапочку, стряхнул резиновые перчатки в урну и тяжело вздохнул, разминая затекшую шею. Стас мгновенно вскочил на ноги. Шапочкин в углу тоже дернулся, подавшись вперед всем телом. – Доктор? – Стас подошел вплотную. – Как он? – Жить будет ваш герой, майор, – негромко ответил врач, глядя на Богданова умными, все повидавшими глазами. – Родился в бронежилете, можно сказать. Пуля прошла навылет, аккуратно раздвинув мышечные волокна, кость не задета, подключичная артерия цела буквально чудом — миллиметра два правее, и вы бы его до приемного покоя не довезли. Крови потерял порядочно, но организм молодой, крепкий. Зашили, дренаж поставили. Сейчас под капельницей в палате интенсивной терапии, спит. Стас с облегчением выдохнул, почувствовав, как каменная плита сползает с груди. – Спасибо, доктор. Поговорить с ним можно? – Завтра утром. Пусть наркоз отойдет. Шапочкин в углу шумно встал, одернул куртку и натянуто, с фальшивой бодростью произнес: – Ну вот и отлично! Слава богу, обо-

шлось. Стас, раз такое дело, мы с Охманом в отдел поедем? Надо рапорта строчить, протоколы допросов оформлять, полковник ждет… – Езжайте, – не оборачиваясь, бросил Стас. – Я позже буду. Шапочкин буквально вылетел в сторону выхода, подталкивая в спину неповоротливого Охмана. Их торопливые шаги быстро стихли на лестнице. Хирург проводил оперативников долгим, тяжелым взглядом, затем повернулся к Стасу. – Богданов, верно? Мне дежурный сказал, ты старший группы. – Да, майор Богданов. А что такое? Врач помолчал, огляделся по сторонам — коридор был абсолютно пуст — и подошел к Стасу вплотную. Его голос опустился до едва различимого шепота: – Пойдем в ординаторскую, майор. Есть разговор не для протокола. Сердце Стаса пропустило глухой удар. Он молча кивнул и последовал за хирургом. В небольшой ординаторской пахло крепким чаем и спиртом. Доктор плотно прикрыл дверь, подошел к рабочему столу, выдвинул ящик и достал маленький прозрачный пластиковый пакетик для анализов. Внутри лежало что-то темное и тяжелое. Врач бросил пакетик на стол перед Стасом. Майор наклонился. В пакете лежала деформированная пуля со следами нагара. – Ты же опер, Богданов, – тихо сказал хирург, скрестив руки на груди. – В оружии разбираешься получше моего. Твой парень в бреду, когда его только привезли, шептал что-то про «Осу» и грабителя. В сопроводиловке из скорой тоже написано — ранение из оружия неизвестной системы, предположительно травматического или переделанного. Стас взял пакетик в руки. Металл холодил пальцы даже сквозь полиэтилен. – Это не «Оса», – севшим голосом произнес майор. – И не кустарная переделка. – Это пуля патрона девять на восемнадцать миллиметров, – жестко отчеканил доктор. – Оболочечная, со свинцовым сердечником. Стандартный боеприпас для пистолета Макарова. Ее фрагмент мы извлекли из мягких тканей у выхода раневого канала — пуля срикошетила от лопатки и слегка застряла на выходе. Стас молчал. В комнате повисла удушливая тишина. – Но это еще не все, майор, – продолжил хирург, глядя Стасу прямо в глаза. – Траектория. Пуля вошла сверху вниз, сзади, под углом около тридцати пяти градусов. Стреляли с расстояния максимум три-четыре метра — на куртке вокруг входного отверстия пороховой ожог и микрочастицы несгоревшего пороха. Человек, который нажал на спуск, стоял прямо за спиной твоего парня, в полный рост. А парень в этот момент был прижат к земле или сидел на ком-то. Доктор сделал паузу, давая смыслу слов осесть в сознании Богданова. – Если бы в него стрелял бандит из-под себя, как вы там наплели в первичном акте, траектория была бы снизу вверх, в упор, и совершенно другой калибр. Майор… в твоего новичка стрелял не грабитель. В него всадили пулю из табельного оружия. Кто-то из своих. Кто стоял у него за спиной. Воздух в ординаторской словно превратился в свинец. Стас стоял неподвижно, сжимая пакетик с пулей так, что побелели костяшки пальцев. Перед внутренним взором Богданова с кинематографической четкостью вспыхнула картина у забора. Бледный, трясущийся Шапочкин с пистолетом в кобуре. Охман, прячущий глаза. Кровь на земле. И спокойные, ледяные голубые глаза Максима Алёнушкина, который, захлебываясь собственной кровью, осознанно и хладнокровно соврал своему командиру: *«Налетчик… товарищ майор. Из-под себя пальнул».* Он не бандита покрывал. Он прикрыл Шапочкина. Или… он не хотел, чтобы в это вмешивался кто-то еще? – Я официально эту пулю в журнал пока не вносил, – негромко произнес врач, тронув Стаса за плечо. – Сказал сестре, что навылет прошла без остатка фрагментов. Написал: ранение слепое, пуля утеряна на месте происшествия. Знаю твоего отца, Владимир Александрович человек чести. И тебя знаю. Разберитесь сами в своем гадюшнике, майор. Но если это дело замнут, а парня потом тихо спишут — я сам пойду в прокуратуру. Ты меня понял? – Понял, – глухо отозвался Стас. Его лицо стало белым, челюсти сжались так, что на скулах заходили желваки. – Спасибо, доктор. Я ваш должник. – Не мой. Его должник, – врач указал пальцем в сторону коридора, где лежали послеоперационные больные. – Он тебе жизнь облегчил, рапорт не написал. Только вот почему — сам у него спроси. Стас спрятал пакетик с пулей во внутренний карман куртки — прямо к сердцу. Свинец жег грудь через ткань рубашки, словно раскаленный уголь. Майор вышел из ординаторской и тяжелыми шагами направился

по тихому больничному коридору к палате интенсивной терапии. Толкнув белую дверь, он вошел внутрь. В палате тихо пищали приборы слежения. За окном сгустились ранние питерские сумерки, холодный дождь хлестал по стеклу, размывая огни далекого Московского проспекта. Максим лежал на узкой функциональной кровати, укрытый одеялом до пояса. Левое плечо и грудь были плотно забинтованы толстым слоем стерильных повязок. Из вены на правой руке тянулась прозрачная трубка капельницы к штативу. Лицо Алёнушкина казалось осунувшимся, темный короткий ежик волос растрепался на подушке, под глазами залегли глубокие тени. Услышав скрип двери, Максим медленно открыл глаза. Увидев Стаса, он не шелохнулся — лишь чуть заметно приподнял уголки бледных, потрескавшихся губ. – Товарищ майор… Вы чего не в отделе? Рапорт за меня… писать некому. Стас подошел к кровати вплотную, выдвинул металлический табурет и тяжело сел, уперев локти в колени. Несколько секунд он молча смотрел на своего младшего лейтенанта. В палате слышался только мерный писк кардиомонитора да шум дождя за окном. Затем Стас медленно опустил руку в карман куртки, достал прозрачный пакетик с деформированной девятимиллиметровой пулей и положил его на прикроватную тумбочку — прямо перед глазами Максима. Взгляд Алёнушкина скользнул по свинцу. Ни один мускул не дрогнул на его лице, лишь веки чуть дрогнули, а голубые глаза стали совсем темными, цвета штормовой Балтики. – Девять на восемнадцать, – негромко, страшно спокойно произнес Стас. – Выстрел сверху вниз, в спину. С расстояния трех метров. Пороховой ожог на твоей куртке. Максим молчал, глядя в потолок. – Почему ты соврал мне, Алёнушкин? – в голосе Стаса зазвенела с трудом сдерживаемая, яростная боль. – Почему ты прикрыл эту гниду Шапочкина? Ты понимаешь, что он в тебя стрелял?! Намеренно или по своей трусости собачьей — не имеет значения! Он нажал на спуск, целясь в тебя! Почему ты не сказал правду?! Максим медленно повернул голову на подушке, встречая бешеный, требующий ответа взгляд майора. На его бледном лице не было ни злости, ни обиды. Была лишь странная, не по годам взрослая усталость. – А что бы изменилось, товарищ майор? – тихо, но удивительно твердо спросил Максим. – Вы бы его прямо там застрелили? Или в наручниках в главк повезли? И что дальше? Скандал на весь город. Убойный отдел полковника Богданова: опера стреляют друг в друга из-за золота. Вашего отца снимут через два часа. На вас поставят крест. Отдел расформируют к чертовой матери. Этого вы хотели? Стас замер, словно получив удар под дых. Он ожидал чего угодно: страха, личной мести, дурацкой воровской гордости, перенятой у приемного отца-деспота. Но он никак не ожидал, что этот двадцатисемилетний пацан, которого он с утра посчитал сопливой обузой, в момент, когда в него всадили пулю, думал о чести отдела и о его отце. – Ты… – Стас запнулся, чувствуя, как перехватило горло. – Ты из-за бати промолчал? – И из-за него тоже, – Максим едва заметно поморщился от вспышки боли в плече. – Сергей Николаевич… мой отчим… он всегда говорил: полковник Богданов — последний честный мужик в этом городе. И если я подставлю его отдел, он мне вторую руку лично оторвет. А Шапочкин… В глазах Алёнушкина вдруг блеснул тот самый опасный, волчий огонек, за который его вышвырнули из Центрального района. – Шапочкин свой счет еще оплатит. Но не через прокурорские бумажки. Мы с ним сами разберемся. По-мужски. Когда плечо заживет. Стас медленно поднялся с табурета.

Линия излома

Сырое петербургское утро встретило их запахом прелого асфальта, тяжелым чадом дизельных выхлопов и ледяной крупой, хлеставшей в ветровое стекло. Стас заглушил мотор «Форда» на служебной стоянке Московского РУВД, но ключа из замка зажигания не вынул. В салоне еще висело остаточное тепло печки, смешанное с горьковатым духом аптечных мазей и слабым ароматом цитрусового освежителя. Из колонок еле слышно, на самой грани различимости, шуршал «Аквариум» — тягучий, меланхоличный, совершенно не подходивший под то, что должно было произойти через несколько минут.Стас повернул голову влево.Максим сидел на пассажирском кресле неподвижно, уставившись перед собой на темные громады сталинских домов, окаймлявших проспект. Под его глазами залегли сизые тени, серая трикотажная толстовка на левом плече заметно топорщилась из-за толстого слоя марли и эластичного бинта, а правая рука бережно придерживала поврежденную конечность за локоть. Из больницы Алёнушкин сбежал едва рассвело — без выписки, под расписку, нагло глядя в глаза дежурному врачу и заявив, что у него «служебная необходимость и вообще гемоглобин как у быка». Стасу пришлось забирать его с черного хода травматологии на Костюшко, чертыхаясь про себя на чем свет стоит.– Ты вообще соображаешь, куда приперся? – не выдержал Стас. Голос майора прозвучал глухо, сдавленно. – Тебе три дня положено пластом лежать. Дренаж только вчера вечером сняли. Если шов разойдется, ты прямо на ковре у бати кровью истечешь. Думаешь, он тебя пожалеет?Максим медленно перевел на него взгляд. Голубые глаза были мутными от недосыпа и обезболивающих, но в глубине зрачков по-прежнему теплилось то самое упрямое, неистребимое спокойствие, которое бесило и одновременно завораживало Стаса с первой секунды их знакомства.– Не разойдется, товарищ майор, – Алёнушкин чуть дернул уголком бледных губ. – Нитки капроновые, хирург сказал — хоть трактором тяни. А дома сидеть в Купчино с перевязанной лапой — тоска смертная. К тому же… вы ведь сами знаете, что сейчас начнется.Стас сжал пальцы на ободе руля так, что захрустела кожаная оплетка. Светло-русые кудри рассыпались по лбу, но он даже не попытался смахнуть их. В груди майора с самого вчерашнего вечера, с того момента, как врач выложил на стол пакетик с пулей девять на восемнадцать, клокотала тяжелая, ядовитая ярость.– Знаю, – отчеканил Богданов. – Батя уже трижды мне на мобильный звонил. Трубку снял дежурный по главку, поздравил с блестящим раскрытием, а отец только рявкнул: «Обоих ко мне в кабинет в девять ноль-ноль. Не дай бог опоздаете».– Ну вот и отлично, – Максим осторожно пошевелил пальцами левой руки, проверяя чувствительность, и тихо поморщился от вспышки боли. – Значит, в девять ноль-ноль. Пошли?– Подожди.Стас протянул руку, собираясь перехватить Максима за здоровое плечо, но вовремя остановился, замерев в сантиметре от плотной ткани куртки. Его голубые глаза, обычно насмешливые и колючие, потемнели.– Максим. Я вчера в больнице все сказал. Пуля у меня в кармане. Траектория ясна даже курсанту-первогодку. Шапочкин стрелял в тебя сзади, в упор. Я не собираюсь покрывать эту мразь. Ни ради отца, ни ради чести мундира, ни ради твоих бредовых понятий о благородстве. Он выстрелил в спину своему. За такое в тайге закапывают, а здесь он сядет. Надолго.Максим тяжело вздохнул, оперевшись затылком о подголовник. В его взгляде промелькнула странная, почти отеческая снисходительность, совершенно неуместная для младшего по званию.– Станислав Владимирович. Вы умный мужик, у вас аналитика работает как швейцарские часы. Но вы сейчас думаете эмоциями. Обидой за отдел, злостью за то, что в вашей стае завелась крыса. А вы подумайте на ход вперед. Вот выкладываете вы пулю на стол Владимиру Александровичу. Что дальше?– Служебная проверка. УСБ. Арест Шапочкина, – жестко ответил Стас.– Правильно. А дальше — показания Шапочкина. Он же не дурак, он один на дно не пойдет. Он начнет орать, что стрелял случайно, что я сам бросился под линию огня, нарушив приказ. Поднимет мое дело из Центрального, где черным

по белому написано: склонен к авантюризму, не соблюдает субординацию. Охман подтвердит каждое его слово — они же спелись давно, как шерочка с машерочкой. В итоге — развал дела по налетчикам, проверка всего отдела, прокуратура роет носом землю. А самое главное — ваш отец.Максим повернулся к Стасу всем корпусом, превозмогая тупую, ноющую боль в ключице.– Его сожрут, Стас. Генерал из главка только и ждет повода, чтобы Богданова-старшего на пенсию спровадить и свое протеже на Московский район посадить. Вы этого хотите? Чтобы отца с инфарктом увезли из-за одного придурка с дрожащими пальцами?Стас замер. Челюсти свело судорогой. Горькая, отвратительная правда слов Алёнушкина резала без ножа. Майор ненавидел компромиссы. Вся его жизнь была построена на прямоте, дерзости и уверенности в том, что закон и справедливость должны бить точно в цель, как хорошая пуля. Но сейчас перед ним стоял выбор между абстрактным возмездием и реальным разгромом собственной семьи.– И что ты предлагаешь? – сквозь зубы процедил Богданов. – Улыбаться этой скотине Шапочкину? Здороваться за руку?– Здороваться не надо, – спокойно ответил Максим, и в глубине его чистых синих глаз мелькнула холодная, опасная сталь. – Я же сказал: мы с ним посчитаемся сами. Без посторонних ушей. А сейчас — работаем по моему сценарию. Вы молчите, майор. Говорю я.– Алёнушкин, ты берега не путай, – вскинулся Стас, чувствуя, как привычная властность дает трещину под напором этого невысокого, упрямого купчинского опера. – Я здесь старший группы. Я отвечаю за тебя головой.– Вот именно поэтому вы и будете молчать, – мягко, но несокрушимо отрезал Максим. Он толкнул дверцу здоровой рукой. – Время без пяти девять. Пошли, а то батя ваш решит, что мы в бега подались.***В коридорах убойного отдела царила гнетущая, натянутая как струна тишина. Дежурные опера при появлении Богданова и Алёнушкина мгновенно прятали глаза в мониторы и папки с уголовными делами. Новость о том, что вчерашний налет закончился перестрелкой и ранением новенького, уже облетела все здание на Московском, обрастая самыми дикими подробностями.Возле кофейного автомата в конце коридора стояли Шапочкин и Охман.При виде вошедших Шапочкин дернулся, расплескав коричневую бурду из пластикового стаканчика на форменные брюки. Его лицо за ночь осунулось, под глазами залегли желтушные круги, а взгляд метался от Стаса к перевязанному плечу Максима, словно у загнанного в угол хорька. Охман стоял чуть позади, опустив голову в плечи и старательно делая вид, что изучает ориентировку на беглого рецидивиста на стенде.Стас на секунду притормозил, его шаги стали тяжелыми, пружинящими. Мышцы спины натянулись под курткой, кулаки сжались сами собой. Один точный удар в эту испуганную физиономию Шапочкина — и от старшины останется только мокрое место.Максим словно почувствовал движение майора. Он не оборачиваясь, лишь едва заметно качнул здоровым плечом, преграждая Стасу траекторию, и не глядя на застывших сослуживцев, ровным, чеканным шагом прошел мимо.– Доброе утро, коллеги, – бросил Максим с легкой, почти дружелюбной усмешкой, от которой у Шапочкина по спине продрал ледяной озноб. – Удачного дежурства.Охман что-то невнятно булькнул в ответ, а Шапочкин судорожно сглотнул, вжавшись лопатками в стену.Стас смерил обоих уничтожающим взглядом, полным неприкрытого, ледяного презрения, и шагнул вслед за Алёнушкиным к массивной дубовой двери с золотистой табличкой: «Начальник убойного отдела полковник полиции Богданов В. А.».Не успел Стас поднять руку, чтобы постучать, как из-за двери донесся громовой, сотрясающий косяки рык:– Входите оба! Нечего под дверью топтаться!Стас нажал на полированную латунную ручку и толкнул створку.В кабинете начальника отдела пахло корвалолом, остывшим крепким чаем и надвигающейся бурей. Окна были закрыты жалюзи, сквозь узкие щели пробивался тусклый дневной свет, полосуя массивный полированный стол.Полковник Владимир Александрович Богданов стоял посреди комнаты. Китель был расстегнут на верхние пуговицы, тяжелые кулаки уперты в бока, широкое, массивное лицо налилось багровым гневом. Седые брови сошлись на переносице так плотно, что взгляд казался свинцовым, готовым пробить насквозь любого, кто рискнет переступить порог.– Закрыть дверь, – глухо, со страшной силой приказал полковни-

к.Стас захлопнул дверь за спиной. Встал по стойке смирно, расправив широкие плечи, привычно принимая удар на себя. Рядом замер Максим — чуть ниже ростом, бледный, но прямой как натянутая тетива.– Товарищ полковник, майор Богданов по вашему…– Молчать! – рявкнул Богданов-старший с такой яростью, что на столе звякнула чайная ложка в граненым стакане. Полковник сделал два тяжелых шага вперед, надвигаясь на сына как штормовая туча. – Молчать, майор! Я кому вчера подчиненного вручил?! Кому я в эти бестолковые светло-русые мозги вбивал: беречь людей, работать по уму, не лезть на рожон?!Стас сжал зубы, чувствуя, как внутри закипает ответная, сыновья и офицерская гордость.– Батя, операция завершена успешно…– Успешно?! – полковник сорвался на громогласный бас, ударив кулаком по спинке стула. – Трое суток в отделе парень не проработал! Первый выезд — и сквозное огнестрельное! Мне в шесть утра генерал звонит, по плечу хлопает, а у меня в горле кость стоит! Потому что мой сын, мой лучший опер, хваленый тактик и аналитик, допустил бойню на товарных путях! Ты как преследование вел?! Где оцепление? Где взаимодействие с группой прикрытия?!Владимир Александрович тяжело, хрипло дышал, сверля Стаса налитыми кровью глазами. В этом крике была не просто командирская злость — в нем сквозил застарелый, глубокий отцовский страх за сына, который слишком часто ходил по лезвию ножа, и стыд перед старым боевым товарищем Антоновым.– Ты понимаешь, что мне Серега Антонов сказал, когда я ему ночью позвонил?! – голос полковника задрожал от едва сдерживаемого бешенства. – Он трубку бросил! Он мне двадцать лет назад жизнь спас под Первомайским, а я его приемного пацана в первый же день под пули подставил! Под трибунал тебя мало сдать, Станислав! Погоны сорвать к чертовой матери и во вневедомственную отправить шлагбаум поднимать! Рапорт о неполном служебном соответствии ляжет на стол начальнику главка сегодня же!Стас побледнел. Слова отца ударили наотмашь. Не угроза трибунала задела его — задело то, что отец, не разобравшись, выставил его безответственным щенком, мальчишкой, бросившим напарника на убой. А главное — рядом стоял Алёнушкин. И в глазах этого парня Стас не хотел выглядеть виноватым ни на йоту.Хватит. Ложь душила. Майор глубоко вдохнул, решив покончить с этим цирком прямо сейчас. Пусть летит к чертям карьера, пусть сыплется отдел — он не позволит смешивать себя с дерьмом за чужой грех.– Товарищ полковник, – громко, перекрывая тяжелое дыхание отца, заговорил Стас, шагнув вперед. – Вы не знаете всех обстоятельств. Выстрел у гаражей…– Разрешите обратиться, товарищ полковник! – внезапно перебил его Максим.Голос Алёнушкина прозвучал неожиданно звонко, четко, с идеальной академической выправкой, разрезав наэлектризованный воздух кабинета.Богданов-старший осекся, медленно переведя тяжелый, насупленный взгляд с сына на младшего лейтенанта.– Что? – глухо бросил полковник. – Стоять смирно, Алёнушкин. К тебе претензий по мужеству нет, но дисциплина…– Никак нет, товарищ полковник! – Максим сделал шаг вперед, вклиниваясь между отцом и сыном, и вытянулся в струнку, несмотря на то, что каждое движение отзывалось дикой судорогой в раненом плече. – Претензии должны быть именно ко мне. Майор Богданов действовал безупречно. Вся вина за произошедшее лежит исключительно на мне.Стас резко повернулся к Максиму, в его голубых глазах вспыхнуло бешенство:– Алёнушкин, молчать! Это приказ!– Никак нет, товарищ майор, я обязан доложить начальнику отдела правду! – с нажимом, не глядя на Стаса, отчеканил Максим.Полковник нахмурился еще сильнее, его цепкий, проницательный взгляд скользнул по бледному лицу новичка, затем по напряженной фигуре сына.– Докладывай, Алёнушкин. Коротко и по существу.Максим набрал в грудь побольше воздуха. На его виске вздулась тонкая синяя жилка, но голос звучал абсолютно твердо, спокойно и уверенно:– При преследовании подозреваемых в районе товарной станции майор Богданов отдал мне четкий, недвусмысленный приказ: держать сектор справа, не приближаться к забору и ждать подхода группы Шапочкина и Охмана. Я этот приказ проигнорировал.Стас едва не задохнулся от возмущения, но Максим продолжал, чеканя каждое слово, словно вбивал гвозди:– Увидев, что подозреваемый с сумкой пытается скрыться через лаз под теплотрассой, я поддался азарту. Проявил неоправ-

данную инициативу, самовольно покинул позицию и в одиночку пошел на штурм стены. Когда я настиг налетчика, то допустил грубейшую тактическую ошибку: не проверил его на наличие скрытого оружия, не зафиксировал руки и сразу полез вязать. Преступник оказал ожесточенное сопротивление, выхватил из кармана короткоствол и выстрелил вслепую в борьбе.Максим на секунду замолчал, сглотнув подступившую сухость в горле, и закончил:– Майор Богданов появился на месте через три секунды после выстрела. Он спас мне жизнь, оказал первую помощь и грамотно скоординировал задержание остальных членов бандгруппы. Если бы не Станислав Владимирович, я бы там и остался. Я виноват, товарищ полковник. Старая купчинская дурь взыграла — захотел подвиг совершить, нос старослужащим утереть. Готов понести любое дисциплинарное наказание вплоть до увольнения из органов внутренних дел.В кабинете повисла мертвая, оглушительная тишина.Было слышно, как за окном с шелестом проезжают по мокрому проспекту тяжелые грузовики.Стас стоял, онемев. Его острый аналитический ум, привыкший просчитывать схемы криминальных авторитетов на десять ходов вперед, сейчас буксовал, отказываясь переваривать происходящее. Этот невысокий, сбитый парень только что с феноменальной, филигранной точностью выстроил идеальную легенду. Он взял на себя всё: неподчинение приказу, тактическую безграмотность, мальчишеский азарт — всё то, за что его когда-то выперли из Центрального района. Он добровольно надел на себя ярлык безответственного сорвиголовы, чтобы снять даже тень подозрения со Стаса и спасти полковника от позора.Владимир Александрович медленно обошел стол. Гнев на его лице постепенно сменялся усталостью и глубоким разочарованием, но буря явно пошла на спад. Полковник тяжело опустился в свое кожаное кресло, потер ладонью переносицу и поднял глаза на Максима.– Значит, опять? – тихо, с горечью спросил Богданов-старший. – Опять героические замашки, Алёнушкин? Я ведь с твоим отцом вчера полночи говорил. Он мне клялся: парень остепенился, парень повзрослел, в академии ума набрался. А ты… Ты чуть группу под огонь не подставил! Ты понимаешь, что если бы бандит тебе в артерию попал, Стас бы тебя в мешке оттуда вынес?!– Так точно, товарищ полковник. Понимаю, – глухо отозвался Максим, глядя прямо перед собой в стену над головой начальника.– Не понимаешь ты нихрена! – полковник с силой бросил ручку на бумаги. – Индивидуалист хренов. Рок-н-ролл у тебя в башке до сих пор играет! В убойном отделе нет одиночек, Алёнушкин! Здесь либо спина к спине, либо на кладбище!Богданов-старший перевел тяжелый взгляд на сына. Стас стоял не шевелясь, желваки на его скулах ходили ходуном, а кулаки были сжаты с такой силой, что ногти впивались в ладони.– Стас, – голос отца звучал уже спокойнее, но все еще сухо и строго. – Ты свободен. Иди оформляй протоколы допросов по налетчикам. В десять тридцать жду сводку по вещдокам из салона. И с машиной своей разберись — капот изрешечен, стыдно к главку подъехать.– Товарищ полковник… – начал было Стас, чувствуя, как внутри все восстает против этой несправедливой, чудовищной развязки.– Я сказал — свободен, майор! – отрезал отец тоном, не терпящим возражений. – С Алёнушкиным я сам закончу разговор.Максим коротко, едва заметно скосил глаза на Стаса. Во взгляде младшего лейтенанта читалась неприкрытая, отчаянная мольба: *«Уходи. Не ломай всё. Пожалуйста»*.Стас шумно, яростно выдохнул сквозь стиснутые зубы. Коротко козырнув, он круто развернулся на каблуках и вышел из кабинета, с силой притянув за собой тяжелую дверь.Оказавшись в пустом приемном покое, майор остановился. Грудь вздымалась, воздух казался раскаленным. Через массивное дерево доносился приглушенный, суровый голос полковника Богданова:– …объявляю тебе строгий выговор с занесением в личное дело! Премии за квартал лишаешься полностью. Еще один подобный косяк, Максим, хоть полшага в сторону от приказа командира — и я лично подпишу приказ о твоем увольнении по несоответствию! И никакой Сергей Николаевич тебе не поможет! Усек?!– Так точно, товарищ полковник, – раздался спокойный, ровный ответ Максима.Стас закрыл глаза, прислонившись затылком к холодной штукатурке стены. В ушах звенело.***Через двадцать минут дверь кабинета начальника со щелчком отворилась.Максим вышел в кори-

дор медленно, слегка волоча правую ногу от накопившейся усталости. Лицо его было серым, почти землистым, на лбу блестела испарина. Он прижимал больную руку к груди, стараясь не делать глубоких вдохов — каждое движение ребер отзывалось резкой, пульсирующей болью в разорванной ключице.Стас ждал его у окна в конце коридора.Увидев майора, Максим слабо улыбнулся — открыто, без тени сожаления или обиды:– Вы еще здесь, товарищ майор? А я думал, вы уже протоколы строчите. Полковник сказал, у вас в десять тридцать…Договорить он не успел.Стас шагнул вперед, схватил Максима за здоровую правую руку повыше локтя и властно, но на удивление бережно потянул за собой:– Пошли.– Куда? – опешил Максим, пытаясь притормозить.– В архив. Там никого нет. Живо.Богданов довел его до конца коридора, толкнул неприметную металлическую дверь с надписью «Архив оперативно-служебной документации» и втолкнул Максима внутрь, щелкнув шпингалетом изнутри.В архиве было полутемно, пахло старой бумагой, сухим картоном и пылью. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи с папками, перевязанными суровыми нитками. Единственная тусклая лампочка под потолком отбрасывала длинные, глубокие тени.Стас развернулся к Максиму. Майор возвышался над ним — высокий, широкоплечий, со взъерошенными светло-русыми кудрями и горящими голубыми глазами, в которых бушевала целая буря невысказанных эмоций.– Ты больной на всю голову, Алёнушкин? – прошипел Стас, нависая над младшим лейтенантом. Его голос дрожал от сдерживаемой ярости и чего-то еще, чему Богданов пока не мог подобрать названия. – Ты что там устроил?! Зачем ты подставился?! Строгач в личное дело! Без премии! Отец тебя чуть с дерьмом не смешал! Ты понимаешь, что теперь на тебе клеймо неадеквата на весь главк висеть будет?!Максим тяжело привалился спиной к деревянному стеллажу, прикрыл глаза и перевел дух. Боль в плече накатывала волнами, перед глазами плыли цветные круги, но он заставил себя выпрямиться и посмотреть майору прямо в лицо.– А вы бы предпочли, чтобы на вас висело клеймо убийцы собственного подчиненного? – негромко, но с поразительной силой спросил Максим. – Или чтобы вашего отца сожрали штабные волки?– Да плевать мне на штабных волков! – рявкнул Стас, сделав шаг вплотную. Расстояние между ними сократилось до нескольких сантиметров; Стас чувствовал прерывистое, горячее дыхание Максима, пахнущее больничной мятой. – Я привык отвечать за свои косяки сам! Я командир! Я должен был разрулить это дерьмо, а не прятаться за спину сопливого стажера с пулей в плече!– Я не сопливый стажер, майор, – Максим вдруг поднял здоровую руку и уперся ладонью в твердую грудь Стаса, не позволяя наступать дальше. Прикосновение было твердым, уверенным. – И за вашей спиной я не прятался. Я сделал то, что посчитал нужным. По совести. Вы — нормальный мужик, Богданов. Дерзкий, заносчивый, самоуверенный до тошноты… Но вы настоящий опер. И отдел этот на вас держится. Если бы я вас вчера не прикрыл, Шапочкин с Охманом вас бы утопили. А так — мы выиграли время.Стас замер, глядя на ладонь Максима, лежащую на его форменной рубашке — прямо над бьющимся, взбесившимся сердцем.В полумраке архива лицо Алёнушкина казалось другим. Пропала напускная простоватость круглого купчинского парня. В жестких складках у рта, в коротком колючем темном ежике волос, в абсолютно чистых, бесстрашных голубых глазах сквозила такая внутренняя порода, такая несокрушимая, спокойная мужская сила, которая встречается раз на тысячу.Он стоял перед ним — раненый, едва держащийся на ногах от боли, получивший незаслуженный нагоняй и строгий выговор, потерявший деньги и репутацию — и в его глазах не было ни капли жалости к себе. Ни тени упрека.Только готовность стоять до конца.И в этот момент Стаса Богданова словно ударило током.Его острый, тренированный ум, способный мгновенно расщеплять любую ситуацию на атомы, вдруг дал сбой. В груди разлилось странное, обжигающее тепло, от которого перехватило дыхание. Это было не просто профессиональное уважение старшего офицера к храброму напарнику. Это было глубже. Опаснее.Стас вдруг поймал себя на мысли, что жадно, неотрывно разглядывает лицо Максима: линию его упрямой челюсти, бледные, обветренные губы, темные ресницы, синеву глаз, в которых отражался тусклый свет лампы. Ему вдруг захотелось не оттолкнуть

эту лежащую на его груди ладонь, а накрыть ее своей рукой. Сжать крепко. Притянуть этого невысокого, упрямого черта ближе, закрыть от всего мира, от Шапочкина, от орущего отца, от промозглого питерского дождя.*«Твою мать, Богданов… Ты о чем думаешь вообще?»* – пронеслось в голове панической вспышкой.Но мысль уже пустила корни. Максим Алёнушкин был ему симпатичен. Безумно, чертовски симпатичен. Не просто как боевая единица, не как «пополнение в стаю», а как человек. Живой, настоящий, теплый. Тот редкий тип людей, ради которых хочется не просто рисковать шкурой, а жить и драться до последнего патрона.Максим, заметив, как изменился взгляд майора — стал глубже, темнее, потеряв привычную насмешливость, — чуть нахмурился:– Стас?.. Вы чего?Обращение по имени без звания сорвалось с губ Алёнушкина совершенно естественно, словно между ними уже давно не было казенных барьеров.Стас моргнул, сбрасывая оцепенение, но взгляда не отвел. Медленно, осторожно, стараясь не задеть перевязанную левую сторону, майор положил свою широкую ладонь на здоровое плечо Максима. Пальцы сжались чуть крепче, чем требовалось по уставу.– Болит? – негромко спросил Стас. Голос прозвучал хрипло, интимно в тишине архива.– Ноет, – честно признался Максим, и его веки на секунду опустились. – Дурное дело нехитрое. Обезбол отходит.– Дурак ты, Алёнушкин, – выдохнул Стас, и на его губах впервые за это чертово утро появилась та самая, фирменная богдановская усмешка — теплая, чуть дерзкая и невероятно обаятельная. – Сказочный, непроходимый дурак. Но… спасибо. За отца спасибо.Максим открыл глаза и слабо улыбнулся в ответ:– Сочтемся, командир. С вас теперь приличный кофе. Казенная жижа из автомата меня точно в гроб загонит.– Будет тебе кофе, – Стас убрал руку с его плеча, чувствуя странную пустоту в пальцах, но усилием воли вернул себе деловой тон. – Значит так, боец. Слушай мою команду. Сейчас идешь в дежурку, берешь ключ от моего «Форда». Ложишься на заднее сиденье и спишь. Часа три минимум. Попробуешь дернуться в сторону кабинета — лично свяжу и в багажник запру.– А протоколы? – вяло попытался возразить Максим.– Протоколы я сам напишу. Твой почерк один хрен ни один прокурор не разберет, – отрезал Стас, отпирая задвижку на двери архива. – А в два часа я тебя в Купчино отвезу. Отсыпаться будешь до понедельника. Это приказ, лейтенант.Максим посмотрел на него снизу вверх, и в глубине его синих глаз блеснуло чистое, искреннее доверие. Без подтекста, без фальши.– Есть спать в машине, товарищ майор.Когда Максим, осторожно ступая, вышел в коридор, Стас задержался в дверях архива еще на пару секунд. Он провел ладонью по своим светло-русым кудрям, глубоко вдохнул пыльный воздух и тихо, неслышно для окружающих усмехнулся.Город за окном по-прежнему захлестывала волна преступности, впереди маячили тяжелые допросы, разборки с наглыми налетчиками и неизбежная, глухая расплата со старшиной Шапочкиным, до которого Стас теперь обязательно доберется — тихо, без шума, так, как умел только он.Но впервые за долгие месяцы беспросветной ментовской рутины майор Богданов почувствовал, что в этой промозглой питерской тьме он больше не один.Рядом был Алёнушкин. И черт возьми, ради того, чтобы увидеть эту спокойную, уверенную улыбку снова, Стас был готов перевернуть весь Московский район вверх дном.

Точка кипения

Питерский ноябрь не оставлял шансов на иллюзии: небо над Московским районом висело так низко, что, казалось, шпили сталинок царапали его серое, набухшее ледяной влагой брюхо. Ветер с залива продувал широкий проспект насквозь, бросая в лобовые стекла припаркованных у РУВД машин мелкую, колючую крупу — полудождь, полуснег. В старом казенном здании пахло сырыми шинелями, мокрым асфальтом и дешевым табаком, пробивавшимся из вентиляционных шахт подвала.Стас Богданов поднялся на третий этаж, перешагивая через две ступени. Светло-русые кудри после утренней пробежки под дождем сбились в абсолютный хаос, мокрая кожаная куртка блестела от влаги, а в голубых глазах застыло привычное хмурое напряжение. В руке майор сжимал два больших бумажных стакана с нормальным американо из круглосуточной пекарни на углу — пить тошнотворный растворимый суррогат из автомата на первом этаже он больше не позволял ни себе, ни своему новому подчиненному.В кабинете начальника отдела царил полумрак, разгоняемый лишь настольной лампой под зеленым пластиковым абажуром. Полковник Богданов стоял у магнитной доски, на которой уже белели свежие фотографии, карты района и схемы с красными стрелками. Рядом на стуле, неестественно прямо держа спину, сидел Максим. На нем был темно-синий плотный свитер крупной вязки — Стас сразу понял, что под свободную ткань спрятана толстая марлевая повязка, закрывающая разорванное плечо. Лицо Алёнушкина оставалось бледным, под глазами залегли тени, но взгляд синих глаз был чистым, цепким и совершенно спокойным.Чуть поодаль, развалившись на казенных стульях, перешептывались Шапочкин и Охман. Шапочкин за прошедшие сутки разительно переменился: страх, душивший его на товарных путях, бесследно испарился. Поняв, что новичок взял всю вину на себя и проглотил выстрел, старшина уверовал в собственную безнаказанность. На его остроскулом лице снова цвела привычная хамская, самодовольная ухмылка.– Рассаживайтесь, – сухо бросил полковник, окинув вошедшего сына тяжелым взглядом. О вчерашней буре Богданов-старший больше не напоминал, но в голосе звенел металл. – Не до церемоний. Город на ушах. За последние четверо суток — пять эпизодов. И все в нашем квадрате: Бассейная, Благодатная, Гагарина.Стас молча поставил один стакан с кофе перед Максимом — тот благодарно, едва заметно кивнул, коснувшись пальцами теплого картона, — а сам прислонился плечом к оконному косяку, скрестив руки на груди.– Квартирные? – спросил майор, мгновенно переключаясь в рабочий режим.– Они самые, – полковник ткнул указкой в фотографии взломанных замков. – Но не типичные форточники и не наркоманы. Работает группа профи. Берут только элитку — сталинки с высокими потолками, новострои бизнес-класса. Заходят средь бела дня, строго с одиннадцати утра до трех дня, когда жильцы на работе, а консьержи или спят, или отходят на обед. Вскрывают сувальдные и цилиндровые замки высшей секретности без единого скола, чистейшая работа отмычками. На все уходит не больше пятнадцати минут. Уносят исключительно валюту, мелкую ювелирку и антиквариат. Никакой бытовой техники, шуб или тяжелых сейфов. Никаких отпечатков, камеры в подъездах заливают краской из баллончиков ровно за минуту до входа.– Наводка? – подал голос Охман, ковыряя спичкой в зубах. – Если адреса точечные, значит, кто-то сливает базу. Налоговая, риелторы, банки?– Все пять квартир принадлежат разным людям: коммерческий директор логистической фирмы, пластический хирург, вдова профессора и два владельца автосалонов, – ответил Богданов-старший. – Пересечений по банкам и имущественным сделкам эксперты не нашли. Сегодня в одиннадцать тридцать обчистили квартиру на Кузнецовской. Ущерб — под двенадцать миллионов рублей. Из главка звонили: если до конца недели не возьмем группу за жабры, нас всех смешают с грязью. Дело на контроле у генерала. Стас, группа твоя. Все силы района в твоем распоряжении.– Принял, – коротко кивнул Стас. – Поднимем всех скупщиков по городу, потрясем ломбарды в Московском и Адмиралтейском. Охман, запроси в

жилконторах графики дежурств дворников и консьержей по всем пяти точкам. Шапочкин — на тебе наружка у элитных домов на Московском.– А новенький у нас что делать будет? – ядовито протянул Шапочкин, смерив Максима наглым, вызывающим взглядом. – Бумажки в архиве перекладывать? Или опять грудью на амбразуру полезет, чтоб полковник медаль выписал? А то ведь у нас герои нынче хлипкие пошли, от одного щелчка сыплются.В кабинете повисла нехорошая, вязкая тишина.Стас медленно выпрямился, и в его голубых глазах заплясали опасные, бешеные искры. Желваки на челюсти майора натянулись так, что кожа побелела. Он уже открыл рот, чтобы стереть старшину в порошок прямо при отце, но Максим опередил его.– Я возьму на себя анализ видеозаписей с уличных перекрестков и обзорных камер «Безопасного города», – совершенно ровным, глуховатым голосом произнес Алёнушкин. Он даже бровью не повел на выпад Шапочкина, продолжая спокойно изучать фотографии на доске. – Если в подъездах глазки заливали краской, значит, к домам они подходили открыто. Машину отхода бросать близко не стали бы — в старых дворах днем не припарковаться. Они шли пешком минимум два-три квартала до неприметного авто. Пять эпизодов — это пять маршрутов отхода. Они обязательно должны пересечься на каком-то общем узле.Полковник Богданов внимательно посмотрел на Максима. В суровых глазах начальника мелькнуло одобрение, хотя вслух он ничего не сказал.– Разумно, – отрезал полковник. – Работайте. Докладывать каждые три часа. Свободны.Когда опера вышли в длинный полутемный коридор, Шапочкин намеренно притормозил, пропуская Максима вперед. Проходя мимо, старшина громко, демонстративно хмыкнул и бросил в спину младшему лейтенанту:– Смотри не перетрудись, следопыт купчинский. А то плечико заболит, к мамочке побежишь плакаться. Герой комнатный…Охман рядом мерзко заржал, поддакивая дружку.Максим продолжал идти вперед мерным, неторопливым шагом, придерживая здоровой рукой стопку распечаток. Ни один мускул на его круглом лице не дрогнул. Он просто не слышал их — или делал вид, что не слышит, демонстрируя абсолютную, гранитную невозмутимость.Стас, шедший позади, поравнялся с Шапочкиным. Его высокая атлетичная фигура нависла над низкорослым старшиной, перекрывая тусклый свет потолочной лампы. Взгляд майора был тяжелым, как обух топора.– Шапочкин, – тихо, одними губами произнес Стас. – Ты берега не путай. Я тебя предупреждал: еще одно слово не по службе — и я тебе язык лично в узел завяжу.Влад на мгновение стушевался под этим диким, бешеным напором, но тут же осклабился, почувствовав за спиной молчаливую поддержку Охмана:– А че такого, Станислав Владимирович? Шуток уже не понимаем? Мы ж по-свойски. Парень сам виноват, что под пули полез, полковник ему вчера все популярно объяснил. Или у нас теперь для блатных особые условия?Стас шагнул вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума, но в этот момент впереди обернулся Максим:– Товарищ майор. Диски с Кузнецовской уже привезли. Поможете настроить сервер в оперчасти?Голос Алёнушкина звучал так спокойно и буднично, словно ничего не происходило.Стас шумно выдохнул сквозь сжатые зубы, смерил Шапочкина взглядом, обещавшим скорую и мучительную расправу, и резко развернулся, зашагав к кабинету оперов.***В кабинете убойного отдела пахло жженым кофе, пыльной бумагой и дождем, бившим в старые деревянные рамы. Стас сидел за своим массивным столом, заваленным папками с нераскрытыми делами, и крутил в пальцах пустую гильзу от ПМ. На мониторе его компьютера мигали таблицы телефонных соединений, но мысли майора раз за разом возвращались к парню, сидевшему у противоположной стены.Максим работал молча, сосредоточенно и методично. Левая рука его лежала на столе почти неподвижно — каждое резкое движение отзывалось тупой судорогой в порванной дельтовидной мышце, и Алёнушкин лишь изредка, на секунду прикрывал глаза, пережидая болевой спазм. Правой рукой он листал материалы, делал пометки в блокноте и отслеживал временные интервалы на записях камер наружного наблюдения.Из его старенького кассетного плеера, лежавшего рядом с клавиатурой, через один наушник тихо доносились приглушенные аккорды «Чайфа» — простая, честная музыка, под которую Максим, казалось, уходил в свой собственный, недосягае-

мый для окружающих мир.Стас не выдержал. Он отбросил гильзу на бумаги, встал и подошел к столу Алёнушкина, оперевшись ладонями о край столешницы.– Объясни мне, – негромко, но с глухим раздражением спросил Богданов. – Я нихрена не понимаю, Максим.Алёнушкин снял наушник, поднял на майора ясные голубые глаза и вопросительно приподнял бровь:– Что именно, товарищ майор?– Вот это всё! – Стас мотнул головой в сторону коридора, где периодически слышались громкие, развязные голоса Шапочкина и Охмана. – Почему ты молчишь? Он же откровенно нарывается. Он в тебя стрелял, он тебя калекой чуть не сделал, он вчера штаны от страха чуть не намочил! А сегодня глумится над тобой при всем отделе, словно он здесь хозяин жизни. Ты почему терпишь?! Где твоя хваленая дерзость из Центрального, за которую тебя поперли?!Максим слабо, чуть грустно улыбнулся. Он откинулся на спинку стула, осторожно поправив ворот свитера.– Вы хотите, чтобы я ему морду набил прямо в коридоре? – тихо спросил он.– Я хочу понять, из какого ты теста слеплен! – с жаром бросил Стас, наклоняясь ближе. Его светло-русые кудри качнулись, в глазах майора полыхнуло искреннее непонимание. – Любой нормальный мужик на твоем месте уже разорвал бы эту крысу на куски. А ты сидишь, глазки в пол, словно послушник в монастыре. Ты святого из себя строишь? Или боишься, что он еще раз папочке пожалуется?Взгляд Максима мгновенно изменился. Мягкость исчезла, уступив место той самой тяжелой, свинцовой глубине, которую Стас впервые увидел на пустыре у железнодорожных путей.– Я никого не боюсь, Стас, – негромко, с пугающей весомостью произнес Алёнушкин. – И святого из себя не строю. Меня отчим с девяти лет учил: собака лает — ветер носит. Если на каждый лай оборачиваться и камнями швыряться, до цели никогда не дойдешь. Шапочкин — мелкий, трусливый паразит. Он самоутверждается за счет того, что считает мою сдержанность слабостью. Он думает, что соскочил с крючка.Максим подался вперед, заглядывая майору прямо в душу:– Но он не соскочил. Я помню каждый миллиметр той пули, которая через меня прошла. И я с ним разберусь. Только не здесь, не в казенных стенах, и не ради дешевых понтов перед сослуживцами. Всему свое время. А сейчас у нас пять квартирных краж и город, который трясет. Если мы сцепимся в рукопашную — дело встанет. Ваш отец получит инфаркт. Кому от этого лучше будет?Стас замер, глядя на этого невысокого, сбитого парня, и внутри майора снова шевельнулось то самое острое, щемящее чувство, от которого перехватывало дыхание.Шок. Настоящий, чистый профессиональный и человеческий шок.Перед ним сидел парень на три года младше его самого, выросший на жестких купчинских улицах, прошедший через казарменную муштру жестокого приемного отца, получивший пулю в спину — и обладавший при этом такой колоссальной, железобетонной выдержкой, которой не было у половины штабных полковников. В этой тишине Максима не было ни капли покорности. В ней была страшная, сжатая до предела пружина. Сила, которая не нуждалась в крике.Стас медленно опустил руку на столешницу рядом с ладонью Максима. Пальцы майора чуть дрогнули, ему безумно захотелось накрыть широкую, сбитую кисть Алёнушкина своей рукой, ощутить тепло его кожи, заставить его забыть об этой проклятой боли в плече.– Ты сумасшедший, Алёнушкин, – хрипло выдохнул Стас, и на его губах появилась теплая, искренняя улыбка. – Абсолютно, наглухо отбитый. Но черт меня дери, если я хоть раз видел кого-то надежнее тебя.Максим встретил его взгляд, и на бледных щеках младшего лейтенанта проступил слабый румянец. Он смущенно кашлянул, опуская глаза на монитор:– Спасибо, командир. Лучше взгляните сюда. Я кое-что нашел.Стас мгновенно подобрался, перегнувшись через стол:– Что там?– Смотрите, – Максим указал карандашом на стопку скриншотов с уличных камер. – Это перекресток Благодатной и Новоизмайловского, вторник, двенадцать сорок. А это — угол Бассейной и Варшавской, четверг, тринадцать десять. Разница в два дня. Дома, которые грабили, находятся в противоположных кварталах. Но посмотрите на углы обзора. Видите этого мужчину?Стас вгляделся в зернистое черно-белое изображение.По тротуару шел мужчина среднего роста в неприметной серой куртке-спецовке с логотипом городской газовой службы, в надвинутой на лоб синей кепке и с прямоугольным металлическим чемоданчиком

для инструментов в руках.– Газовщик? – нахмурился Богданов.– Именно. На Кузнецовской он же попал в объектив камеры видеорегистратора припаркованного во дворе авто за десять минут до взлома. Но фокус в том, майор, что я пробил дежурную диспетчерскую «Петербург-Газа». В эти дни плановых проверок и аварийных вызовов по этим адресам не было вообще.Стас почувствовал, как охотничий азарт, острый и злой, ударил в виски. Аналитический ум майора мгновенно связал разрозненные звенья цепи.– Спецовка дает легальный повод зайти в подъезд, не вызывая подозрений у жильцов, – быстро заговорил Богданов. – А в чемодане не разводные ключи, а профессиональные отмычки, декодеры и пластилин для слепков. И краску из баллончика на глазок камеры наносит якобы рабочий, устраняющий утечку!– Более того, – добавил Максим, и его синие глаза азартно блеснули. – На чемоданчике есть круглая желтая наклейка. Фирменный стикер рок-фестиваля «Окна Открой» трехлетней давности. Мужик явно меломан. И по походке — правое плечо чуть опущено, шаг пружинящий, как у боксера. Он не одиночка, он вскрывает замки, запускает внутрь двоих «грузчиков» с рюкзаками, а сам страхует на лестнице.– Гениально, Алёнушкин, – Стас хлопнул ладонью по столу, чувствуя, как внутри все поет от восторга. – Ты просто чертов гений! Надо пробить по учетам ранее судимых «медвежатников» и форточников, кто сидел за кражи и увлекается тяжелой музыкой. Сейчас же подключим базу данных ИЦ!– Я пойду заберу свежие картотеки из архива, – Максим попытался подняться, но неловко задел раненым плечом спинку кресла. Лицо его побелело, он глухо охнул, хватаясь за край стола.Стас среагировал мгновенно. Майор подхватил его под здоровую руку, бережно поддерживая за талию, не давая осесть на пол:– Сиди! Куда ты дергаешься, ради бога?!– Нормально, нормально… – забормотал Максим, тяжело дыша и уткнувшись лбом в плечо Стаса. Майор почувствовал жар, исходивший от тела парня, и запах медицинского пластыря. – Просто шов потянуло. Я сам дойду, надо расходиться…– Я сказал — сидеть, – мягко, но властно приказал Стас, осторожно усаживая его обратно. – Картотеки в дежурке у дежурного следователя. Я сейчас спущусь на второй этаж и сам все заберу. А ты сиди смирно, пей кофе и дыши ровно. Понял меня?– Понял, командир, – слабо улыбнулся Максим, прижимая локоть к ребрам.Стас задержал на нем взгляд еще на пару секунд, проверяя, не кружится ли у Алёнушкина голова, и решительным шагом вышел из кабинета, притворив за собой дверь.***В полутемном коридоре третьего этажа было тихо. Охман ушел в курилку на черную лестницу, а Шапочкин скучал возле автомата с кофе.Старшина был взвинчен до предела. Он видел, как Богданов носится с этим новичком, как они вдвоем склоняются над монитором, как майор принес Алёнушкину дорогой кофе из пекарни. Зависть, черная, удушливая и гнилая, жгла Влада изнутри. Он, Шапочкин, отпахал в отделе четыре года, терпел разносы, грязь и копеечную зарплату, а этот купчинский увалень, переведенный за косяки, за два дня стал любимчиком лучшего опера района. И самое страшное — Шапочкин понимал, что Максим умнее. Намного умнее.Автомат с противным гудением выплюнул в пластиковый стаканчик порцию кипящего, дымящегося растворимого кофе. Шапочкин осторожно взял обжигающий стакан, подул на пенку и повернулся, собираясь идти в оперчасть.В этот момент из кабинета вышел Максим.Алёнушкин не послушал приказа майора. Сидеть на месте, пока Богданов бегает по этажам, ему претило купчинское воспитание. Он решил дойти до канцелярии сам, чтобы забрать распечатки по биллингам подозрительных телефонных номеров. Максим шел по коридору медленно, прижимая к груди здоровую правую руку с папкой, стараясь держаться ближе к стене, чтобы не тревожить разорванную ключицу.Увидев его, Шапочкин осклабился. В пустой голове старшины мгновенно созрел подлый, трусливый план. Вокруг никого не было. Стас внизу. Никаких свидетелей.– О, выполз, инвалид труда! – громко, с издевкой бросил Шапочкин, делая шаг навстречу. – Куда ковыляешь? До туалета проводить, а то штаны не удержишь одной рукой?Максим даже не поднял глаз. Он лишь чуть сдвинулся вправо, намереваясь молча обойти старшину по широкой дуге.– Пропусти, Шапочкин. Не до тебя сейчас, – глухо бросил Алёнушкин.– А если не пропущу? – прошипел Влад, в его глазах вспыхнул

злой, мстительный азарт. – Че ты мне сделаешь, колобок? Опять жаловаться побежишь?Когда Максим поравнялся с ним, Шапочкин резко, с подлым расчетом выбросил вперед ногу в тяжелом армейском ботинке, ставя жесткую подножку.Максим, не ожидавший такой откровенной низости на пустом месте и лишенный возможности нормально балансировать из-за прижатой к телу больной руки, споткнулся. Нога подвернулась на скользком казенном линолеуме, папка вылетела из пальцев, разлетаясь белыми листами по полу. Максим полетел вперед, инстинктивно выставив здоровую руку, но всем весом рухнул на левый бок, со страшной силой ударившись свежезашитым плечом о бетонный угол плинтуса.Дикая, нечеловеческая боль прошила тело раскаленной спицей. Из разорванной раны брызнуло горячим, повязка под свитером мгновенно намокла. Максим задохнулся, из его горла вырвался сухой, сдавленный стон, а перед глазами все вспыхнуло кроваво-красным туманом. Он скорчился на полу, прижимая плечо к груди, судорожно глотая воздух открытым ртом.Но Шапочкину этого показалось мало.– Ой, бля! Под ноги смотреть надо, урод! – с наигранным, визгливым испугом заорал старшина и с размаху, резко крутанув кистью, выплеснул полный стакан крутого кипятка прямо на лежащего Максима.Темная, дымящаяся жижа с температурой под сто градусов ударила Алёнушкину в шею, залила ключицу, грудь и тонкую трикотажную ткань свитера, мгновенно впитываясь и прилипая к обожженной, живой коже.Боль от кипятка наложилась на боль от разорванного огнестрельного шва. Максим выгнулся на полу, его пальцы впились в линолеум, сдирая ногти в кровь. Зубы сжались с такой силой, что по подбородку потекла тонкая струйка крови из прокушенной губы, но он не закричал. Лишь глухо, хрипло захрипел, утыкаясь лбом в грязный пол.Шапочкин стоял над ним, сжимая в руке смятый пустой стаканчик, и на его физиономии застыла смесь животного страха и омерзительного, садистского торжества:– Сам налетел, козел… Сам под ноги бросился…– ШАПОЧКИН, МАТЬ ТВОЮ!!!Рык, разорвавший тишину коридора, не был похож на человеческий голос. Это был рев раненого, обезумевшего от ярости зверя.Стас, поднимавшийся по лестнице с кипой папок в руках, замер на площадке третьего этажа ровно на одну секунду. Этой секунды хватило его острому аналитическому уму, чтобы зафиксировать всё: рассыпанные документы, пустой стаканчик в руке Шапочкина, пар, поднимающийся от свитера Максима, и самого Алёнушкина, лежащего на полу в луже кофе и собственной крови.В голове майора Богданова что-то с оглушительным, металлическим треском оборвалось. Все плотины, все сдержки, все офицерские уставы, субординация и отцовские наставления превратились в пепел за долю мгновения.Папки с грохотом полетели на ступени.Стас сорвался с места. Расстояние в десять метров он преодолел в три гигантских, стелющихся прыжка. Его светло-русые кудри разметались, лицо превратилось в белую, застывшую маску палача, а в голубых глазах бушевало черное, беспощадное пламя.Шапочкин успел лишь повернуть голову и вскинуть руки в защитном жесте.– Стас, я случайно…Договорить он не успел.Удар тяжелого кулака Богданова, в который майор вложил всю массу своего тренированного девяностокилограммового тела и всю накопившуюся ненависть, пришелся Шапочкину точно в челюсть. Раздался мокрый, страшный хруст ломающейся кости. Голова старшины мотнулась назад, брызнули выбитые зубы и кровавая слюна, и его тело, словно тряпичную куклу, оторвало от пола и швырнуло спиной на стену.Штукатурка осыпалась градом. Шапочкин сполз по стене, задыхаясь и пуская кровавые пузыри, но Стас не остановился.Майор шагнул вперед, схватил старшину за грудки обеими руками, с легкостью вздернул его на ноги и с размаху приложил затылком о стену еще раз.– Ты что сотворил, гнида?! – прошипел Стас. Голос майора вибрировал на низких, инфернальных частотах, от которых вибрировали стекла в дверях кабинетов. – Ты кого тронул, мразь?!– Стас… пусти… я не хотел… – сипел Шапочкин, захлебываясь кровью и пытаясь уцепиться ослабевшими пальцами за запястья Богданова.Стас ударил его еще раз — коротко, страшно, в печень. Шапочкин согнулся пополам, из его легких со свистом вылетел весь воздух. Богданов перехватил его за горло, впечатывая в дверной косяк, и его пальцы сжались на шее старшины железными тисками, перекрывая сонную артерию.– Ты

думал, я не знаю?! – бешеные голубые глаза Стаса буравили расширенные от смертного ужаса зрачки Шапочкина. Лицо майора было в сантиметре от лица старшины. – Ты думал, я пулю не нашел, тварь?! Девять на восемнадцать! Сверху вниз! В спину! Он тебя, падлу, от тюрьмы спас! Он имя бати моего от позора прикрыл, а ты на него кофе льешь, ублюдок?!Шапочкин хрипел, его лицо начало синеть, ноги судорожно засучили по полу. Он понял, что Богданов убьет его прямо здесь, в коридоре, и глазом не моргнет.Из кабинетов начали выскакивать ошалевшие сотрудники.– Стас, стой! – заорал выскочивший с лестницы Охман, бросаясь к напарнику, но тут же отшатнулся назад, наткнувшись на бешеный взгляд майора.– Назад, сука! Убью обоих! – рявкнул Стас, и Охман вжался в стену, подняв трясущиеся руки.– Стас…Тихий, слабый, хриплый голос донесся снизу.Стас на долю секунды замер.Максим, с трудом опираясь здоровой рукой о пол, приподнялся. Его свитер на груди дымился, кожа на шее покрылась багровыми волдырями ожога, из-под промокшей марли на левом плече сочилась свежая темная кровь. Но в затуманенных болью синих глазах не было злости. В них была тревога за Стаса.– Стас… отпусти его… – едва слышно прошептал Максим, сглатывая кровь с прокушенной губы. – Не марайся. Ты же… офицер. Пожалуйста.Слово «пожалуйста», сорвавшееся с губ этого несгибаемого парня, подействовало на Стаса как ведро ледяной воды.Пальцы майора медленно, неохотно разжались. Обмякшее тело Шапочкина мешком рухнуло на пол у стены. Старшина хрипел, кашлял, сплевывая кровь на линолеум, и скулил от боли в сломанной челюсти.Стас даже не посмотрел на него. Майор резко развернулся и упал на колени прямо перед Максимом, скользя джинсами по разлитому кофе.– Максим… – голос Стаса дрожал. Вся ярость, вся дикая агрессия испарилась, оставив после себя лишь жгучий, парализующий страх за человека, сидевшего перед ним. – Тише, тише, я держу…Богданов осторожно, стараясь не причинить лишней боли, обхватил Максима за спину, прижимая к себе. Пальцы майора мгновенно нащупали молнию на вороте свитера.– Надо снять. Он прилипнет к коже, твою мать… Потерпи, парень. Потерпи, родной.Стас резким движением рванул молнию вниз и осторожно стянул пропитанную горячей жижей шерсть со здорового плеча, обнажая грудь и шею. Кожа вокруг ключицы пылала малиновым пламенем ожога второй степени, а свежий послеоперационный шов разошелся на три сантиметра — капроновые нити не выдержали падения на бетонный угол, и кровь текла по ребрам густыми темными ручьями.Максим скрипнул зубами так, что свело скулы, его голова бессильно упала на плечо Стаса. Он тяжело, прерывисто дышал, обжигая шею майора своим горячим дыханием.– В оперчасть его! Живо! – рявкнул Стас застывшим в оцепенении операм. – Аптечку из дежурки! Пантенол от ожогов, перекись, бинты! Быстро, мать вашу, пока я вам головы не поотрывал!Двое молодых лейтенантов бросились исполнять приказ.Стас легко, словно Максим ничего не весил, подхватил сбитого парня на руки, бережно прижимая его здоровую сторону к своей груди, и понес в кабинет.Проходя мимо лежащего в крови Шапочкина, майор остановился на долю секунды. На лице Богданова застыло такое ледяное, окончательное презрение, от которого старшина зажмурился, вжимая голову в плечи.– Если ты через десять минут не исчезнешь из этого отдела навсегда, – негромко, страшно произнес Стас, – я лично отнесу пулю прокурору. И добавлю рапорт о нападении на сотрудника при исполнении. Ты сгниешь на зоне, Шапочкин. Пошел вон.***В кабинете оперов дверь была закрыта на ключ.Максим сидел на кожаном диване, обнаженный по пояс. Стас стоял перед ним на одном колене. Майор действовал с поразительной, несвойственной его взрывному характеру нежностью: аккуратно промокал кровь стерильными марлевыми салфетками, щедро заливал края разорванного шва перекисью водорода и наносил толстый слой белоснежной пены «Пантенола» на пылающие ожоги ключицы и шеи.Максим сидел неподвижно, лишь пальцы его правой руки судорожно сжимали кожаную обивку дивана при каждом прикосновении к ране. На его бледном лице блестели крупные капли холодного пота.– Больно? – тихо спросил Стас, поднимая глаза.– Жжет, – хрипло признался Максим, глядя на майора сквозь полуопущенные ресницы. – Но терпимо. Бывало хуже.– Ничего, сейчас обезбол вколю, отпустит, – Стас взял

ампулу с кеторолом, ловко сбил верхушку и набрал прозрачный раствор в одноразовый шприц. – Ты зачем под ноги ему полез, дурья твоя башка? Я же сказал: сиди в кабинете.– Не умею сидеть, – Максим слабо усмехнулся потрескавшимися губами. – Вы за картотеками пошли, а я в канцелярию…

Вне очереди

Глухой стук казенных дверей эхом разнесся по гулкому коридору третьего этажа. В воздухе еще стоял едкий запах пролитого кипятка, смешанный с железистым духом свежей крови и резким ментоловым ароматом противоожоговой мази.В кабинете оперов стояла тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Максима. Стас только успел зафиксировать тугую марлевую повязку на его левом плече и осторожно накинуть на бледные, вздрагивающие от озноба плечи младшего лейтенанта свою сухую форменную куртку, как в коридоре послышалась тяжелая поступь.Дверь распахнулась с таким грохотом, что жалобно звякнули стекла в старых оконных рамах.На пороге стоял Сергей Охман. Его круглое, лоснящееся лицо побагровело, редкие волосы на залысинах прилипли ко лбу, а маленькие заплывшие глазки горели неприкрытой, трусливой злобой. За его спиной, прижимая к разбитому лицу окровавленное полотенце и невнятно подвывая от боли в раздробленной челюсти, маячил Шапочкин.– Богданов! – задыхаясь, провизжал Охман, тыча толстым пальцем в сторону Стаса. – Ты… ты совсем берега попутал?! Ты кого калечишь, майор?! Полковник уже в курсе! Я лично доложил! Тебе конец, Стас! С тебя погоны сегодня же сорвут, зверюга!Стас даже не вздрогнул. Он медленно поднялся с колена, на котором сидел перед диваном, расправил широкие плечи и повернулся к дверям. Светло-русые кудри разметались по лбу, голубые глаза майора были абсолютно прозрачными, ледяными и пустыми, как зимняя гладь Невы. На костяшках его правой руки темнели свежие ссадины, с которых медленно капала сукровица.– Пошел вон, Охман, – негромко, почти шепотом произнес Стас. Но в этом шепоте было столько концентрированной, смертоносной силы, что старшина невольно отшатнулся назад, едва не сбив с ног стонущего за его спиной Шапочкина. – И урода своего забери. Пока я не вспомнил, что второй рукой еще не бил.– Ты мне не угрожай! – выкрикнул Охман из коридора, пятясь к лестнице. – Полковник тебя вызывает! Бегом в кабинет начальника! Живо!Стас на секунду прикрыл глаза, шумно выдохнул сквозь зубы и повернулся к Максиму.Алёнушкин сидел на диване, не шевелясь. Лицо его было серым от пережитой боли, на шее багровели волдыри от кипятка, но синие глаза смотрели на Богданова с глубокой, тревожной ясностью.– Стас… – негромко позвал Максим, с трудом шевеля пересохшими губами. – Не ходи на рожон. Скажи, что это была драка… Скажи, что Шапочкин первый полез.– Не учи ученого, лейтенант, – криво усмехнулся Стас, но в его голосе не было привычной насмешки — лишь глухая, свинцовая усталость. Он подошел, на секунду задержал ладонь на здоровом плече Максима, чуть сжав пальцы. – Сиди здесь. Врача из дежурки я уже вызвал, он сейчас поднимется, обезбол вколоть повторно. Никуда не дергайся.– Стас, он же тебя сожрет, – упрямо повторил Максим, пытаясь приподняться.– Пусть попробует, – Богданов мягко, но непреклонно толкнул его обратно на подушки дивана. – Я не из пугливых.Майор круто развернулся и вышел в коридор, хлопнув дверью.***В кабинете полковника Богданова можно было вешать топор. Воздух был раскален до предела, пахло валидолом и застарелым табачным перегаром. Владимир Александрович не сидел за столом — он мерил шагами пространство от сейфа до окна, заложив тяжелые кулаки за спину. Китель начальника отдела был расстегнут, галстук сбит набок, а седые виски взмокли от бешеного давления.Едва Стас переступил порог и закрыл за собой дверь, полковник резко затормозил. Его массивное, обветренное лицо потемнело от ярости.– Ты что натворил, скотина?! – рявкнул Богданов-старший с такой силой, что задрожали хрустальные подвески на старой люстре. – Ты кого избил?! Прямо на этаже, средь бела дня, при свидетелях! У Шапочкина открытый перелом челюсти со смещением! Сотрясение мозга! Он в травму уехал на «скорой», а Охман уже рапорт в прокуратуру строчит!Стас встал по стойке смирно у дверей. Взгляд майора был устремлен прямо перед собой, лицо окаменело, превратившись в бесстрастную маску.– Старшина Шапочкин совершил грубое дисциплинарное нарушение, повлекшее причинение вреда

здоровью сотрудника при исполнении, – ровным, казенным тоном отчеканил Стас. – Я пресек правонарушение.– Ты пресек?! – полковник подскочил к сыну, нависая над ним всей своей тяжелой фигурой. Их глаза оказались на одном уровне — одинаково синие, упрямые, яростные. – Ты ему морду в кашу превратил, майор! Ты старший группы! Ты офицер, черт бы тебя побрал, а ведешь себя как дворовый уголовник из Лиговских трущоб! Мне начглавка через пятнадцать минут звонить будет по квартирным кражам, а у меня в отделе опера друг другу зубы вышибают!Владимир Александрович тяжело, с присвистом задышал, сжимая и разжимая пудовые кулаки.– За что?! За какой хрен ты на него бросился?! Охман говорит, Шапочкин просто споткнулся с кофе! Случайность, несчастный случай!– Случайность? – Стас не выдержал. Ледяная броня дала трещину, в голосе майора зазвенело бешеное, клокочущее презрение. – Этот подонок поставил Алёнушкину подножку! Он намеренно плеснул в него кипятком! У парня шов разошелся, ожог второй степени на шее! Шапочкин — трусливая, завистливая гнида, и если бы я его не остановил, я бы его там на куски разорвал!– А ты кто такой, чтобы судить?! – перекрывая его слова, прогремел полковник. – Ты суд?! Ты трибунал?! Есть служебная проверка, есть рапорта, есть УСБ! Ты обязан был изолировать конфликт и доложить мне! А ты устроил показательную казнь! На глазах у всего управления!Полковник подошел к столу, опперся на него ладонями и заглянул сыну в лицо тяжелым, налитым свинцом взглядом:– Ты думаешь, если ты мой сын, тебе всё с рук сойдет? Думаешь, я тебя прикрывать буду перед главком?! Хрен тебе, Станислав! Я тридцать лет погоны ношу не для того, чтобы на старости лет меня собственный щенок в грязь втоптал!Стас стоял молча, не опуская подбородка. В груди жгло от несправедливости, но он не собирался раскрывать отцу главную тайну. Он не мог сказать: *«Батя, эта мразь стреляла Максиму в спину на товарных путях, а Максим соврал тебе, чтобы спасти твою шкуру и твою честь»*. Это значило бы перечеркнуть ту страшную жертву, которую Алёнушкин принес ради его семьи.– Молчишь? – горько усмехнулся полковник. – Правильно молчишь. Потому что крыть нечем. Превышение должностных полномочий с применением насилия. Чистая двести восемьдесят шестая статья. До десяти лет, между прочим.Владимир Александрович выпрямился, застегнул верхнюю пуговицу кителя и медленно, с расстановкой произнес:– Я не отдам тебя под следствие только по одной причине: отдел не должен стать посмешищем для города в разгар криминальной волны. Но спускать тебе это собачье бешенство я не намерен. С этого момента ты отстранен от оперативной работы до особого распоряжения. Дело по серийным кражам я передаю во вторую группу.Стас дернулся, словно от пощечины:– Батя… Алёнушкин уже нашел след газовщика! Мы почти вышли на группу!– Заткнись! – отрезал Богданов-старший. – Ты больше не опер, майор Богданов. Ты разнорабочий. В качестве дисциплинарного взыскания за рукоприкладство и дискредитацию звания офицера назначаю тебе двадцать нарядов вне очереди.Стас замер, не веря собственным ушам.Двадцать нарядов вне очереди для старшего оперуполномоченного, майора полиции — это было не просто наказание. Это было публичное, показательное унижение. Это значило сутками драить казенные коридоры, чистить загаженные до костей подвалы, разгружать уголь и песок во дворе РУВД, мыть автозаки и стоять на самых черных, собачьих постах, пока остальные работают по делам.– Вопросы есть, майор? – жестко спросил отец, глядя сыну прямо в глаза.Стас сжал челюсти так, что скрипнули зубы. В голубых глазах полыхнул дикий, неукротимый бунт, но майор усилием воли загнал его вглубь. Он вытянулся в струнку.– Никаких вопросов, товарищ полковник.– Приступать к исполнению немедленно, – приказал Богданов-старший, отворачиваясь к окну. – Начнешь с подвальных помещений и оружейного склада. Там после ремонта сорок тонн битого кирпича и пыли. И чтобы к утру архив и стрелковый тир блестели. Свободен.Стас четко развернулся через левое плечо, скрипнул подошвами ботинок и вышел из кабинета, не проронив больше ни звука.***Ночь над Московским районом опустилась черная, сырая и ледяная. Дождь перешел в мокрый, тяжелый снег, который лип к стеклам и мгновенно превращался на асфальте в серую жижу. Все сотрудники РУВД уже давно разошлись по домам,

в коридорах погасили основной свет, оставив лишь тусклые дежурные лампы, отбрасывавшие длинные, зловещие тени на облупленные стены.В подвале старого здания РУВД было холодно, пахло сыростью, машинным маслом, оружейным нагаром и вековой цементной пылью.Стас сбросил форменный китель, оставшись в одной черной обтягивающей футболке, промокшей от пота на груди и спине. Его светло-русые кудри совсем взмокли и прилипли ко лбу, на скуле темнела полоса строительной сажи, а ладони, сбитые в кровь о челюсть Шапочкина, саднили при каждом движении.Майор швырнул тяжелую совковую лопату в гору битого бетона и кирпичной крошки, оставшейся после перепланировки тира. Глухой металлический звон ударил по ушам. В углу уже стояло около тридцати набитых строительных мешков, каждый весом под сорок килограммов, которые нужно было на собственном горбу вытащить по узкой крутой лестнице во внутренний двор к мусорному контейнеру.Мышцы спины и плеч горели огнем, дыхание вырывалось из груди белесыми клубами пара. Но физическая боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри.Стаса душила ярость. Не на отца — отца он где-то в глубине души понимал, полковник держал систему так, как умел. Майор бесился от собственного бессилия. Город задыхался от дерзких грабежей, наглый газовщик с чемоданчиком наверняка уже намечал следующую элитную сталинку, а он, лучший сыскарь района, перекидывает битый кирпич в промозглом подвале, словно штрафник на каторге.Богданов наклонился, ухватил мешок за завязанную горловину, рванул его вверх, забрасывая на широкое плечо, и сделал шаг к лестнице. Ноги гудели от усталости.– Тяжеловато для одного майора, не находите?Тихий, спокойный голос раздался из полумрака дверного проема.Стас резко замер, едва не выронив мешок. Он повернул голову.На нижней ступеньке лестницы стоял Максим Алёнушкин.Он был без куртки, в старом выцветшем темно-сером свитере с закатанным до локтя правым рукавом. Левая рука была аккуратно зафиксирована плотной косыночной повязкой через шею, прижимая предплечье к ребрам. Лицо Максима в тусклом свете одинокой подвальной лампочки казалось белым как мел, под глазами залегли глубокие тени, но синие глаза смотрели прямо, насмешливо и удивительно тепло. В здоровой правой руке он держал широкую швабру с грубым ворсом и оцинкованное ведро, доверху наполненное водой с хлоркой.– Ты… – Стас от неожиданности выронил мешок на бетонный пол. Тот глухо ухнул, подняв облако пыли. – Ты что здесь делаешь?!– Наряд вне очереди выполняю, товарищ майор, – невозмутимо отозвался Максим, спускаясь с последней ступеньки. Металлическое ведро глухо звякнуло о пол.– Ты с дуба рухнул, Алёнушкин?! – взревел Стас, шагнув к нему. Голубые глаза майора полыхнули искренним ужасом и бешенством. – У тебя огнестрел в плече! У тебя ожог второй степени! Тебя врач в больницу отправлял на повторную госпитализацию! Какого хрена ты здесь забыл в два часа ночи?!– Не орите, командир, – спокойно оборвал его Максим, даже не поморщившись от командного баса майора. – Тут эхо такое, что дежурный на первом этаже проснется. В больницу я не поехал, отказную написал. Мне там тошно. А сюда пришел, потому что терпеть не могу, когда на нормальных людей чужое дерьмо вешают.– Пошел вон, – процедил Стас, нависая над ним. – Это приказ, лейтенант. Проваливай домой, в свое Купчино, ложись в кровать и не беси меня.– Не пойду, – Максим уперся взглядом в лицо Стаса. В этом коренастом, невысоком парне было столько несокрушимой, спокойной упертости, что сломать ее не смог бы и танковый батальон. – Вы из-за меня под раздачу попали. Шапочкину челюсть сломали из-за меня. И двадцать нарядов вам полковник впаял из-за меня. Я в сторонке стоять не привык, пока за меня другие горбатятся. Так что засуньте свои приказы в кобуру, майор. Официально я на больничном, значит, вашей субординации сейчас не подчиняюсь.Стас задохнулся от возмущения. Его властная, привыкшая к безоговорочному подчинению натура взбунтовалась, но слова застряли в горле.Майор смотрел на Максима — бледного, раненого, едва держащегося на ногах от действия обезболивающих и усталости, но пришедшего в этот сырой, ледяной подвал с ведром и шваброй просто потому, что его внутренний кодекс чести не позволял ему поступить иначе.Максим поставил ведро, здоровой рукой перехватил швабру и принялся

методично, аккуратно сгребать строительный мусор и пыль в ровные кучи у стены, освобождая проход к оружейным сейфам. Двигался он экономно, бережно прижимая больную сторону к корпусу, но каждый взмах черенка отзывался напряжением в мышцах шеи — Стас видел, как сжимаются челюсти Алёнушкина, как вздувается венка на его виске.И в этот момент у Стаса Богданова что-то с глухим, ноющим звуком оборвалось глубоко в груди.Это было странное, совершенно незнакомое чувство. Не просто благодарность. Не просто уважение к надежному боевому товарищу, готовому прикрыть спину.В груди майора разлилось горячее, острое, щемящее тепло, от которого перехватило дыхание и сжалось горло. Сердце забилось тяжело и гулко, отдаваясь в висках. Стас смотрел на короткий темный ежик волос Максима, на его широкие, сбитые плечи, на линию упрямой шеи, перечеркнутую белой марлей повязки, и чувствовал, как внутри него рушатся последние преграды.Этот парень, которого он еще сорок восемь часов назад считал сопливой обузой и навязанным блатным балластом, пророс в него намертво. Он вошел в его жизнь без стука, без просьб о снисхождении — с пулей в плече, со спокойной улыбкой и с той абсолютной, чистой верностью, о которой Стас раньше только в старых книгах читал.Стас медленно подошел к нему со спины.Майор осторожно, стараясь не напугать, протянул руку и перехватил деревянный черенок швабры чуть выше пальцев Максима. Его широкая, ссаженная ладонь на мгновение накрыла здоровую руку Алёнушкина. Кожа Максима была прохладной, но от нее исходило живое, пульсирующее тепло.Максим замер, подняв голову. Их глаза встретились в полумраке подвала.– Отдай, – негромко, хрипло сказал Стас. В его голосе не было и следа прежней командирской жесткости. Осталась только глухая, обнаженная нежность, которую майор уже не в силах был скрыть. – Швы разойдутся, дурак ты купчинский. Тебя же опять зашивать придется.– Не разойдутся, – тихо ответил Максим, но швабру не отпустил. Он смотрел на Стаса снизу вверх, и в глубине его синих глаз майор увидел то же самое: понимание. Чистое, без единого лишнего слова. Максим всё видел. Всё чувствовал.– Я сказал — отдай, – Стас мягко потянул инструмент на себя, отставляя его к стене. Затем майор, повинуясь какому-то неодолимому, слепому порыву, сделал полшага вперед, сократив расстояние между ними почти до нуля.Стас поднял руку и невероятно бережно, кончиками огрубевших пальцев, коснулся здоровой щеки Максима, стирая грязный след цементной пыли. Пальцы майора задержались на теплой коже чуть дольше, чем позволяли любые правила приличия, скользнули вниз по линии челюсти и замерли на здоровом плече.Максим не отстранился. Он лишь шумно, прерывисто вдохнул, его синие глаза потемнели, став почти черными в тусклом свете.– Зачем ты пришел, Макс? – тихо спросил Стас. Голос майора дрогнул на этом коротком имени, прозвучавшем как признание. – Зачем тебе всё это?Максим слабо, чуть виновато улыбнулся уголком губ.– А вы бы бросили? – спросил он в ответ. – Если бы меня вот так… в подвал сослали? За то, что я за вас заступился?Стас горько усмехнулся, покачав головой. Его светло-русые кудри упали на лоб:– Не бросил бы. Сгрыз бы любого, кто посмел бы.– Ну вот и не задавайте глупых вопросов, товарищ майор, – Максим осторожно, свободной рукой поправил ворот черной футболки Стаса, на секунду прижав ладонь к его груди — прямо туда, где бешено колотилось сердце. – Давайте работать. Вдвоем быстрее закончим. Мне еще надо успеть показать вам, что я по базам нарыл до того, как этот придурок с кипятком приперся.Стас удивленно вскинул брови:– Ты что-то нашел по газовщику?– Нашел, – в глазах Алёнушкина блеснул азартный сыщицкий огонек. – Но сначала — кирпичи. А то ваш батя утром придет с проверкой и расстреляет нас прямо у этой кучи.Стас не выдержал и тихо, хрипло рассмеялся — впервые за эти проклятые, тяжелые сутки. Напряжение, сжимавшее виски железными клещами, вдруг отпустило, растворилось в сыром подвальном воздухе.– Ладно, черт с тобой, напарник, – Богданов хлопнул его по здоровой руке. – Мешки таскаю я. Ты только веником пыль сметай и держи мешки открытыми, пока я лопатой кидаю. И если я увижу, что ты хоть раз левой рукой дернул — свяжу и брошу в оружейный сейф до утра. Усек?– Так точно, командир, – весело козырнул Максим здоровой рукой. – Усек.***Следующие три часа пролетели в тяже-

лой, монотонной, но удивительно слаженной работе.Они почти не разговаривали — в этом не было нужды. Стас мерно, мощными взмахами лопаты поддевал тяжелый бетонный лом и ссыпал его в мешки, которые Максим ловко придерживал одной рукой и коленом. Когда набирался очередной мешок, Стас завязывал его шпагатом, забрасывал на плечо и уносил наверх, во двор. Максим в это время широкими, размеренными движениями мыл пол, оттирая въевшуюся сажу и машинное масло оцинкованным ведром с хлоркой.В перерывах, когда мышцы майора начинали неметь от адской нагрузки, они садились прямо на деревянный ящик из-под патронов возле старой чугунной батареи. Батарея еле теплилась, но в углу было сухо.Стас достал из кармана куртки две шоколадки с орехами, припасенные еще со вчерашнего дня, и сломал одну пополам, протягивая Максиму:– Держи. Глюкоза для мозгов.Максим с благодарностью взял кусок, отправил в рот и блаженно прикрыл глаза:– Божественно. Лучше любого ресторанного десерта.– Ты в еде не привередливый, я погляжу, – усмехнулся Стас, жадно глотая холодную минералку из пластиковой бутылки. – В Купчино все такие неприхотливые?– В Купчино разные есть, – Максим улыбнулся, глядя на темные своды подвала. – Но меня Сергей Николаевич быстро отучил нос воротить. У него в доме дисциплина была почище, чем в казарме ВДВ. Гречка с тушенкой три раза в день, подъем в шесть утра, кросс по парку Интернационалистов в любую погоду. Если двойку в школе принес — двадцать отжиманий на кулаках на асфальте.Стас нахмурился, в его взгляде мелькнула тень сочувствия:– Батя говорил, Антонов мужик жесткий. Но чтоб настолько…– Он не жесткий, Стас. Он сломанный, – тихо, без тени злости произнес Максим. – Когда его напарника убили в девяносто шестом, а самого под пулеметную очередь бросили, в нем что-то перегорело. Он меня из детдома взял не ради отцовских чувств. Ему нужен был солдат. Тот, кого можно вымуштровать, сделать идеальным ментом, продолжением себя. Он пытался выбить из меня всё лишнее: музыку, стихи, мягкость…– Не выбил? – Стас заглянул ему в глаза.– Не выбил, – Максим открыто, спокойно встретил его взгляд. – Я рок свой в подвалах пел назло ему. На гитаре по ночам играл, пока он на сутках был. Детективы читал под одеялом с фонариком. Он бесился, орал, что я хлюпик и балласт. А когда я академию с отличием окончил и сам в убойный пошел — он даже на выпускной не пришел. Сказал: «Посмотрим, через сколько месяцев ты скурвишься или сбежишь».Стас почувствовал, как внутри поднимается глухая, защитная злость на этого далекого, деспотичного старика, который посмел ломать такого парня.– Дурак твой отчим, – отрезал Богданов. – Слепой старый дурак.Максим тихо усмехнулся:– Может быть. Но благодаря ему я научился держать удар. И пули не бояться.– Пули он не боится… – передразнил его Стас, но в голосе майора прозвучала такая щемящая теплота, что Максим невольно опустил глаза. – Ладно, философ купчинский. Рассказывай, что ты там по нашему газовщику раскопал. А то я от любопытства лопну.Максим оживился, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и развернул его на коленях:– Пока вы за картотеками ходили, я связался со своим старым приятелем из экспертно-криминалистического центра Центрального района. Попросил его прогнать по базе судимых всех «медвежатников», кто работал по сложным замкам и имел приводы за последние пять лет. Выкатили шестьдесят человек. Но когда я добавил фильтр: увлекается тяжелым роком, имеет татуировки с символикой групп или посещал фестивали — круг сузился до одного человека.Стас подался вперед, заглядывая в листок:– И кто он?– Сорокин Аркадий Павлович, сорок два года. Погремушка — «Артист». В девяностые и нулевые от звонка до звонка отмотал две ходки за квалифицированные квартирные кражи. Виртуозный взломщик, замки чувствует пальцами без всяких отмычек, на слух. Бывший клавишник какой-то питерской андеграундной рок-банды восьмидесятых, отсюда и кличка. Освободился полтора года назад по УДО.– И где он сейчас? – хищно прищурился Стас. Охотничий инстинкт майора вспыхнул с новой силой.– Официально работает сантехником в частной управляющей компании, которая обслуживает элитные дома на Московском и Ленинском проспектах, – Максим торжествующе посмотрел на Богданова. – Понимаете схему? Он имеет доступ к техническим помещениям, чердакам

и подвалам! Ему даже врать про газовую службу жильцам не надо — спецовка сантехника или электрика открывает любые двери! А наводки ему дает кто-то из диспетчеров, кто знает графики отпусков богатых жильцов.Стас хлопнул себя ладонью по колену:– Твою мать, Максим! Это же стопроцентное попадание!Майор вскочил на ноги, позабыв об усталости и боли в сбитых руках. Его светло-русые кудри взметнулись, в голубых глазах заплясал тот самый дикий, неудержимый огонь, за который его боялись бандиты всего города.– Мы возьмем его, Макс! Возьмем прямо на следующей точке! Он не успеет даже чемоданчик свой закрыть!– Кто «мы», майор? – с лукавой усмешкой напомнил Максим, поднимаясь следом. – Вы вообще-то отстранены. У вас двадцать нарядов вне очереди и сорок мешков кирпича во дворе.Стас замер, оглядев идеально чистый, выметенный и вымытый подвал. Кирпичи были убраны, пол блестел влажным бетоном, сейфы с оружием сияли в свете ламп.Богданов медленно повернулся к Максиму. На лице майора расплылась та самая, фирменная богдановская усмешка — дерзкая, бесшабашная и чертовски притягательная.– Наряды я до пяти утра закончу, – шагнув вплотную к Алёнушкину, произнес Стас. – А в восемь утра я лично положу эту распечатку на стол отцу. И плевать мне на его отстранение. Мы с тобой начали это дело — мы его и закроем. Вместе.Максим посмотрел на него, и в его синих глазах отразилась та же самая, безумная и верная решимость.– Вместе, командир.Они стояли посреди гулкого, пахнущего хлоркой подвала, два абсолютно разных человека, сведенных вместе чужой пулей, предательством и этим бесконечным серым городом.Стас не выдержал. Он протянул руку, обхватил Максима за затылок, зарывшись пальцами в его жесткий, темный короткий ежик волос, и мягко, но с огромной силой притянул к себе, упершись своим лбом в его лоб.Это не было уставным жестом. Это было чем-то неизмеримо большим.Максим затаил дыхание, чувствуя горячее дыхание Стаса на своих губах, запах его кожи, пропахшей дождем, металлом и порохом. Он не шелохнулся, лишь прикрыл глаза, доверчиво и полно отдаваясь этой странной, внезапно вспыхнувшей близости.– Спасибо тебе, Макс, – хрипло выдохнул Стас прямо ему в губы. – За всё спасибо.– Бросьте, майор, – едва слышно, с легкой дрожью в голосе отозвался Максим. – Служба такая.Стас медленно отпустил его, с трудом заставляя себя сделать шаг назад. В воздухе между ними словно натянулась невидимая, звенящая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.– Пошли наверх, – Богданов подхватил пустое ведро и швабру. – Чайник на плите в оперчасти согреем. У меня там заначка есть — пряники тульские. Ты пряники любишь?– Обожаю, – улыбнулся Максим, шагая вслед за ним по крутым ступеням подвальной лестницы. – Особенно с чаем.***Рассвет над Московским районом занимался медленно, неохотно пробиваясь сквозь серую пелену низких туч.Ровно в семь сорок пять утра тяжелые шаги полковника Богданова разорвали тишину коридора третьего этажа. Владимир Александрович шел с тяжелым сердцем. Всю ночь он не сомкнул глаз, ворочаясь на служебном диване, коря себя за излишнюю жестокость к сыну, но понимая, что иначе поступить не мог: дисциплина в отделе висела на волоске.Полковник толкнул дверь в кабинет оперов, ожидая увидеть пустую комнату или спящего на столе дежурного.Но картина, открывшаяся ему, заставила старого полковника застыть на пороге.В кабинете царил идеальный порядок. На столе майора аккуратной стопкой лежали журналы учета дежурств по подвалу и оружейной комнате — все двадцать пунктов наряда были закрыты четким, размашистым почерком Стаса с отметками о сдаче дежурному по РУВД.А на диване, привалившись плечом к плечу, спали двое.Максим Алёнушкин спал, откинув голову на спинку дивана, его здоровая рука лежала на коленях, а дыхание было глубоким и ровным. Рядом, вытянув длинные ноги и уронив светло-русую кудрявую голову на здоровое плечо Максима, спал Стас.

Взломщики чужих душ

Тяжелый скрип дверных петель прозвучал в утренней тишине кабинета громче оружейного затвора. Полковник Богданов замер на пороге. Сквозь пыльные жалюзи пробивался скупой, грязно-пепельный свет петербургского рассвета, ложась косыми полосами на заваленные бумагами столы, пустые чашки с засохшей кофейной каймой и на старый диван из потертого дерматина у стены. Владимир Александрович не шевелился целую минуту. Его тяжелое, изборожденное глубокими морщинами лицо оставалось непроницаемым, но под густыми седыми бровями застыл цепкий, сканирующий взгляд человека, отдавшего службе три десятка лет. Они спали глубоким, выматывающим сном людей, которые отдали физическим силам всё до последней капли. Максим Алёнушкин застыл, откинувшись на спинку дивана, вытянув ноги в тяжелых армейских ботинках. Его бледное лицо с коротким, взъерошенным темным ежиком волос казалось почти мальчишеским, если бы не жесткая складка у рта и белая косыночная повязка, туго фиксирующая поврежденное плечо. А рядом, вплотную, привалившись к его здоровому боку, спал Стас. Светло-русые кудри майора безнадежно спутались, разметавшись по темно-серому свитеру Максима. Широкая ладонь Стаса, покрытая ссадинами от вчерашней расправы над Шапочкиным, безвольно лежала на спинке дивана прямо за головой младшего лейтенанта, словно закрывая его от любой опасности даже во сне. На углу майорского стола лежала идеальная стопка документов: журналы учета дежурств по подвалу и оружейной, подписанные без единой помарки. Двадцать нарядов были закрыты за одну ночь. А поверх них лежал сложенный вчетверо лист с ориентировкой на Аркадия Сорокина по кличке Артист. Полковник медленно перевел взгляд с бумаг на спящих оперативников. В его груди шевельнулось что-то тяжелое, глухое — смесь отцовской боли, застарелой усталости и смутного, тревожного понимания, которому он пока боялся дать имя. Владимир Александрович сделал шаг вперед. Казенная подошва его форменного ботинка с сухим, отчетливым стуком опустилась на паркет. Реакция последовала мгновенно. Стас вскинулся первым: тело майора среагировало быстрее сонного разума. Он дернулся, рука рефлекторно метнулась к пустой поясной кобуре, синие глаза распахнулись — мутные, налитые кровью от недосыпа, но уже хищно фокусирующиеся на силуэте у двери. Он резко выпрямился, едва не задев подбородком висок Максима. – Батя?.. Алёнушкин открыл глаза на секунду позже. Никакой паники, никаких лишних движений. Он просто плавно подобрался, опперся здоровым локтем о валик дивана и сел прямо, тихо скрипнув зубами от резкого укола в раненом плече. Синие глаза младшего лейтенанта мгновенно стали ясными, словно он вовсе не спал на пыльном диване последние два часа. – Товарищ полковник, – сиплым спросонья, но абсолютно четким голосом произнес Максим. Владимир Александрович стоял посреди комнаты, заложив руки за спину. Ни один мускул на его массивном лице не дрогнул. Он словно не заметил, как секунду назад голова его сына покоилась на плече подчиненного, не заметил примятого дерматина и той странной, пугающей синхронности, с которой они оба вынырнули из небытия. – Докладывай, майор, – глухо, без тени эмоций приказал полковник, кивнув на лежащую на столе ориентировку. Стас тряхнул головой, прогоняя остатки сна, быстро провел ладонью по лицу и поднялся на ноги. Его высокий рост и широкие плечи заполнили пространство между столом и окном. – Наряды по тиру и оружейному складу закрыты, дежурный по части расписался, – быстро заговорил Стас, чеканя слова. – По серии квартирных краж вышли на конкретного исполнителя. Сорокин Аркадий Павлович, сорок два года, кличка Артист. Бывший виртуозный взломщик, судим. Работает сантехником в управляющей компании «Северный Квартал», обслуживающей элитные дома на Московском. В квартиры заходит под видом аварийщика или слесаря. Данные нашел Алёнушкин через свои каналы в экспертном центре. Полковник подошел к столу, взял в руки исписанный лист, пробежал глазами строчки с судимостями и адресами. Затем медленно поднял взгляд

на Максима: – Сам раскопал? – Сопоставил ориентировки и камеры, товарищ полковник, – ровно отозвался Максим, не вставая с дивана по молчаливому жесту старшего офицера. – У него на рабочем кейсе наклейка рок-фестиваля. Меломанов среди профессиональных «медвежатников» такого уровня в городе единицы. Сорокин подошел по всем маркерам. Владимир Александрович помолчал. В тишине кабинета было слышно, как за окном набирает силу промозглый ноябрьский ветер, гоня по проспекту ледяную крупу. – Вторая группа всю ночь рыла носом землю на Гагарина, – негромко произнес полковник. – Результат нулевой. Пустышка. В девять утра у меня совещание у начальника главка. Если мы не дадим результат до обеда, нас всех показательно выпорют и отдадут дело в городское управление. Богданов-старший бросил лист обратно на стол, повернулся к сыну и посмотрел ему прямо в глаза: – Отстранение от оперативной работы с тебя снято, майор. Условно. Бери Алёнушкина, бери свою колымагу и докажи, что вы оба не зря здесь штаны протираете. Возьмете Артиста с поличным — забуду про выбитую челюсть Шапочкина. Не возьмете — пойдете под суд оба. Свободны. Полковник резко развернулся и вышел, оставив за собой тяжелый сквозняк и запах крепкого табака. Стас медленно выдохнул, чувствуя, как внутри разжимается тугая пружина. Он посмотрел на Максима. Тот сидел на диване, чуть склонив голову набок, и на его бледных губах играла та самая, неубиваемая купчинская усмешка. – Ну что, командир? – весело спросил Максим. – Кажется, нас помиловали. – Нас не помиловали, Макс, – Стас схватил со спинки стула свою кожаную куртку и набросил ее на плечи. В глазах майора вспыхнул знакомый, азартный огонь. – Нам просто дали заряженный пистолет и одну попытку не прострелить себе ноги. Поднимай задницу. У нас максимум два часа, пока этот сантехник не ушел на очередной вызов. *** Черный «Форд Фокус» несся по мокрому серому асфальту Московского проспекта. Дворники с надрывным воем смахивали липкую снежную кашу. В салоне вкусно пахло свежим кофе из бумажных стаканчиков, которые Стас перехватил на заправке, и горячими пирожками с мясом. – Ешь, – скомандовал Стас, не отрывая взгляда от дороги. – Ты со вчерашнего дня на одних таблетках держишься. Зеленый весь, как болотная кочка. Максим послушно взял пирожок здоровой рукой, откусил и с явным удовольствием зажмурился: – С капустой вкуснее, но сойдет. Спасибо, Стас. – Пожалуйста, – хмыкнул майор. – Музыку включи. Вон ту кассету в бардачке возьми, черную. Максим открыл бардачок, достал старую кассету без подписи и щелкнул магнитолой. Через секунду салон наполнился тягучими, мистическими звуками бас-гитары и надломленным голосом Бутусова: «Прогулки по воде». Алёнушкин тихо хмыкнул и покачал головой в такт: – Классика. А я думал, вы только по жести вроде «Алисы» угораете. – «Наутилус» — это для мозгов, – отозвался Стас, ловко перестраиваясь через трамвайные пути. – Когда нужно картинку сложить, лучше них никто не пишет. Ты лучше жуй и слушай сюда. Богданов переключил передачу, и стрелка тахометра дернулась вверх. – Я пробил график работы аварийной службы этой управляйки. Сорокин заступает в смену в восемь тридцать утра на диспетчерском пункте на Варшавской. Но квартирные кражи происходили строго между одиннадцатью и часом дня. Почему? Максим дожевал, запил глотком обжигающего американо и прищурился, глядя на проносящиеся за окном сталинские фасады: – Потому что жильцы элитных домов к одиннадцати гарантированно разъезжаются: кто в офисы, кто по спа-салонам, а домработницы приходят либо рано утром, либо к вечеру. Но главное не это. Квартиры, которые он брал, были расположены в домах, где накануне объявляли о проверке вентиляции или отключении горячей воды. – В точку! – Стас азартно ударил ладонью по рулю. Его аналитический ум работал на полных оборотах, расставляя фигуры на невидимой доске. – Он сам эти объявления на подъездах и вешал! За день до взлома. Жильцы видят бумажку: «Внимание, плановый обход сантехника». На следующий день звонок в дверь. Если кто-то дома — он вежливо извиняется, крутит вентиль на батарее для вида и уходит. Если никого нет — достает свои отмычки, вскрывает замок за три минуты, забирает кэш и уходит через черный ход. – Значит, нужно узнать, где сегодня висит свежее объявление, – быстро подхватил мысль Максим. – Уже

узнал, – усмехнулся Стас. – Пока ты со шваброй в подвале развлекался, я через дежурного связался с главным инженером управляющей компании. Сегодня у них по графику только один проблемный объект — генеральский дом на углу Московского и Бассейной. Четырехкомнатная квартира на пятом этаже. Хозяин — крупный застройщик, позавчера улетел с семьей в Дубай на две недели. Заявка на проверку отопления поступила… от самого Сорокина. Якобы соседи снизу пожаловались на сырость по стояку. – Красиво работает, черт, – с профессиональным уважением протянул Максим. – Сам создал повод, сам пошел устранять. Стас мельком глянул на напарника. Поразительно. Еще двое суток назад он видел в этом плотно сбитом, круглоголовом парне ходячую проблему, обузу, которую навязал ему отец. А сейчас Богданов ловил себя на странном, пьянящем ощущении: рядом сидел человек, с которым не нужно было разжевывать каждую мысль. Максим схватывал логику расследования с полуслова, просчитывал варианты на два шага вперед, не скулил от боли в разорванном плече и не задавал идиотских вопросов. Он был дерзким, язвительным, но в этой его дерзости не было трусости или дешевого понта — была лишь спокойная, монолитная уверенность в себе. – Ты стрелять сегодня сможешь, если что? – прямо спросил Стас. – Правой рукой — без проблем, – Максим спокойно похлопал по куртке, под которой прятался табельный ПМ. – На тридцать метров в десятку положу. Но лучше без стрельбы, майор. Дом элитный, там у каждого второго жильца охрана с карабинами в машинах сидит. Начнем палить в подъезде — устроим Норд-Ост районного масштаба. – Согласен, – кивнул Стас. – Берем тихо. На месте преступления, прямо в дверях. *** Дом на углу Московского проспекта и Бассейной улицы выглядел как неприступная крепость сталинского ампира: гранитный цоколь, массивные лепные карнизы, тяжелые дубовые двери парадных со стеклянными витражами и тихий, закрытый двор со шлагбаумом. Стас припарковал «Форд» через дорогу, укрывшись за фургоном службы доставки. Часы на приборной панели показывали ровно десять сорок пять. – Вон он, – тихо произнес Максим, чуть подавшись вперед. Из служебного микроавтобуса с выцветшей надписью «Жилкомсервис», притормозившего у ворот двора, вышел мужчина. На вид ему было чуть за сорок: жилистый, среднего роста, в синей спецовке с потертыми светоотражающими полосами и темно-серой вязаной шапке, натянутой до самых бровей. В правой руке он нес знакомый металлический кейс для инструментов. Правое плечо мужчины было чуть опущено, походка — мягкая, пружинящая, словно он шел не по асфальту, а по канату. – Артист, – сквозь зубы процедил Стас. – Один к одному с картотекой. Сорокин уверенно набрал код на калитке, прошел во двор и скрылся в третьем подъезде. – Пошли, – Стас потянулся к ручке двери, но Максим вдруг перехватил его за рукав здоровой рукой. – Стойте, майор. Подождите. – Чего ждать?! – вскинулся Стас. – Он сейчас квартиру вскроет! – Вот именно — пусть начнет вскрывать! – с нажимом прошептал Максим. В его синих глазах блеснула лисья хитрость. – Если мы влетим в подъезд сейчас, он услышит шаги снизу, бросит отмычки на площадке и заявит, что просто звонил в дверь проверить трубы. За покушение на кражу ему дадут два года условно с учетом чистых документов, и он выйдет через полгода. Нам нужно взять его с поличным, когда декодер уже будет торчать в личинке замка! Стас замер, оценивая расклад. Аналитический ум майора мгновенно согласился с доводами Алёнушкина. – Ладно, черт с тобой. Две минуты даем ему подняться на пятый этаж. Но как мы зайдем? Если он работает со страховкой на лестнице, он нас засечет. – А мы пойдем не как опера, – Максим хитро прищурился, стягивая свою косыночную повязку и пряча ее в карман куртки. – Вы — злой хозяин соседней квартиры, который спускается вниз выгуливать собаку или ругаться на шум. А я… я буду пьяным рокером, который перепутал этажи. Стас уставился на него с немой смесью шока и восхищения: – Ты серьезно? – Абсолютно, – ухмыльнулся Максим. – Он бывший музыкант. На подсознании он не воспримет пьяного пацана с похмелья как угрозу. Главное — выиграть те самые две секунды, чтобы он не успел выдернуть инструмент из замка. Доверьтесь мне, командир. Стас посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом, затем коротко усмехнулся и покачал головой: – Ты ненормальный,

Алёнушкин. Но план принимается. Пошли. *** Парадная встретила их гулким эхом, запахом дорогого парфюма жильцов и старинной лепниной на лестничных маршах. Лифт вызывать не стали — старая шахта заскрипела бы на весь подъезд. Они поднимались пешком, бесшумно ступая по ковровым дорожкам, покрывавшим мраморные ступени. На площадке четвертого этажа Стас прижался спиной к стене, достав табельный ПМ и сняв его с предохранителя. Выше, на пятом этаже, стояла абсолютная, противоестественная тишина, сквозь которую едва различимо пробивался тонкий, ритмичный металлический щелчок. *Клик. Клик. Шуршание.* Артист работал над сложнейшим итальянским замком «Mottura». Максим подмигнул Стасу, взъерошил здоровой рукой свой темный ежик волос, расстегнул куртку на две пуговицы, придавая себе максимально разболтанный вид, и, громко топая ботинками, шагнул на лестничный пролет пятого этажа. – «Группа крови на рукаве-е-е…» – заплетающимся, хриплым, фальшивым баритоном затянул Максим, нарочито громко спотыкаясь о ступеньку. – «Мой порядковый номер на рукаве-е-е…» Слышь, братан, а шестнадцатая квартира здесь, не?.. Металлические щелчки наверху мгновенно прекратились. Сорокин замер у массивной дубовой двери квартиры 18. В правой руке он сжимал тонкую никелированную спицу декодера, глубоко утопленную в замочную скважину, левая рука придерживала вороток. Чемоданчик с инструментами стоял у его ног открытым — внутри на бархатной подкладке блестели десятки отмычек, пластин и магнитных сканеров. Взломщик медленно повернул голову. Его глаза под шапкой сузились, превратившись в две ледяные щели. Он мгновенно оценил вошедшего: невысокий, сбитый парень, слегка помятый, идет нетвердой походкой, левая рука прижата к карману, взгляд полусонный. – Ошибся, парень, – глухо, с хрипотцой бросил Сорокин, не вынимая спицу, надеясь, что незваный гость сейчас уйдет. – Шестнадцатая на третьем этаже. Вали отсюда. – Да ладно тебе, командир, че ты злой такой? – Максим сделал еще два нетвердых шага, сокращая дистанцию до трех метров. Его синие глаза скользнули по наклейке на чемоданчике. – Опа! «Окна Открой» две тысячи двадцатого! Ты там был, что ли? Я там с пацанами в слэме всю морду разбил под «Пилот»! Сорокин на долю секунды ослабил бдительность. Знакомое название старого рок-фестиваля рефлекторно зацепило профессиональную гордость старого музыканта: – Был. Иди давай, не мешай аварии… Слово «авария» застряло у него в глотке. В этот момент пьяная расслабленность Максима слетела, как осенний лист под ураганом. Его тело спружинило с невероятной, звериной резкостью. Не обращая внимания на адскую боль в левом плече, Алёнушкин в один мощный прыжок преодолел разделявшее их расстояние и правой рукой намертво впечатал кисть Сорокина вместе с торчащей из замка отмычкой прямо в массивную дубовую дверь! – Стоять, сука! Полиция! – рявкнул Максим, прижимая взломщика к косяку всем корпусом. – Ах ты падла! – взревел Артист. Опыт десятков тюремных драк сработал мгновенно: Сорокин свободной левой рукой выхватил из раскрытого чемодана тяжелый полуторакилограммовый разводной ключ и с размаху, целясь в висок Максиму, нанес страшный круговой удар. Но удар не дошел до цели. Из-за угла лестничной клетки метнулась тень. Стас Богданов взлетел на площадку в одно неуловимое движение. Майор не стал стрелять — в замкнутом пространстве пуля дала бы рикошет. Он перехватил летящую руку с ключом на излете, выкрутил запястье Сорокина так, что сухожилия хрустнули, и с размаху впечатал лицо рецидивиста в гранитную плитку стены. Раздался глухой удар, брызнула кровь из разбитого носа Артиста. Разводной ключ с грохотом полетел на пол. – Лежать, тварь! – гаркнул Стас, заламывая вторую руку преступника за спину и наступая тяжелым ботинком ему на голень. Щелкнули стальные браслеты наручников. – Дёрнешься — башку отстрелю! Сорокин захрипел, уткнувшись лицом в пол, и сплюнул сгусток крови: – Менты… суки… Как вы меня срисовали?.. – По музыке, Артист, – тяжело дыша, произнес Максим, опускаясь на колено рядом и осторожно придерживая разболевшееся плечо. На лице Алёнушкина снова цвела спокойная, победная улыбка. – Вкус у тебя хороший. А вот бдительность хромает. Стас поднял голову. Его светло-русые кудри промокли от пота, голубые глаза сияли бешеным, диким триумфом. Он

посмотрел на торчащую в замке отмычку, на раскрытый кейс с инструментами, на скованного рецидивиста — чистейшая тридцатая статья через сто пятьдесят восьмую, с поличным, без единого шанса для адвокатов. Затем майор перевел взгляд на Максима. Тот сидел на корточках, тяжело переводя дух, бледный, но живой, целый и абсолютно счастливый. Стас почувствовал, как сердце внутри делает мощный, пьянящий кульбит. Он шагнул к Максиму, протянул руку, помогая подняться, и когда Алёнушкин встал на ноги, майор с силой, не сдержавшись, притянул его к себе за здоровое плечо, хлопнув по спине: – Сработали, парень. Сработали! Максим уткнулся лбом в кожаную куртку Стаса, ощущая тепло его тела и бешеный стук его сердца, и тихо, хрипло рассмеялся: – А вы сомневались, товарищ майор? – Ни секунды, Макс, – выдохнул Стас, заглядывая в его синие глаза так близко, что их дыхание снова смешалось. – Ни единой чертовой секунды. *** Возвращение в Московское РУВД напоминало триумфальный марш. Новость о том, что отстраненный майор Богданов и раненый новичок Алёнушкин вдвоем, без группы захвата, взяли неуловимого газовщика-Артиста прямо у дверей квартиры крупного застройщика, разнеслась по отделу со скоростью лесного пожара. В дежурной части стоял гул. Опера высыпали в коридор, следователи бросали ручки, глядя, как Стас и Максим ведут в наручниках матерого рецидивиста с разбитым носом. Следом за ними дежурный лейтенант тащил опечатанный металлический кейс с десятками сложнейших отмычек и протоколом изъятия. В углу коридора, возле злополучного кофейного автомата, стоял Охман. Лицо старшины было серым, дряблые щеки мелко подрагивали. Он смотрел на Максима так, словно увидел восставшего из мертвых. Шапочкина в отделе не было — тот валялся в челюстно-лицевой хирургии со сломанной челюстью, но Охман прекрасно понимал: теперь их песенка спета. Авторитет Стаса и его нового напарника после этого задержания стал абсолютным, непререкаемым. Максим прошел мимо Охмана, даже не повернув головы. Он держался прямо, спокойно, как человек, сделавший свою тяжелую мужскую работу и не нуждающийся в чужих аплодисментах. – Богданов! – раздался с конца коридора громовой голос. Все мгновенно притихли. У дверей своего кабинета стоял полковник Богданов. Китель застегнут на все пуговицы, руки скрещены на широкой груди, взгляд тяжелый, непроницаемый. Он окинул взглядом задержанного Сорокина, опечатанный чемодан и двоих своих оперативников. – Оформить в ИВС, – коротко приказал полковник дежурному следователю. – Материалы дела подготовить к двум часам, лично повезу в главк на доклад генералу. – Есть, товарищ полковник! – козырнул следователь, уводя понурого Артиста по коридору. Владимир Александрович задержал взгляд на сыне, затем перевел его на Максима. На секунду в глазах старого волка промелькнула едва заметная, глубоко скрытая гордость, но голос прозвучал сухо и строго: – Алёнушкин. – Я, товарищ полковник, – отозвался Максим. – В санчасть. Немедленно. Пусть фельдшер обработает ожоги и заново перевяжет плечо. Если к вечеру поднимется температура — лично отправлю в госпиталь под конвоем. Свободен. – Есть в санчасть, – Максим козырнул здоровой рукой, бросил быстрый, теплый взгляд на Стаса и неторопливо зашагал в сторону лестницы. Полковник проводил его взглядом, затем повернулся к сыну: – А ты, майор, зайди ко мне. Разговор есть. *** Дверь кабинета начальника убойного отдела закрылась с глухим щелчком. Стас остался стоять у порога, не снимая расстегнутой куртки. Его светло-русые кудри все еще были в живописном беспорядке, на щеке алела царапина, полученная во время захвата, но синие глаза горели спокойной, взрослой уверенностью. Он больше не чувствовал себя провинившимся пацаном. Сегодня они доказали всё. Полковник медленно подошел к окну, отодвинул тяжелую портьеру и несколько секунд молча смотрел на серые крыши Петербурга. Затем подошел к сейфу, достал пузатую бутылку коньяка и два толстостенных граненых стакана. Плеснул на два пальца в каждый. Один стакан он молча пододвинул сыну по полированной столешнице. – Пей, – коротко бросил Владимир Александрович. Стас подошел к столу, взял стакан, но пить не спешил: – Служебное время, товарищ полковник. – Заткнись, Стас, – устало, без злобы произнес отец. – Пей. Заслужил. Главк уже на ушах стоит. Генерал лично звонил, сказал: дырки в

погонах крутить пока рано, но министерскую премию отделу выпишут. Серию закрыли чисто. Комар носа не подточит. Стас опрокинул коньяк в горло. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, смывая привкус адреналина, цементной пыли и ночного недосыпа. Отец выпил свой стакан залпом, крякнул и тяжело опустился в кресло. – С Шапочкиным я вопрос закрыл, – негромко заговорил полковник, глядя на свои сцепленные в замок пальцы. – Утром ко мне его мамаша прибегала, визжала про прокуратуру. Я ей положил на стол заключение баллистической экспертизы из двадцать шестой больницы. Стас вздрогнул, вскинув глаза на отца: – Ты… ты знал? – Я начальник отдела, Станислав, – Богданов-старший поднял на сына тяжелый, все понимающий взгляд. – Я этот район знаю тридцать лет. Ты думал, хирург тебе пулю отдал и мне не доложил? Мы с Петром Сергеевичем еще в Афгане спирт из одной фляжки пили. Он мне сразу позвонил, как операцию закончил. В кабинете повисла гулкая, напряженная тишина. – Шапочкин написал рапорт по собственному желанию, – продолжил отец. – Задним числом. С волчьим билетом пойдет на гражданку, пусть радуется, что под трибунал не пошел. Охман переводится участковым в Колпино с понижением в звании. Гниль из отдела я вычистил. Стас молчал, чувствуя, как внутри ворочается тяжелый ком. – Почему ты мне не сказал, Стас? – тихо, с неподдельной болью в голосе спросил полковник. – Почему ты позволил мне орать на тебя? Позволил мне повесить на тебя эти чертовы наряды? Почему не сказал, что Шапочкин стрелял в спину своему же?! Стас сжал пальцы на пустом стакане так, что стекло жалобно скрипнуло. – Потому что Максим попросил, – твердо ответил майор. – Он сказал: если поднимется шум, снимут тебя. Генерал спишет тебя на пенсию, отдел расформируют. Алёнушкин взял всё на себя, батя. Он соврал тебе в лицо, стерпел твой строгач, лишился премии — только чтобы прикрыть твою спину. И мою тоже. Владимир Александрович тяжело закрыл глаза. На его висках отчетливо проступили серые вены. Старый полковник медленно покачал головой: – Серега Антонов воспитал железного волчонка. Жестокий он мужик, Серега… Сколько раз я ему говорил: нельзя с пацаном как на плацу. А он всё свое гнул: «Либо сломается, либо станет кремнем». Не сломался. Кремень. Полковник открыл глаза и посмотрел на сына долгим, пронзительным взглядом. В этом взгляде не было командира — был только отец, знающий своего единственного сына до последней косточки. – Я утром заходил в кабинет оперов, Стас. Сердце майора пропустило глухой, тяжелый удар. – Я видел, как вы спали, – голос полковника звучал пугающе тихо, разрезая тишину кабинета. – Видел, как он к тебе прижался. И как ты его держал. Стас не отвел взгляда. Его голубые глаза стали ледяными, челюсти сжались. Майор приготовился к чему угодно: к скандалу, к обвинениям, к угрозам вышвырнуть из органов. Он не собирался оправдываться или лгать. Не перед отцом. Не после того, что произошло за эти трое суток. – И что? – глухо, с вызовом спросил Стас. Владимир Александрович долго молчал. Он смотрел на взъерошенные кудри сына, на сбитые костяшки его пальцев, на упрямую морщину между бровей — точно такую же, как у покойной матери Стаса. – А то, Станислав, – полковник тяжело вздохнул, оперевшись локтями о стол. – Что я тебя знаю. Ты тридцать лет живешь как на пороховой бочке. Всегда один. Всегда вперед паровоза. Женщины у тебя не держались больше месяца — орали, что ты на службе женат. Друзей настоящих не было — только сослуживцы, которые тебе в рот смотрели. Ты никого к себе близко не подпускал. Слишком гордый. Слишком колючий. Отец сделал паузу, заглядывая сыну в самую душу: – А за этого парня ты готов был Шапочкина голыми руками разорвать прямо на этаже. Ты ради него всю ночь в подвале лопатой махал. И сегодня… я видел, как ты на него смотришь. Как на икону. – Батя, прекрати… – сквозь зубы процедил Стас, чувствуя, как краска заливает шею. – Молчи и слушай, майор! – в голосе полковника снова звякнула командирская сталь, но в ней не было злобы — была безмерная отцовская тревога. – Мне плевать, что там у вас в головах крутится. Мы не в Голливуде живем, а в Питере, в убойном отделе. Здесь за такие взгляды сожрут живьем, не подавятся. Служба ошибок не прощает. Если кто-то из главка или УСБ хоть

краем глаза зацепит то, что увидел я — вас обоих закопают так глубоко, что никакие раскрытые серии не помогут. Ты это понимаешь своими кудрявыми мозгами?!

Книги мёртвых и живых

Стылый ноябрьский воздух пах мокрым гранитом, подмерзающей грязью и выхлопами бесконечной пробки на Московском проспекте. За окнами третьего этажа РУВД висела привычная свинцовая хмарь, сквозь которую солнце не могло пробиться уже третью неделю. В кабинете оперов тихо шуршал старенький чайник. Стас Богданов сидел за своим столом, закинув длинные ноги в тяжелых ботинках на нижнюю полку сейфа, и вертел в пальцах незажженную сигарету. Курить он ненавидел, дым терпеть не мог с юности, но старая привычка крутить что-то в руках во время работы мысли помогала сосредоточиться лучше любых новомодных четок. Напротив, склонившись над кипой ориентировок, сидел Максим. Стас невольно поймал себя на том, что разглядывает напарника дольше, чем позволял устав. За прошедшие семь дней Алёнушкин заметно ожил: землистая больничная бледность уступила место нормальному цвету лица, короткий темный ежик волос был аккуратно подровнен, а тугую косыночную повязку с левой руки он вчера демонстративно снял и выбросил в мусорную корзину. Швы на ключице затянулись, ожоги от кипятка на шее превратились в розоватые пятна новой кожи. Максим уже свободно двигал плечом, хотя при резких поворотах корпуса все еще едва заметно прищуривался, пряча боль глубоко в себе. И черт возьми, Стаса это радовало. Безумно, до щемящего тепла где-то под ребрами радовало. Видеть его снова в строю, живого, спокойного, с этой его невозмутимой купчинской уверенностью, было лучшим, что случилось с майором за весь этот паршивый осенний месяц. – Перестань пялиться, командир, – не поднимая головы от протокола, негромко произнес Максим. В его голосе скользнула едва уловимая насмешка. – Дырку во мне прожжешь. – Много чести — пялиться на тебя, – фыркнул Стас, бросив сигарету в пепельницу. Майор спустил ноги на пол и подался вперед, уперев локти в стол. – Рука как? Честно говори. Если на выезде начнешь сопли на кулак наматывать, я тебя в машине наручниками к ручке пристегну. Максим поднял глаза. Чистая, прозрачная синева его взгляда встретилась с голубыми глазами майора. – Не начну. Мышца держит, синовит ушел. Я вчера в зале полтинник от груди пожал одной правой, а левой двадцать килограммов протянул. Для задержания хватит. – Герой, мать твою, – покачал головой Стас, но в уголках его губ дрогнула теплая улыбка. – Ладно. Что у нас там по макулатуре? Максим разложил перед собой три тонкие картонные папки со штампами разных отделов города: Адмиралтейского, Центрального и их родного, Московского. Новое дело свалилось на них сегодня утром, прямо с генеральского стола. Город накрыла серия весьма странных, почти театральных налетов. Кто-то методично потрошил закрытые антикварные лавки, букинистические салоны и частные книжные хранилища. Но если обычные налетчики выносили серебро, монеты эпохи Николая II, ордена или редкие золотые табакерки, то этот неуловимый гость действовал по абсолютно бредовой логике. – В ночь на четверг — лавка «Старый свиток» на Гороховой, – начал перечислять Максим, постукивая шариковой ручкой по бумаге. – Замки вскрыты отмычками, сигнализация заглушена частотным сканером. Сейф с наличкой не тронут. Витрина с золотыми карманными часами «Брегет» цела. Пропали: трактат французского оккультиста Элифаса Леви издания тысяча восемьсот девяносто шестого года и рукописный дневник розенкрейцеров начала девятнадцатого века. – Настоящие чернокнижники в городе объявились, – хмыкнул Стас. В его глазах блеснул неподдельный азарт. Мистику и старинные тайны Богданов любил с детства, перечитав в свое время всю классику от Эдгара По до Лавкрафта. – Дальше что? – В ночь на субботу — частная букинистическая галерея на Загородном, – продолжил Максим, и на его круглом лице проступила та самая сосредоточенность, которая так нравилась Стасу. – Унесли три тома «Каббалы» на латыни с гравюрами семнадцатого века и старинный немецкий травник с заклинаниями против мора. Стоимость по каталогам Сотбис — как чугунный мост через Неву, но продать такое легально на антикварном рынке Петербурга невозможно.

Это штучный товар. Музеи и частные коллекционеры сразу маякнут в Интерпол. – А сегодня ночью вскрыли лавку древностей на Московском, прямо у нас под носом, возле парка Победы, – закончил за него Стас, ткнув пальцем в свежую сводку. – И снова: касса на месте, старинные иконы в серебряных окладах не тронуты. Утащили масонский уставник Павла Первого и книгу по ритуальной демонологии. Стас встал из-за стола, подошел к магнитной доске и прикрепил к ней фотографии мест преступлений. – Значит так, лейтенант. Давай включать мозги. Для обычных воров этот хабар — чистый геморрой. Сбыть сложно, риск огромный. Для наркоманов — слишком ювелирная работа по замкам. Здесь работает профи высшей пробы, но по конкретному заказу. – Либо фанатик, – тихо добавил Максим. Стас обернулся, удивленно приподняв бровь: – В каком смысле? – В прямом, – Максим встал, подошел к доске и встал плечом к плечу со Стасом. От Алёнушкина тонко пахло свежим мылом и легким хвойным одеколоном — запахом простым, мужским и необъяснимо уютным. – Я в академии факультативом изучал деструктивные культы и психологию сектантства. Посмотрите на выборку книг. Леви, розенкрейцеры, демонология, ритуалы перехода. Это не случайный набор раритетов для интерьера на даче олигарха. Человек, который это заказывает или ворует сам, искренне верит, что собирает ритуальный круг. Он ищет конкретный текст. Инструкцию. Стас посмотрел на Максима с искренним восторгом: – Ты меня продолжаешь удивлять, Алёнушкин. То купчинский рукопашник, то эксперт по черной магии. Откуда такие познания? – Рок-музыка, командир, – чуть усмехнулся Максим. – В моей группе половина текстов была замешана на средневековой мистике. Пока тексты писал — в Публичке дневал и ночевал. Так что я эту публику нутром чую. – Ладно, чернокнижник, – Стас хлопнул его по здоровому правому плечу. – Батя подписал постановление на отработку круга лиц. Нам скинули картотеку по нашему району: антиквары с судимостями, скупщики краденого и бывшие «книжники». Всего восемь адресов. Поехали, пока этот сектант не принес кого-нибудь в жертву на стрелке Васильевского острова. – Форд на ходу? – уточнил Максим, натягивая плотную темную куртку. – Как часы, – подмигнул Стас. – Дырки от пуль на капоте я вчера зашпаклевал и баллончиком задул. Почти незаметно.

***

Весь день прошел в бесконечной, изматывающей ментовской круговерти. Они колесили по промозглым улицам Московского района, петляя между серыми громадами сталинских домов и хрущевскими кварталами. Стас вел уверенно, агрессивно вклиниваясь в потоки машин, а из колонок «Форда» на всю мощь орал нестареющий «Пикник» — шаманские, гипнотические риффы Эдмунда Шклярского идеально ложились на тему их расследования. Максим не просил сделать потише; напротив, он постукивал пальцами по приборной панели в такт барабанам, иногда тихо подпевая про фиолетово-черный цвет и мракобесие. Первые четыре адреса дали глухой ноль. Один старый скупщик на Варшавской спился до белой горячки и не мог вспомнить собственный день рождения, не то что оккультные гримуары. Владелец букинистического подвальчика на Бассейной клялся всеми святыми, что завязал еще в девяносто восьмом и теперь торгует исключительно советскими собраниями сочинений Дюма и Жюля Верна. Еще двое фигурантов давно переехали в спальные районы на север города. К четырем часам дня сумерки в Петербурге уже окончательно сгустились, сменившись вязкой, сырой темнотой. – Остался один адрес по нашему квадрату, – сказал Максим, сверяясь с планшетом, пока «Форд» стоял на светофоре у площади Братьев Стругацких. – Улица Типанова, дом сорок два. Квартира семнадцать. Некто Грачев Игорь Семенович, сорок восемь лет. В середине нулевых привлекался за кражу редких рукописей из архива Академии наук. Получил три года условно. По оперативным данным, до сих пор крутится вокруг антикварных барыг, выполняет роль оценщика и наводчика. – Знакомая фамилия, – нахмурился Стас, поворачивая во дворы. – Кажется, его фамилия всплывала в старых делах по контрабанде икон. Ладно, потрясем гражданина Грачева. Дом оказался типичной пятиэтажной «брежневкой» из серого силикатного кирпича, зажатой между новостройками и пустырем. Двор был темным, единственный фонарь

над помойкой тускло мигал, освещая раскисшую глину и ржавые остовы детских качелей. Стас заглушил двигатель. В салоне повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием остывающего мотора. – Оружие проверь, – негромко бросил Богданов, снимая свой ПМ с пояса и привычным движением передергивая затвор, загоняя патрон в патронник, после чего мягко поставил пистолет на предохранитель. Максим проделал ту же операцию со своим табельным оружием: четко, без суеты, одной правой рукой. – Готов, командир. – Работаем по классике, – Стас посмотрел на него, и в полумраке салона его голубые глаза блеснули жестким светом. – Я захожу первым, опрашиваю. Ты страхуешь в коридоре, прикрываешь спину. Никаких резких движений. Если Грачев чист — берем расписку и едем в отдел ужинать. Я шаверму на Московском знаю, пальчики оближешь. – Договорились, – улыбнулся Максим. – Только без лука. Они вышли из машины. Холодный ветер мгновенно ударил в лицо, заставив поднять воротники. Поднявшись на второй этаж по заплеванной окурками лестнице, оперативники остановились у старой деревянной двери, обитой рваным коричневым дерматином, из-под которого клочьями торчал серый поролон. Звонок был вырван с мясом, из стены сиротливо торчали два оголенных провода. Стас трижды тяжело постучал костяшками пальцев в дерево: – Полиция. Грачев, открой. Разговор есть. За дверью послышался невнятный шорох, затем звук упавшего предмета — словно кто-то второпях задел стопку книг или посуду. Стас насторожился, его тело мгновенно подобралось, принимая боевую стойку. Майор толкнул дверь ладонью — она неожиданно подалась с глухим скрипом. Замок был открыт, защелка не сработала. – Нехорошо, – шепнул Стас через плечо. – Входим. Богданов плавно извлек пистолет, держа его стволом в пол, и шагнул в темную прихожую. Максим бесшумной тенью скользнул следом, прикрывая тыл и перекрывая входную дверь. В квартире стоял тяжелый, затхлый запах: смесь дешевого табака, сухой бумажной пыли, валерьянки и… свежего парафина. В узком коридоре горела тусклая сорокаваттная лампочка, едва разгонявшая мрак. Под ногами скрипели старые газеты. Справа виднелась кухня, где капала вода в раковине, прямо по курсу — единственная жилая комната, заставленная до самого потолка стеллажами со старыми книгами. – Грачев! – громко окликнул Стас, проходя вглубь комнаты. – Полиция Московского района. Выходи, иначе хуже будет. В комнате никого не было. На массивном круглом столе горели три толстые восковые свечи, стоявшие прямо на перевернутых блюдцах. Между ними лежали раскрытые старинные фолианты в тяжелых кожаных переплетах с медными застежками. Те самые книги из «Старого свитка». На желтоватых страницах мерцали черные гравюры с очертаниями средневековых демонов и каббалистические круги. – Твою мать… – выдохнул Стас, опуская ствол. Острый сыщицкий азарт мгновенно заслонил осторожность. – Алёнушкин, смотри! Они здесь! Он их даже спрятать не успел! Максим стоял в дверном проеме комнаты, внимательно сканируя взглядом пространство. Его цепкий, натренированный взгляд скользил по теням. Что-то в этой комнате было не так. Свечи горели ровно, воск едва успел оплавиться — значит, их зажгли буквально пять минут назад. Чашка чая на столе еще испускала тонкую струйку пара. – Стас, стой, – глухо, с нарастающей тревогой произнес Максим. – Он не один ушел. Или… не ушел вообще. – Да брось, окно нараспашку, – Стас подошел к распахнутой балконной двери. Старая балконная дверь с разбитым верхним стеклом выходила на крошечный, хлипкий балкон второго этажа с низкими ржавыми перилами из гнутых металлических прутьев. Внизу чернел темный, заваленный строительным мусором и старыми покрышками палисадник. – Видимо, через балкон сиганул, когда мы стучали, – бросил майор, делая шаг на балконную плиту и перегибаясь через перила, чтобы осмотреть землю. – Следы на снегу… – СТАС, БЕРЕГИСЬ! – дикий, срывающийся крик Максима разорвал тишину квартиры. Все произошло за доли секунды. Массивный трехстворчатый дубовый шкаф, стоявший в темном углу возле балконного проема, с грохотом распахнулся. Из его нутра с яростным, нечеловеческим ревом вывалилась огромная фигура. Это был не тщедушный букинист Грачев — это был двухметровый громила в грязном ватнике и с натянутой на лицо черной шапкой с прорезями для глаз. В руках у амбала блес-

нула тяжелая полуметровая монтировка. Стас среагировал мгновенно, начав разворачиваться и вскидывая табельный пистолет, но громила даже не стал бить оружием. Используя колоссальную массу своего тела и разгон, амбал с размаху, как таран, врезался плечом прямо в грудь Богданова. Удар был сокрушительным. Стаса буквально вынесло на балкон. Спина майора со страшной силой ударилась о прогнившие, ржавые перила ограждения. Металл не выдержал двойного веса: сварные швы у основания бетонной плиты лопнули с оглушительным скрежетом, прутья вывернуло наружу, и Стас, потеряв опору под ногами, перевалился через край и полетел вниз спиной вперед с высоты второго этажа! – СТА-А-АС! – заорал Максим. В глазах Алёнушкина мир на мгновение потерял цвет, превратившись в черно-белый кошмар. Забыв о боли в плече, о дыхании, обо всем на свете, Максим вскинул пистолет. Громила с монтировкой уже разворачивался к нему, оскалив желтые зубы сквозь прорезь маски, но Алёнушкин не стал стрелять в корпус. Два сухих, оглушительных выстрела разорвали комнату. Первая пуля вошла нападавшему точно в правое колено, дробя чашечку. Вторая вспорола бедро. Великан взвыл, выронил монтировку и кульком рухнул на пол, заливая старые ковры темной кровью. Максим даже не посмотрел на него. Он бросил пистолет в кобуру, в два гигантских прыжка перемахнул комнату, вылетел на полуразрушенный балкон и, не раздумывая ни секунды, рыбкой перемахнул через выломанный край перил вниз, в темноту. Удар о мерзлую землю отозвался вспышкой острой боли в заживающем левом плече, но Максим даже не поморщился. Он перекатился через бок, вскочил на ноги и бросился к телу майора. Стас лежал ничком на куче битого кирпича и ржавых металлических уголков, припорошенных тонким слоем снега. Его светло-русые кудри разметались по грязи, правая рука неестественно подогнулась под корпус, из разбитого виска тонкой струйкой текла кровь. Он был без сознания. – Стас! Стас, слышишь меня?! – Максим упал перед ним на колени прямо в ледяную жижу. Руки младшего лейтенанта мелко дрожали, когда он осторожно коснулся шеи Богданова, нащупывая пульс. Пульс был. Частый, нитевидный, слабый, но живой. Дыхание Стаса вырывалось с хрипом, со свистом — верный признак сломанных ребер и возможного пневмоторакса. Максим поднял голову к темным окнам второго этажа. Там, наверху, оставались ценнейшие улики, раскрытое дело века по оккультным грабежам и раненый подельник, которого можно было расколоть за полчаса. Любой правильный, образцовый опер вызвал бы подкрепление по рации, перекрыл периметр и ждал следственную группу. Но для Максима в эту секунду весь мир, весь гребаный уголовный розыск и все древние книги мира перестали существовать. Перед ним умирал Стас. Человек, который прикрыл его в подвале. Человек, который смотрел на него так, как никто никогда в жизни не смотрел. – Держись, родной… Слышишь? Держись, я с тобой, – шептал Максим, срывая с себя шарф и прижимая его к ране на голове майора. Забыв о запретах врачей, превозмогая адскую, рвущую боль в собственной разорванной ключице, Алёнушкин подвел здоровое плечо под корпус Стаса. Собрав всю свою купчинскую, волчью силу, парень взревел от натуги и оторвал тяжелое, девяностокилограммовое тело майора от земли. Ноги скользили по мерзлой грязи. В левом плече Максима словно провернули раскаленный штык, перед глазами поплыли красные круги, но он не ослабил хватку. Прижимая бесчувственного Стаса к своей груди, бережно удерживая его запрокинутую голову, Максим потащил командира через весь темный двор к припаркованному «Форду». Скорую ждать было нельзя — в пятничных пробках карета ехала бы сорок минут. Счет шел на секунды. Максим распахнул заднюю дверь машины, осторожно уложил Стаса на сиденье, подложив под его голову свою свернутую куртку. Сам прыгнул за руль, повернул ключ зажигания. Двухлитровый мотор взревел, и «Форд», взвизгнув покрышками по мокрому асфальту, вылетел со двора на улицу Типанова, сметая снежную кашу.

***

До Городской больницы 26 на улице Костюшко Максим долетел за семь минут, грубо нарушая все существующие правила дорожного движения, пролетая перекрестки на глухой

красный свет с включенной аварийкой и зажатым клаксоном. Он ворвался в приемный покой с окровавленным Стасом на руках, выбив ногой пластиковые двери. – Реанимацию! Живо! – рявкнул Максим с такой страшной, первобытной яростью, что пожилая медсестра за стойкой выронила журнал регистрации, а двое санитаров мгновенно подкатили металлическую каталку. Стаса бережно переложили. Тут же подбежал дежурный травматолог — тот самый коренастый хирург с седой бородой, который неделю назад зашивал самого Максима. – Богданов?! – врач мгновенно узнал майора. Пальцы хирурга забегали по телу Стаса, оценивая повреждения. – Падение с высоты? – Второй этаж, на кирпичи и металл, – хрипел Максим, опираясь ладонью о стену, чувствуя, как его собственное плечо немеет от перегрузки. – Без сознания минут десять. Закрытая черепно-мозговая, перелом ребер справа, подозрение на внутреннее кровотечение! – В операционную, срочно! Интубацию готовьте, две дозы плазмы первой положительной! – скомандовал врач санитарам. Каталка с грохотом покатилась по кафелю коридора к двойным дверям хирургического блока. Доктор на секунду задержался, посмотрев на Максима: – Сам как? Рука цела? – Плевать на меня! Спасите его, доктор… Пожалуйста, – выдохнул Максим, и в его синих глазах блеснули непрошеные, злые слезы. – Сделаем всё, сынок. Жди здесь. Двери операционной захлопнулись. Загорелось красное табло: «Идет операция». Максим остался один в пустом, пахнущем хлоркой и карболкой коридоре. Он тяжело опустился на холодный линолеум прямо у стены, прижал колени к груди и зарылся здоровой рукой в короткие волосы. На его ладонях, на форменных брюках и на сером свитере темнела кровь Стаса. Густая, липкая, чужая кровь, которая жгла кожу сильнее любого кипятка. Алёнушкин достал из кармана служебный мобильник. Пальцы плохо слушались. Он набрал прямой номер начальника отдела. Трубку сняли после второго гудка. – Полковник Богданов, слушаю, – раздался в динамике тяжелый, спокойный бас. – Товарищ полковник… – голос Максима сорвался, он судорожно сглотнул ком в горле. – Младший лейтенант Алёнушкин докладывает. Мы взяли след по оккультным книгам. На адресе была засада. На том конце провода повисла секундная пауза: – Подозреваемый задержан? Максима словно ударили наотмашь. Ни вопроса о сыне, ни тревоги в голосе. – Подозреваемый ранен на месте, книги в квартире на Типанова, – сквозь зубы выдавил Максим. – Но майор Богданов… Стас… Его сбросили с балкона второго этажа. Он в двадцать шестой больнице. Сейчас на операции. Травмы тяжелые, подозрение на внутреннее… Полковник не дал ему договорить. – Я понял, – сухо, ровно, без единой дрожи в голосе произнес Владимир Александрович. – Адрес квартиры на Типанова передай дежурному по РУВД. Я отправляю туда вторую следственную группу для изъятия вещдоков и задержания подельника. – Товарищ полковник… – опешил Максим, поднимаясь на ноги. Внутри него начала закипать слепая, яростная волна протеста. – Вы меня слышите?! Ваш сын на операционном столе! Он без сознания! Вы приедете?! Ответ Богданова-старшего прозвучал как удар обухом топора по живому мясу: – Нет, Алёнушкин. Я не приеду. У меня через сорок минут селектор с министерством по результатам спецоперации. – Что?.. – выдохнул Максим, не веря собственным ушам. – Майор Богданов — взрослый мужик и опытный офицер, – ледяным, казенным тоном продолжал чеканить полковник. – Если его выкинул с балкона какой-то уголовник из шкафа — значит, майор проявил преступную халатность. Не проверил сектор зачистки, потерял бдительность, полез вперед как сопливый пацан, забыв все тактические наставления. Он сам виноват в своем падении. В убойном отделе за ошибки платят здоровьем. Врачам я доверяю, двадцать шестая травма — лучшая в городе. Закончишь там — езжай в отдел писать рапорт по применению табельного оружия. Конец связи. Короткие гудки ударили в ухо Максима, словно автоматная очередь. Алёнушкин медленно опустил руку с телефоном. Его круглое лицо окаменело, побелев до синевы. Челюсти сжались с такой силой, что хрустнули зубы, а в синих глазах заплясало такое бешеное, удушливое пламя ненависти, которого он не испытывал даже к Шапочкину, стрелявшему ему в спину. «Сам виноват… Преступная халатность… Я не приеду…» Слова полковника эхом бились о кафельные стены коридора, выво-

рачивая душу наизнанку. Максим вспомнил своего приемного отца, деспота Сергея Николаевича Антонова. Тот был жестоким, бил его ремнем за двойки, муштровал как пса, выбивал дурь армейскими сапогами — но когда шестнадцатилетний Максим попал в аварию на мопеде и сломал ключицу, Антонов провел трое суток на стуле в коридоре больницы, не сомкнув глаз и срываясь на каждого врача, проходившего мимо. В нем, при всей его искалеченной душе, жило звериное, волчье чувство стаи. А этот… Этот кабинетный истукан, увешанный орденами и грамотами, списал родного сына за одну секунду, потому что тот «не проверил сектор» и помешал селектору с министерством! Максим с размаху ударил здоровым кулаком в стену. Штукатурка брызнула во все стороны, по костяшкам потекла кровь, но физической боли он не почувствовал. Его колотило от бессильной, разрывающей грудь ярости. – Скотина… – прошипел Максим в пустой коридор. – Какая же ты бессердечная скотина, полковник Богданов…

***

Операция длилась бесконечные четыре часа. Максим не ушел. Он отказался от предложения медсестры перевязать его собственное ноющее плечо, отказался от чая. Он сидел на жестком стуле напротив операционной, не двигаясь, уставившись неподвижным взглядом в красную светящуюся надпись над дверью, словно пытаясь силой собственной воли удержать Стаса на этом свете. Красная лампа погасла в девять вечера. Двери распахнулись, и в коридор вышел уставший хирург. Зеленый хирургический костюм врача был мокрым от пота на груди, под глазами залегли темные круги. Он стянул шапочку, тяжело вздохнул и подошел к Максиму. Алёнушкин вскочил на ноги, затаив дыхание: – Доктор?.. Хирург слабо, ободряюще улыбнулся: – Жить будет твой майор, лейтенант. Опять в рубашке родился, чертяка кудрявый. Максим шумно, с дрожью в груди выдохнул, почувствовав, как подгибаются колени. – Что с ним? – Сотрясение тяжелое, но гематомы в мозге нет, трепанация не понадобилась. Два ребра справа сломаны, одно надломило плевру, пришлось ставить дренаж и откачивать кровь. Правое предплечье — трещина лучевой кости, наложили гипс. Ушиб почек приличный, но разрывов внутренних органов нет — кирпичи спружинили на старых покрышках, повезло ему сказочно. Молодой, тренированный организм. Час назад перевели в реанимационную палату, сейчас отходит от наркоза. – К нему можно? – с надеждой спросил Максим. Врач посмотрел на перепачканного в чужой крови, бледного, едва держащегося на ногах парня и понимающе кивнул: – На пять минут. Халат накинь у дежурной. *** В палате интенсивной терапии пахло озоном, лекарствами и тишиной. Мерно, гипнотически попискивал кардиомонитор, выводя на темный экран зеленую ломаную линию пульса. Стас лежал на высокой функциональной кровати, укрытый белой казенной простыней до пояса. Его голова была плотно забинтована, на правом виске белела марлевая наклейка. Правая рука от кисти до локтя была закована в свежий белый гипс. Из-под ребер с правой стороны тянулась тонкая дренажная трубка к пластиковому резервуару на полу. Лицо майора казалось неестественно бледным, светло-русые кудри разметались по подушке, но дыхание через кислородную маску было глубоким и ровным. Максим тихо, почти бесшумно вошел в палату, притворив за собой дверь. Он подошел к кровати, опустился на колени прямо на холодный пол и осторожно, боясь причинить боль, накрыл своей широкой, сбитой ладонью здоровую левую руку Стаса. Пальцы майора были прохладными. Максим уткнулся лбом в край матраса, закрыв глаза. Горло сдавило спазмом. – Живой… – прошептал Максим в полутьму палаты. – Живой, черт кудрявый… Пальцы Стаса под его ладонью слабо, едва заметно шевельнулись. Максим мгновенно поднял голову. Ресницы Богданова дрогнули. Майор медленно, с видимым трудом приоткрыл глаза. Голубые зрачки были мутными от остатков наркоза, но сфокусировались точно на лице Алёнушкина. Стас слабо повел головой, скривившись от боли во всем теле. Свободной левой рукой он неуклюже потянулся к лицу и сдвинул кислородную маску на подбородок. – Алёнушкин… – голос майора прозвучал хрипло, еле слышно, как шелест сухой листвы. – Ты… чего тут расселся?.. – Тебя караулю, командир, – Максим не сдержал слабой, дрожащей улыбки, не выпуская его ладони. – Чтобы

ты опять в окно не вышел. Стас тихо, сдавленно хмыкнул и тут же застонал, зажмурившись от боли в сломанных ребрах: – Сука… шкаф этот… как бревно прилетело… Книги… где? – Изъяли, – мягко успокоил его Максим, поглаживая большим пальцем костяшки его руки. – Вторая группа всё забрала. Амбала твоего я спеленал, две пули в ногу загнал, никуда не денется. Грачева тоже на чердаке взяли. Дело раскрыто, Стас. Чистая победа. Отдыхай. Стас медленно обвел затуманенным взглядом белые стены палаты, штатив капельницы, приборы. На его лице промелькнуло смутное, горькое осознание. – Батя… звонил? – тихо, с затаенной надеждой спросил он, заглядывая Максиму в глаза. – Он… приедет? У Максима внутри всё перевернулось. Сердце сжалось от такой острой, невыносимой жалости к этому сильному, дерзкому майору, который сейчас лежал перед ним изломанный, беззащитный и ждал простого отцовского слова. Максим на секунду опустил глаза. Врать он не умел. Но сказать правду — сказать, что родной отец назвал его падение халатностью и предпочел селектор с генералами — значило добить Стаса прямо сейчас. Максим поднял взгляд, и его синие глаза были полны абсолютной, несокрушимой теплоты и нежности: – Звонил, Стас. Сразу же, как тебя привезли. Рвался сюда, еле дежурный по главку удержал — там ЧП какое-то на севере города, министерская проверка нагрянула. Он велел передать, что ты лучший опер...

Дин, Лось и яблочный пирог

Больничная палата травматологического отделения Городской больницы 26 на улице Костюшко жила по собственному, тягучему и монотонному расписанию. Здесь время не измерялось привычными суточными циклами убойного отдела: не было бесконечных звонков дежурного следователя, визга тормозов на мокром асфальте, запаха остывшего казенного кофе и протоколов допросов, пахнущих дешевой бумагой. Здесь время отмерялось каплями, мерно падающими в прозрачную пластиковую колбу капельницы, скрипом колесиков тележки с перевязочными материалами в коридоре и далеким, приглушенным рокотом дизельных грузовиков на Варшавской улице. Стас Богданов лежал на высокой койке у окна, уставившись в потолок, покрытый сетью мелких трещин, похожих на пересохшее русло реки. Правая рука майора от костяшек пальцев до самого локтя была замурована в тяжелый, белоснежный гипс и покоилась на специальной треугольной подушке. Справа под ребрами при каждом вздохе тупо и злобно пульсировало: сломанные кости, стянутые тугой фиксирующей повязкой, напоминали о полете со второго этажа дома на улице Типанова. Дренаж из плевральной полости сняли только вчера, и на его месте под слоями марли и лейкопластыря осталась противная, ноющая дыра. Но хуже физической боли было ощущение собственной беспомощности. Для тридцатилетнего майора полиции, привыкшего по утрам наматывать десятикилометровые кроссы по парку Победы, ворочать штангу в спортзале и влетать в криминальные притоны первым, лежать пластом в казенной хлопковой рубахе с расстегнутым воротом было изощренной пыткой. В дверь палаты коротко, дважды стукнули. Стук был знакомым — не робким, как у дежурных медсестер, и не наглым, как у санитаров, а твердым, чуть глуховатым. Дверь приоткрылась, и на пороге появился Максим Алёнушкин. Он был без куртки, в темно-зеленом вязаном свитере с закатанными рукавами и потертых темных джинсах. Лицо Максима после недели беготни по городу посвежело, короткий темный ежик волос был чисто вымыт, а в синих глазах горело то самое неистребимое, спокойное тепло, от которого у Стаса в груди в последние дни неизменно теплело. В правой руке Максим держал увесистый бумажный крафтовый пакет с логотипом фермерской лавки, а из левого кармана его джинсов торчала стопка потрепанных книг в мягких обложках.

– Здорово, поломанный, – негромко, чтобы не беспокоить двух соседей по палате — пожилого профессора с шейкой бедра и сонного парня с вывихом ключицы, — произнес Максим.

Он подошел к койке Стаса, легко и уверенно подтянул тяжелый казенный стул, развернул его спинкой вперед и сел верхом, положив подбородок на скрещенные предплечья.

– Сам ты поломанный, – проворчал Стас, но в его голубых глазах блеснула неприкрытая радость. Майор попытался приподняться на левом локте, чтобы сесть повыше, но тут же зашипел сквозь зубы: сломанные ребра отозвались острой, режущей судорогой.

– Куда ты дергаешься, горе луковое? – Максим мгновенно поднялся на ноги. Его сильные, широкие ладони осторожно, но несокрушимо легли Стасу на здоровое плечо и затылок.

Действовал он поразительно чутко: аккуратно, миллиметр за миллиметром, приподнял майора, второй рукой взбил две плоские больничные подушки, подоткнул их под лопатки Богданова и усадил его полусидя.

Прикосновения Алёнушкина были теплыми, от его рук пахло морозным ветром, мылом и почему-то корицей. Стас шумно выдохнул, откинувшись на подушки. Близость Максима на долю секунды сбила дыхание: майор успел поймать взглядом ровную линию темных ресниц Алёнушкина, крошечный светлый шрамик над левой бровью и едва заметные розовые пятна на шее — следы ожога от того проклятого кипятка Шапочкина, которые теперь стремительно бледнели.

– Спасибо, – хрипло сказал Стас, чувствуя, как краска приливает к шее.

Чтобы скрыть внезапное смущение, майор мотнул головой в сторону пакета:

– Чего притащил? Если опять этот куриный бульон без соли из диетической столовой — клянусь, я тебя загипсованной лапой по уху огрею.

– Спокойно, майор, бунт на корабле отменяется, – усмехнулся Максим, снова усаживаясь на стул.

Он раскрыл пакет и принялся выставлять на прикроватную тумбочку сокровища:

– Бульон был позавчера, ты его честно выхлебал. Сегодня у нас контрабанда. Настоящий морс из лесной брусники — сам вчера варил, сахара минимум, витамина С вагон. Потом — два пирожка с говядиной и луком из той самой пекарни на Чернышевской, где тесто слоеное и хрустит. И… – Максим выдержал театральную паузу и извлек из недр пакета термос из нержавеющей стали.

– Чай. Черный, крупнолистовой, с чабрецом и сушеными ягодами можжевельника. Никаких больничных помоев.

Стас недоверчиво посмотрел на термос, затем перевел взгляд на круглое, спокойное лицо напарника.

– Ты сам морс варил? – с искренним изумлением спросил Богданов.

– Ты серьезно? Ментовский опер из Купчино варит морс по ночам?

– А что такого? – Максим пожал плечами, ловко отвинчивая крышку термоса, выполнявшую роль чашки.

По палате мгновенно поплыл густой, пряный, терпкий аромат таежных трав и горячего чая, напрочь заглушая казенный дух хлорки и пенициллина.

– У меня отчим в детстве заставлял всю домашнюю работу делать по струнке. Если компот скисал или суп пригорал — драил чугунный казан песком до зеркального блеска. Так что готовить я умею. Жить захочешь — научишься. Держи.

Максим вложил горячую кружку в здоровую левую руку Стаса. Майор поднес чай к губам, сделал осторожный глоток и блаженно прикрыл глаза. Тепло прокатилось по пищеводу, мягко согревая изнутри измученное травмами тело, смывая привкус анальгетиков. – Божественно, – искренне выдохнул Стас.

– Алёнушкин, если тебя когда-нибудь выпрут из органов за неподчинение начальству, открывай кофейню. Я к тебе каждый день буду заезжать.

– Не дождетесь, товарищ майор, – улыбнулся Максим, доставая из кармана одну из принесенных книг и кладя ее на край матраса.– Я из органов только вперед ногами уйду. Или на генеральскую пенсию. Стас скосил глаза на обложку. Это был потертый томик Эдгара Аллана По — старое советское издание в черном коленкоровом переплете с тиснением: «Падение дома Ашеров и другие рассказы».

– Опа, – Богданов приподнял бровь. – Классика готического хоррора? Ты серьезно это читаешь?

– Перечитываю, – поправил Максим.

– С детства люблю. У меня в купчинской хрущевке на книжной полке всего три вещи стояли: устав патрульно-постовой службы, справочник фельдшера и полное собрание По с Конан Дойлем. Я по ночам с фонариком под одеялом «Золотого жука» и «Убийство на улице Морг» штудировал. Отчим ловил, порол ремнем за то, что электричество жгу и глаза порчу, а я все равно читал. Мне всегда нравилось, как из мелких, на первый взгляд бредовых деталей вырастает железная логика.

Стас уставился на него так, словно увидел перед собой инопланетянина.

– Да ладно… – протянул майор. – Ты тоже на Конан Дойле вырос?

– А на чем еще расти нормальному сыскарю? – хмыкнул Максим.

– На «Знатоках», что ли? Хотя «Знатоки» тоже неплохи, но дедукция Холмса — это база. Только у Эдгара По круче: у него детектив всегда замешан на чистой чертовщине, на психологии безумия. Он понимал, что самый страшный монстр — это не вампир из гроба, а человек, у которого чердак потек.

Стас тихо, хрипло рассмеялся, но тут же поморщился, прижав загипсованную руку к правому боку:

– Не смеши меня, скотина, ребра трещат… Слушай, это прямо мистика какая-то. Я ведь в старших классах от Кинга и Лавкрафта не вылезал. Меня батя за «Хребты безумия» чуть в суворовское досрочно не сдал. Орал: «Ты советский офицерский сын, а читаешь американскую бесовщину!» А я балдел от этой атмосферы. Когда за окном питерская слякоть, фонари через туман еле светят, а ты сидишь в полутьме и читаешь про старые проклятые особняки Новой Англии.

– Питер вообще самый лавкрафтовский город в мире, – совершенно серьезно заметил Максим, разламывая пирожок пополам и протягивая большую половину Стасу. – Ты на Васильевский остров в ноябре выйди в полночь. Когда вода в каналах черная, как смола, гранит скользкий, туман с залива ползет, а дома с атлантами на тебя пустыми окнами смотрят. Тут любой нормальный опер через пару лет либо мистиком станет, либо сопьется. Стас с аппетитом вгрызся в хрустящее тесто пирожка. Начинка была горячей, сочной, истекающей ароматным бульоном.

Майор прожевал, запил глотком можжевелового чая и с неприкрытым любопытством посмотрел на напарника:

– Слушай, Макс… А музыку ты какую слушаешь? Ну, кроме того старья, что на радио крутят?

Максим хитро прищурился, вытащил из заднего кармана старенький кассетный плеер «Sony» в потертом пластиковом корпусе, перемотанном на углу синей изолентой, и щелкнул кнопкой выброса кассеты. На магнитной пленке белела аккуратная надпись гелевой ручкой: «Пикник. Египтянин. 2001».

– Можешь не продолжать, – выдохнул Стас, и на его лице расплылась широкая, мальчишеская улыбка.

– Шклярский?

– Шклярский, – подтвердил Максим.

– А еще «Алиса» времен «Шабаша», ранний «Наутилус», «Агата Кристи» и «Калинов Мост». Я в шестнадцать лет гитару во дворе нашел — старую ленинградку с треснувшей декой. Сам струны натянул, пальцы в кровь стер, пока аккорды учил. А потом в Купчино свою банду сколотили. Репетировали в котельной при ЖЭКе за то, что по выходным уголь разгружали. Назывались «Седьмой круг». Я там орал так, что вороны с крыш падали.

Стас покачал головой, не сводя с него сияющих голубых глаз:

– «Седьмой круг»… Твою мать, Алёнушкин, ты с каждой минутой становишься всё интереснее. А я на мотоцикле гонял под «Арию». У меня первый байк был — старая «Ява» вишневая, шестьдесят седьмого года. Мы с пацанами в гаражах на Краснопутиловской сутками ковырялись. Батя мне бензин сливал тайком, чтоб мать не видела. Летишь ночью по Пулковскому шоссе, Кипелов в наушниках ревет про улицу Роз, ветер в харю — и кажется, что весь мир у твоих ног.

– Мотоциклы — это тема, – тихо согласился Максим, и в его синих глазах отразилась какая-то далекая, затаенная мечта.

– Я всегда на «Чоппер» заглядывался. Низкий, тяжелый, с V-образным движком, чтоб вибрировал прямо в ребра. Но отчим сказал: «Купишь двухколесный гроб — лично в канаву спущу». Так и не срослось. Все деньги на академию ушли, потом на съемную халупу…

– Срастется еще, – твердо сказал Стас. – Выпишут меня, руку разработаю — поедем ко мне в гараж. У меня там старый «Днепр» перебранный стоит, я из него боббер строю уже года три. Хрома навесил, движок расточил. Поможешь проводку перебрать, я в электрике как баран в апельсинах.

Максим вскинул голову, и в его взгляде вспыхнул такой чистый, детский восторг, что Стасу на мгновение перехватило горло:

– Правда? Не врешь, командир?

– Майоры убойного отдела не врут, лейтенант, – наставительно поднял палец Стас, но тут же добавил с ухмылкой: – Ну, разве что начальству главка, когда протоколы горят.

Они помолчали, слушая, как за окном дождь методично колотит по жестяному отливу. В палате стало совсем тепло и уютно, словно это была не казенная травматология, а старая питерская мансарда, где двое старых друзей коротают промозглый вечер.

– Стас, – вдруг позвал Максим, крутя в пальцах пустой пластиковый стаканчик.– А сериалы ты смотришь? Ну, ментовские наши?

Богданов скривился, словно от зубной боли:

– Ментовские? Эту туфту про крутых оперов в кожаных плащах, которые на «Мерседесах» летают и с двух рук из автоматов по мафии палят? Да меня тошнит от них. Единственное, что более-менее правдиво снято — это «Улицы разбитых фонарей» первый сезон, да «Глухарь». – «Глухарь»?

Максим даже подскочил на стуле.

– Ты тоже его смотрел?!

– А то! – фыркнул Стас. – Мы с ребятами в Центральном, когда я еще стажером был, каждую серию разбирали. Там хоть психология настоящая. Глухарев — циник, усталый, помятый, берет взятки по мелочи, чтобы бензин в служебную колымагу залить, но при этом душу окончательно не пропил. А Антошин — оторва и псих с разбитым сердцем. И дружба эта их… кривая, косая, с мордобоем по пьяни, но насмерть. Когда Денис за Серегу под пули готов, а Серега за него в огонь.

– Вот! – горячо подхватил Максим, жестикулируя здоровой рукой.

– Вот именно! Без глянца, без соплей. Жизнь как она есть: серый спальный район, разбитые фонари, вечная нехватка бензина и понимание, что кроме твоего напарника тебе в этой жизни прикрыть спину некому.

Максим замолчал, лукаво покосился на Стаса и вдруг тихо, с заговорщицкой интонацией спросил:

– А заграничное что-нибудь? Не про ментов?

Стас прищурился, чувствуя подвох:

– Ты на что намекаешь, Алёнушкин?

– Да так… Мистика, демоны, старая черная «Импала» шестьдесят седьмого года, классический рок на кассетах… Ничего не напоминает?

Стас замер с кружкой в руке. Его брови медленно поползли вверх, а голубые глаза округлились:

– «Сверхъестественное»?! Ты смотришь «Сверхъестественное»?!

– Пятнадцать сезонов, майор, – с абсолютной гордостью, приложив руку к груди, отчеканил Максим.

– От первой серии, где мама на потолке горит, до самого финала. Наизусть знаю. Все ритуалы изгнания на латыни помню. *«Exorcizamus te, omnis immundus spiritus…»*

– Заткнись, ради бога, а то сейчас дежурный врач решит, что у нас белая горячка началась! – расхохотался Стас, на этот раз наплевав на ноющую боль в сломанных ребрах. Майор хохотал до слез, запрокинув кудрявую голову на подушку.

– Не могу… Оперуполномоченный Московского РУВД изгоняет демонов в травматологии!

– Смешно ему, – притворно надулся Максим, но сам не смог сдержать широкой улыбки.

– Между прочим, культовая вещь. Два брата мотаются по мотелям, спасают людей, охотятся на нечисть под «Kansas» и «AC/DC». Романтика чистой воды.

– Ага, семейный бизнес, – сквозь смех выдохнул Стас, вытирая пальцем выступившую слезинку.

– Слушай, Макс… А ведь если подумать… Стас внимательно, с ног до головы окинул взглядом напарника: невысокий, крепко сбитый, коренастый, с широкими плечами, короткой стрижкой-ежиком, упрямым подбородком и насмешливыми синими глазами. В потертой куртке, с вечной готовностью влезть в драку и прикрыть чужую шкуру.

– Слушай, Алёнушкин… А тебя в академии случайно никак не называли? Позывной какой-нибудь дурацкий был?

Максим вдруг смутился. На его скулах проступил легкий румянец, он опустил глаза и принялся ковырять ногтем край деревянной спинки стула.

– Ну… было дело, – нехотя буркнул он.

– Ну-ка, ну-ка! – Стас подался вперед, сгорая от любопытства. – Колись, лейтенант! Это приказ старшего по званию!

– Дин, – тихо выдохнул Максим. Стас на секунду онемел, а затем палата снова огласилась его раскатистым, счастливым хохотом. Пожилой профессор на соседней койке зашевелился и недовольно забормотал во сне.

– Дин Винчестер! – давясь смехом, шептал Стас.

– Ну вылитый! Короткий ежик, характер дурной, вечно под пули лезет, рок слушает, жрет пироги тоннами и брата старшего прикрывает! Дин, твою мать! Это же гениально! Кто тебя так окрестил?

– Сокурсники в общаге, – вздохнул Максим, но в его глазах плясали веселые чертики. – Я на втором курсе откуда-то кожаную куртку коричневую надыбал, старую, авиационную. Ходил в ней нараспашку, плеер в ушах орал, дрался по любому поводу, если слабых обижали. Вот пацаны и прилепили: «Винчестер младший», потом просто «Дин». До самого выпуска так и звали. Даже преподаватель по криминалистике иногда на семинарах прикалывался: «Ну что, Дин, найдем сегодня вендиго в купчинских гаражах?»

Стас вытер лоб здоровой рукой, все еще посмеиваясь:

– Ох, не могу… Дин… А знаешь, как меня за глаза некоторые в отделе зовут? И в академии так звали?

Максим мгновенно оживился, выпрямившись на стуле:

– Как?

Стас тяжело вздохнул, покачал головой и нехотя признался:

– Лосем. Максим замер.

Его синие глаза распахнулись так широко, словно он только что увидел живого архангела Михаила посреди двадцать шестой больницы.

– Лосем?.. – переспросил Алёнушкин, и его губы начали предательски дрожать от подступающего хохота. – В смысле… Сэмом?!

– В прямом, – буркнул Стас, стараясь выглядеть сурово, но уголки его губ неудержимо ползли вверх. – Рост под метр девяносто, плечи как у шкафа, кудри эти дурацкие светло-русые вечно торчат во все стороны. И главное — зануда я страшный. Анализирую всё подряд, схемы строю, за книги цепляюсь, логику во всем ищу. Меня Шапочкин за спиной так звал: «Опять наш Лось в дебри полез». Кроули недоделанный…

Максим закрыл лицо ладонями. Его плечи мелко подрагивали, из-под пальцев доносились приглушенные всхлипы чистого, безудержного восторга.

– Я не верю… – простонал Алёнушкин, поднимая сияющее от смеха лицо.

– Стас, это… это судьба. Ты понимаешь?! Дин и Сэм! Лось и Винчестер! В одном убойном отделе Санкт-Петербурга!

– Только вместо черной «Импалы» шестьдесят седьмого года у нас черный «Форд Фокус» с простреленным капотом, – подхватил Стас, чувствуя, как внутри разливается пьянящее, абсолютно мальчишеское счастье.

– Ничего, «Форд» тоже зверь-машина! – отрезал Максим. – Зато багажник вместительный, бита и дробовик поместятся!

Они переглянулись и снова рассмеялись — тихо, переглядываясь как двое заговорщиков, нашедших друг друга среди миллионов чужих и равнодушных людей. В этот момент в кармане джинсов Максима заиграл телефон — старая полифоническая мелодия группы «Deep Purple». Алёнушкин достал мобильник, глянул на экран, и выражение его лица мгновенно переменилось: стало мягким, почти виноватым.

– Алло? Тетя Валя?.. Да, здравствуйте… Гуляли уже?.. Ох, спасибо вам огромное… Корм сухой в зеленом пакете, две мерные ложки… Да-да, уши закапать не забудьте, а то опять чесать начнет… Я завтра утром приеду, обязательно! Спасибо! Максим нажал отбой и виновато посмотрел на Стаса. – Соседка звонила. Из Купчино.

– По работе? – поинтересовался Стас.

– Хуже. По семейным обстоятельствам, – Максим улыбнулся и достал из бумажника небольшую глянцевую фотографию три на четыре, бережно протянув ее майору. – Вот. Моя головная боль.

Стас взял снимок здоровой левой рукой. С фотографии на него смотрела очаровательная собачья морда: шелковистая бело-рыжая шерсть, длинные свисающие уши с легкими завитками и огромные, темные, влажные глаза, в которых светилась вселенская доброта и легкая грусть.

– Это кто? – удивленно выдохнул Стас. – Спаниель?

– Кавалер кинг Чарльз спаниель, – с неприкрытой гордостью пояснил Максим. – Мартин зовут. Ему три года.

– Мартин… – Стас не мог отвести взгляда от фотографии.

– Надо же… Какой красивый. Аристократ настоящий.

– Ага, аристократ помоечный, – хмыкнул Максим, но в голосе звенела безмерная нежность.

– Я его щенком на помойке нашел, возле товарной станции. Какие-то уроды выбросили в коробке из-под обуви зимой, в мороз. Он пищал еле слышно, замерзал уже. Я его под куртку сунул, домой притащил. Отчим как увидел — за ремень схватился. Орал: «Вышвырни эту шавку! В моем доме блохастым тварям не место! Офицер не должен сюсюкать с диванными собачонками!»

Максим помрачнел, вспоминая старое:

– Я тогда первый раз в жизни против него пошел. Встал в дверях, щенка за спину спрятал и сказал: «Если тронешь его — я из дома уйду. Прямо сейчас, в метель». Отчим опешил. Посмотрел на меня как на бешеного, плюнул и ушел в свою комнату. Три месяца со мной не разговаривал. А Мартин выжил. Отогрел, выходил, ветеринару все карманные деньги снес. Теперь вот живет со мной в Купчино. Спит исключительно на моей подушке, наглый, как сто чертей. Когда я на сутках — соседка, тетя Валя, с ним гуляет.

Стас молча смотрел на маленькую фотографию. В груди майора шевельнулось старое, детское, давно похороненное под слоями офицерской брони воспоминание.

– Везет тебе, – тихо, почти неслышно произнес Стас.

Максим поднял на него внимательный взгляд:

– А ты? Не любишь собак?

– Люблю, – Стас горько усмехнулся, глядя в окно на серые питерские тучи. – Всю жизнь мечтал. С самого детства. Лет в семь притащил со двора щенка беспородного — черного такого, лопоухого, хвост колечком. Думал, мама заступится. А батя… Полковник Богданов как с дежурства пришел, даже сапоги не снял. Взял щенка за шкирку, вынес на лестницу и спустил в мусоропроводный отсек дворнику. Мне сказал: «Собака должна служить на границе или на зоне. В квартире от нее только шерсть, грязь и бабская слабость. Офицер не имеет права привязываться к тому, что нельзя подчинить уставу».

Стас сглотнул вставший в горле ком. Воспоминание сорокалетней давности до сих пор обжигало детской обидой.

– Я тогда неделю не разговаривал с ним. Ревел в подушку по ночам. А потом вырос… Понял, что батю не переделать. Он ведь не со зла, он просто систему в себе вырастил вместо сердца. Так и живу один. Ни собаки, ни кошки. Только цветы на подоконнике, да и те кактусы — поливать забываю.

Максим слушал его не перебивая. В синих глазах младшего лейтенанта не было жалости — жалость оскорбила бы гордого майора. В них было глубокое, щемящее понимание. Максим медленно протянул руку и накрыл загипсованную кисть Стаса своей теплой ладонью.

– Ничего, командир, – мягко, с поразительной уверенностью произнес Максим.

– Вот снимут с тебя этот скворечник, выйдешь на волю — поедем ко мне в Купчино. Познакомлю тебя с Мартином. Он гостей обожает, особенно больших и кудрявых. Зализет тебя до полусмерти, гарантирую.

Стас повернул голову, встретился с ним взглядом и слабо, благодарно улыбнулся:

– Договорились. Только ты его предупреди, чтоб штаны мне не слюнявил, а то я форму не отстираю. – Он интеллигент, он в душу плюет редко, – отшутился Максим.

Они снова помолчали. За окном начало смеркаться, зажглись первые фонари на улице Костюшко, бросая косые желтые отсветы на больничный подоконник.

– Слушай, Макс, – Стас оживился, переведя разговор на более безопасную тему.

– А вот ты морс варишь, пироги таскаешь… А нормальную еду ты любишь? Мясо там, жаркое?

– А кто ж мясо не любит? – удивился Алёнушкин. – Я хоть и не привередливый, но хороший стейк или шашлык за милую душу умну. Только готовить его на съемной хате в старой духовке — то еще приключение. Стас гордо расправил здоровое плечо:

– А вот тут, лейтенант, ты попал по адресу. – Да ладно? – Максим недоверчиво прищурился.

– Неужели наш грозный начальник убойного отдела умеет готовить что-то сложнее пельменей из пачки? – Пельмени из пачки жри сам! – шутливо возмутился Стас. – Я, между прочим, кулинар высшей категории. У меня это наследственное, от бабушки по материнской линии. Она в старом питерском ресторане шеф-поваром работала еще в советские годы. Для меня готовка — это как расследование. Чистая аналитика и алхимия. Пропорции специй, температурный режим, время выдержки… Ошибешься на полградуса — и всё дело насмарку.

– И какая же у тебя коронка, шеф-повар Богданов? – с неприкрытым интересом спросил Максим.

– Говядина, тушенная в темном стауте с розмарином, можжевеловыми ягодами и белыми грибами, – с расстановкой, смакуя каждое слово, произнес Стас. – Мясо берется только шейная часть, маринуется три часа, потом обжаривается на чугунной сковороде до карамельной корочки и томится в чугунке в духовке четыре часа на медленном огне. На гарнир — картофельный гратен со сливками и мускатным орехом под корочкой из пармезана. Мясо получается такое, что его губами есть можно, оно само на волокна распадается.

Максим судорожно сглотнул, прижав руку к животу:

– Твою мать, Станислав Владимирович… Ты надо мной издеваешься? Я с семи утра на ногах, у меня в желудке со вчерашнего дня только эти два пирожка перевариваются!

– А нечего было надо мной из-за гипса подтрунивать, – довольно осклабился Стас. – Но я мужик не жадный. Даю тебе слово офицера: через две недели гипс снимут, ребра срастутся — я тебя лично к себе приглашаю. Накормлю так, что из-за стола на карачках выползать будешь. И яблочный пирог испеку. Мой фирменный, с корицей, грецкими орехами и шариком пломбира сверху.

Максим посмотрел на него долгим, теплым, потрясенным взглядом. В полумраке палаты лицо майора, освещенное желтым светом уличного фонаря, казалось удивительно открытым, красивым и родным. Пропала ментовская жесткость, исчезла броня цинизма. Остался просто красивый, сильный парень со взъерошенными светло-русыми кудрями, который обещал ему яблочный пирог.

– Ловлю на слове, майор, – негромко, с легкой хрипотцой в голосе произнес Максим.

– Если соврешь — лично наряд вне очереди выпишу. – Не совру, – так же тихо ответил Стас, не отводя взгляда. Воздух между ними словно снова сгустился, завибрировал той самой тонкой, невидимой, звенящей нитью, которая натянулась между ними еще в подвале управления. Они сидели в тишине, глядя друг другу в глаза, и в этой тишине не было неловкости.

Пепел и железо

Декабрь встречал Петербург колючим, немилосердным ветром, гнавшим с Финского залива тяжелые свинцовые тучи. Снег то начинал сыпать густой, слепящей крупой, то мгновенно таял на горячем от бесконечного потока машин асфальте, превращая Московский проспект в бесконечную черно-серую жижу.Стас Богданов стоял на крыльце двадцать шестой больницы на улице Костюшко и жадно, полной грудью вдыхал этот стылый, пропахший выхлопами и мокрым гранитом воздух. В легких на самом глубоком вдохе всё еще неприятно тянуло — сломанные ребра срослись, но напоминали о себе тупой ноющей пульсацией, а правое запястье, освобожденное от гипса всего два часа назад, казалось тонким, непривычно слабым и стянутым тугой эластичной манжетой.– Богданов, ты у меня доиграешься, – ворчал коренастый седобородый хирург, стоявший рядом в расстегнутом белом халате и куривший тонкую ментоловую сигарету прямо под запрещающим знаком. – Я твоему полковнику лично справку выписал: легкий труд, никаких физических нагрузок, никаких погонь и мордобоя минимум на месяц. Тебе легкое едва спасли, дренаж сняли на прошлой неделе. Если хоть одно ребро снова сместится — я тебя обратно на операционный стол положу и лично к койке ремнями привяжу. Усек?– Усек, Петр Сергеевич, – криво усмехнулся Стас, натягивая кожаную перчатку на левую руку. Светло-русые кудри майора трепал ледяной ветер, но голубые глаза уже горели тем самым знакомым, неуемным сыщицким огнем. – Я аккуратно. В кабинете посижу, пыль с папок сдувать буду.– Знаю я твое «аккуратно», – сплюнул врач, затушив окурок о край урны. – Вся порода у вас с отцом такая — бешеная, на износ. Вон, встречающий твой подрулил. Забирай его, Алёнушкин, пока он тут на крыльце новое расследование не начал!К тротуару с тихим урчанием подкатил черный «Форд Фокус». Хлопнула водительская дверь, и из машины выбрался Максим.На нем была темно-зеленая теплая куртка-аляска с меховым капюшоном, под ней виднелся плотный свитер. Выглядел он собранным, свежим, а его походка — упругая, кошачья — больше не выдавала последствий недавнего ранения. Синие глаза Максима мгновенно зацепились за фигуру майора, сканируя его с головы до ног с въедливостью опытного криминалиста.– Здорово, поломанный, – весело бросил Максим, поднимаясь по гранитным ступеням и крепко, по-мужски пожимая здоровую левую руку Стаса. – Вещи все забрал? Больничную пижаму не умыкнул на память?– Сам ты поломанный, – беззлобно огрызнулся Стас, чувствуя, как внутри разливается густая, теплая волна спокойствия. – Поехали в отдел, Макс. Я от этой больничной хлорки и манной каши уже выть готов на луну.– Домой надо, Станислав Владимирович. Врач велел…– В отдел, я сказал, – тоном, не терпящим возражений, отрезал Богданов, спускаясь к машине. – Дома я от тоски сдохну за полдня. Батя на месте?Максим на долю секунды замешкался, открывая пассажирскую дверь, и в его взгляде промелькнула едва заметная, глубокая тень. Но он тут же отвел глаза, коротко кивнув:– На месте. С утра в кабинете сидит, почту разгребает. Садись давай, печку на тройку врубил, салон теплый.***В Московском РУВД за две недели ничего не изменилось. Все тот же въевшийся в стены запах старой бумажной пыли, мокрых шинелей и дешевого табака из подвала. Разве что в коридорах стало заметно тише: после показательного увольнения Шапочкина и перевода Охмана в глухое Колпино опера вели себя тише воды, ниже травы, прекрасно понимая, кто в этом доме теперь обладает абсолютным авторитетом.Стас поднялся на третий этаж не торопясь, бережно придерживая правый бок, когда на лестничных маршах приходилось делать широкие шаги. Максим шел чуть позади, готовый в любую секунду подставить плечо, но держался ненавязчиво, не уязвляя гордость командира.Они подошли к кабинету начальника отдела. Стас коротко стукнул здоровой рукой по дубовому полотну и, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.Полковник Богданов сидел за своим массивным полированным столом, заваленным документами с красными грифами «Срочно». Перед ним остывал чай в граненом стакане в тяжелом мельхиоровом подста-

каннике. Владимир Александрович поднял тяжелый, налитый свинцом взгляд на вошедшего сына. Ни тени радости, ни отцовского облегчения на его крупном, обветренном лице не отразилось. Лишь желваки на челюстях каменно напряглись.– Здравия желаю, товарищ полковник, – четко доложил Стас, вытягиваясь по стойке смирно. Внутри майора теплилось странное, неловкое ожидание: он помнил слова Максима в реанимации. Помнил, как напарник рассказывал, что отец рвался к нему в больницу, что велел передать слова гордости, что переживал. – Майор Богданов после прохождения лечения прибыл для дальнейшего несения службы. Справка от главврача…– Положи на край стола, – ледяным голосом перебил его полковник, даже не взглянув на протянутую бумагу.Стас опустил лист на полированное дерево. Пауза затянулась.– Батя… – негромко, уже без уставного тона произнес Стас, чуть наклонив голову. – Спасибо, что звонил тогда. В реанимацию. Максим передал твои слова. Я… ценю.Максим, стоявший за спиной Стаса у самых дверей, тихо, едва слышно втянул воздух сквозь зубы и замер, опустив подбородок.Полковник Богданов медленно отложил тяжелую перьевую ручку. Его густые седые брови поползли вверх, а в глазах полыхнуло такое искреннее, холодное и яростное недоумение, что в кабинете мгновенно стало трудно дышать.– Звонил? – переспросил полковник. Его голос опустился до низкого, угрожающего рокота. – Куда я звонил, майор? Стас нахмурился, чувствуя, как по спине пробегает неприятный холодок:– В двадцать шестую. Когда меня привезли… после Типанова. Максим сказал, ты на селекторе был, но рвался приехать, передал, что я…– Алёнушкин соврал тебе, – с безжалостной, хирургической четкостью отрезал Владимир Александрович.Слова упали между ними, как разорвавшаяся граната.Стас замер. Голубые глаза майора расширились. Он медленно повернул голову к Максиму. Младший лейтенант стоял у стены, не шевелясь, глядя прямо перед собой в пол. На скулах Максима ходили желваки, руки были сжаты в кулаки в карманах куртки, но он не произнес ни звука, не попытался оправдаться.– Никуда я не звонил, – продолжал полковник, тяжело поднимаясь из-за стола и нависая над сыном. – И ехать не собирался. Потому что ты, майор Богданов, повел себя на адресе как сопливый курсант-первогодка! Ты полез на балкон, не проверив комнату! Не зачистил углы, повернулся спиной к закрытому шкафу и получил удар от заурядного уголовника! Тебя вышвырнули со второго этажа как мешок с отрубями! Ты чудом не свернул себе шею, сорвал оперативную разработку и подставил под удар всё управление!– Батя… – ошарашенно выдохнул Стас. Земля под ногами майора словно качнулась. В висках застучала кровь.– Молчать! – рявкнул полковник так, что жалобно звякнул подстаканник на столе. – Я закрыл глаза на твою драку с Шапочкиным! Я спустил на тормозах твои выходки в подвале! Но делать из меня идиота я не позволю никому! Если ты еще раз — слышишь меня, Станислав? — еще хоть один раз выкинешь что-то подобное, забудешь про тактику и устав, решив поиграть в бессмертного героя, я лично сниму с тебя погоны майора. Отправлю участковым в Красное Село, будешь до пенсии пьяных трактористов по канавам собирать! Ты меня понял?!– Понял, товарищ полковник, – мертвым, абсолютно пустым голосом ответил Стас.Внутри него словно выжгли всё дотла. Та хрупкая, детская надежда на то, что отец хоть на секунду испугался за его жизнь, рассыпалась в серый прах. Полковник Богданов не менялся. Он не был отцом — он был функцией. Механизмом.Владимир Александрович тяжело опустился обратно в кресло, достал из папки толстое серое дело в картонной обложке с надписью «Следственный комитет» и с глухим стуком швырнул его на середину стола.– На эмоции времени нет, – сухо бросил он, окончательно вычеркивая тему больницы из разговора. – Город стоит на ушах. Прокуратура требует результатов. Дело особой важности.Стас с трудом заставил свой аналитический мозг включиться, стряхнув оцепенение. Он подошел к столу, здоровой рукой придвинул папку к себе и открыл первую страницу.– Серийка? – голос майора звучал глухо, с хрипотцой.– Хуже, – ответил полковник. – Ритуальные убийства. За последние шесть дней — три трупа. Все трое — бездомные, опустившиеся бродяги без документов и постоянного места жительства. Первый найден в заброшенной котельной у железнодорожной ветки на Воздухоплавательной. Вто-

рой — на пустыре за проспектом Юрия Гагарина, в теплотрассе. Третий — сегодня ночью, в подвале расселенного дома на Варшавской.Стас перевернул страницу и наткнулся на цветные фотографии судмедэкспертов. Даже его ко всему привыкший желудок опера убойного отдела сжался в тугой узел.У всех жертв была вскрыта грудная клетка. Ребра были разломаны грубо, с чудовищной силой, словно их ломали слесарным инструментом или топором. А в зияющих багровых ранах… зияла пустота.– Сердца? – тихо спросил подошедший ближе Максим. Его голос звучал ровно, но в синих глазах застыла ледяная ярость.– Сердца вырезаны начисто, – подтвердил полковник. – Изъяты на месте преступления, пока жертвы были еще живы или в состоянии агонии. Патологоанатом утверждает, что надрезы сделаны широким изогнутым лезвием, похожим на ритуальный клинок или серп. Но самое скверное — обстановка вокруг тел.Владимир Александрович ткнул пальцем в снимки общего плана.Рядом с каждым изуродованным телом чернело пепелище. Аккуратный, выложенный по кругу из речных камней или битого огнеупорного кирпича костер. В золе эксперты обнаружили остатки трав: полынь, белена, можжевельник. А на стенах вокруг — копотью и кровью выведены странные, ломаные геометрические знаки, напоминающие перевернутые руны.– Пресса пока молчит, утечку мы заблокировали, – полковник посмотрел на сына тяжелым, немигающим взглядом. – Но слухи по Московскому району уже поползли. Если поползут дальше — в городе начнется паника. На раскрытие и задержание уродов, Станислав, я даю твоей группе ровно трое суток. Семьдесят два часа.– Трое суток на серийного маньяка с ритуальным уклоном? – Стас поднял на отца потемневшие голубые глаза. – Батя, это безумие. Тут нужен перекрестный анализ по всей области, агентурная сеть, проверка психдиспансеров…– Время пошло, майор Богданов, – отрезал полковник. – Не уложишься в трое суток — пойдешь под служебную проверку. Материалы дела у тебя. Свободны оба.***В кабинете оперов хлопнула дверь.Стас швырнул тяжелую папку на свой стол так, что подпрыгнула настольная лампа. Майор медленно развернулся, прислонился спиной к сейфу, скрестил руки на груди — правое запястье тут же заныло под эластичным бинтом, — и уставился на Максима.Алёнушкин стоял посреди комнаты. Он снял куртку, оставшись в темно-зеленом свитере, и молча смотрел на командира. Ни тени страха, ни вины на его круглом, спокойном лице не было. Лишь глубокая, взрослая усталость.– Зачем? – негромко, но так, что каждое слово резало воздух как стекло, спросил Стас. – Зачем ты мне соврал, Максим?Максим не отвел взгляда:– А что я должен был тебе сказать?– Правду! – с жаром, сорвавшись на крик, бросил Стас. Ребра справа обожгло резкой болью, он поморщился, но шагнул к напарнику. – Ты должен был сказать мне правду! Что бате плевать на меня! Что он назвал меня сопливым пацаном и предпочел свой гребаный министерский селектор! Зачем ты устроил этот цирк?! «Он звонил, он рвался, он сказал, ты лучший»… Ты надо мной посмеяться решил?! Из жалости эту сказку сочинил?!Максим резко шагнул вперед, сокращая дистанцию. В его невысокой, плотно сбитой фигуре вдруг проснулась такая дикая, сжатая в стальную пружину сила, что Стас невольно осекся.– Из жалости?! – прошипел Максим, заглядывая майору прямо в зрачки. Синие глаза Алёнушкина потемнели до цвета грозового неба. – Ты себя в зеркало видел тогда, Богданов?! Ты лежал на операционном столе, из тебя кровь литрами качали, у тебя ребра в легкое вонзились! Я тебя на руках до машины тащил, у меня самого плечо рвалось к чертовой матери! Я думал, ты до больницы не доедешь! А когда ты очнулся — первое, что ты спросил своими пересохшими губами: «Батя звонил? Он приедет?»Максим тяжело перевел дыхание, его грудь вздымалась под свитером:– Ты лежал там, весь поломанный, зашитый, и смотрел на меня как пацан семилетний, который ждет, что отец придет и скажет, что он молодец! И что я должен был сделать?! Сказать: «Нет, Стас, твой батя положил на тебя хрен, потому что у него отчет в главке, а ты, по его мнению, сам виноват, что из окна выпал»?! Добить тебя прямо там, на койке?!В кабинете повисла оглушительная, мертвая тишина. Было слышно только, как за окном свистит декабрьский ветер и гудят старые чугунные батареи.Стас стоял, опустив руки. Вся ярость, вся обида, душившая его последние полчаса, вдруг вытекла

из него без остатка, оставив после себя лишь ноющую пустоту и странное, почти пугающее потрясение.Майор смотрел на Максима. На его упрямый подбородок, на короткий ежик волос, на сжатые в кулаки руки, готовые защищать его — Стаса — даже от правды, даже от собственного отца. Никто в жизни не закрывал Богданова собой так, как делал этот купчинский парень. Ни мать, пока была жива, ни армейские друзья, ни женщины.Стас медленно поднял здоровую левую руку, протянул ее вперед и тяжело, крепко опустил ладонь на затылок Максима. Пальцы майора зарылись в жесткие темные волосы, притягивая Алёнушкина ближе.– Дурак ты, Дин, – хрипло, со сбившимся дыханием выдохнул Стас, упираясь своим лбом в лоб напарника. – Набитый, упертый купчинский дурак.Максим шумно выдохнул, напряжение в его плечах спало. Он не отстранился. Напротив, положил свою ладонь на здоровое плечо Стаса, слегка сжав пальцы:– Какой есть, командир. Другого в убойный не завезли.– И слава богу, – тихо отозвался Стас.Они простояли так несколько секунд, деля одно дыхание на двоих в пыльном полумраке казенного кабинета. Граница между ними, та самая невидимая черта устава и званий, окончательно стерлась, уступив место чему-то нерушимому, спаянному кровью и верностью.Стас медленно отпустил его, тряхнул кудрявой головой и кивнул на стол:– Ладно. Сопли в сторону. У нас семьдесят два часа, чтобы не отправиться пасти коров в Красное Село. Давай бумаги.***Следующие четыре часа прошли в бешеной интеллектуальной гонке.Стас расчистил большую магнитную доску на стене и принялся выстраивать аналитическую схему. В центре появились фотографии трех жертв: неопознанный мужчина лет пятидесяти (кличка «Сиплый»), бродяга с Варшавской по имени Генка-Хромой и пожилая бездомная женщина, известная местным как «Мать Тереза».Максим сидел за компьютером, с поразительной скоростью пробивая базы данных, картотеки закрытых религиозных сект и форумы неоязычников.– Смотри, Стас, – Максим повернул монитор к майору. – Я связался со специалистами по этнографии из Музея религии. Эти знаки на стенах — не славянские руны. Это стилизация под скандинавские «гальдраставы» и символы древнегерманского культа Черного Солнца и Вотана в его самой темной, хтонической ипостаси. По их верованиям, перед зимним солнцестоянием границы миров истончаются. Чтобы получить абсолютную силу, здоровье или власть над душами, адепты культа должны принести в жертву «отверженных» — тех, чья жизнь для общества не имеет ценности.– Бездомные, – мрачно кивнул Стас, крутя в здоровых пальцах маркер. – Никто не заявит о пропаже, никто не кинется искать на следующий день. Идеальный расходный материал для психов.– Именно. Но жертв должно быть определенное количество, – Максим ткнул пальцем в распечатку текста из старинного трактата. – Четыре стихии. Четыре стороны света. Четыре сердца. Первое — Огонь (котельная на Воздухоплавательной). Второе — Земля (пустырь на Гагарина, теплотрасса). Третье — Воздух (расселенный дом на Варшавской, верхний этаж под крышей).– Значит, осталась Вода, – глаза Стаса хищно сузились. Мозг майора заработал как швейцарский хронометр. – Четвертая жертва должна быть принесена у воды. И замкнуть ритуальный круг до дня солнцестояния! А солнцестояние когда?– Через двое суток, – тихо произнес Максим. – В ночь с двадцать первого на двадцать второе декабря. Ровно к исходу нашего дедлайна.– Где у нас вода в Московском районе? – Стас шагнул к карте. – Район сухой, это не Васька и не Петроградка. Каналов нет. Есть пруды в парке Победы и парке Авиаторов. Есть река Волковка на границе с Фрунзенским. И система старых пожарных резервуаров и подземных коллекторов бывшего мясокомбината имени Кирова на Московском шоссе.– Поехали на Варшавскую, – Максим поднялся, застегивая куртку. – Третий труп нашли только утром. Эксперты закончили, но мы там еще не были. Место преступления всегда говорит больше, чем протоколы.***Дом на Варшавской представлял собой угрюмый памятник советскому конструктивизму: пятиэтажка с выбитыми окнами, заколоченными подъездами и облупившейся серой штукатуркой, ожидавшая сноса посреди новостроек.Они поднялись на чердак по полуразрушенной бетонной лестнице, подсвечивая путь мощными тактическими фонарями. Воздух здесь был ледяным, пахло промозглой сыростью, птичьим пометом и тем

самым сладковато-приторным, металлическим духом свежей человеческой крови, который ни один опер не спутает ни с чем на свете.Тело женщины уже увезли в морг, но на полу чердака отчетливо виднелся меловой контур. Рядом чернел круг ритуального костра, выложенный из кусков старого кирпича. На балках перекрытия бурыми разводами застыли рунические символы.Стас осторожно опустился на одно колено, стараясь не напрягать правый бок. Его фонарь медленно скользил по доскам пола.– Работали двое, – негромко произнес майор, указывая лучом света на следы в вековой чердачной пыли. – Смотри, Макс. Вот здесь — тяжелые берцы с глубоким протектором, размер сорок четвертый-сорок пятый. Шаг широкий, уверенный. Он держал жертву, заламывал руки. А вот второй след — размер сорок первый, аккуратная подошва дорогого зимнего ботинка без каблука. Он не боролся. Он подошел, когда жертва уже была обездвижена, и сделал надрез.Максим подошел к кострищу, присел на корточки и кончиком карманного ножа аккуратно разворошил серый пепел.– Травы те же. Полынь, белена, – пробормотал Алёнушкин. Вдруг лезвие ножа обо что-то звякнуло. – Опа. А это что такое? Максим осторожно подцепил пинцетом из кармана небольшой предмет, запекшийся в угле, и поднес к свету фонаря.Это был обгоревший металлический кругляк размером с пятирублевую монету. На очищенной от сажи поверхности тускло блеснуло серебро: оскаленная морда волка в кольце из рунической вязи.– Клубный жетон, – Стас прищурился, разглядывая находку. – Или пропуск. На обратной стороне есть гравировка?Максим перевернул кругляк:– Латинские буквы: «L.V.». И номер: 014.Стас замер на секунду, а затем его лицо озарила хищная, торжествующая улыбка:– «Lupus Venator». Охотничий волк. Закрытый стрелковый клуб на Лиговском проспекте! Они позиционируют себя как элитное сообщество любителей исторического холодного оружия и практической стрельбы. Год назад по оперативным сводкам проходила информация, что там собираются отмороженные ультраправые фанатики и оккультисты, но доказательств не было.– Если жетон номерной — у них есть список членов, – подхватил Максим, поднимаясь на ноги. – Четырнадцатый номер… Это руководство или старый костяк.– В машину, – скомандовал Стас. – Время не ждет.***Вторые сутки расследования превратились в адский марафон без сна и отдыха.Официально нагрянуть с обыском в элитный клуб полковник Богданов запретил: у заведения была серьезная «крыша» в городском комитете по законности и правопорядку.– Без прямых улик вас самих там положат мордой в пол, – бросил полковник по телефону. – Ищите связь жетона с конкретным человеком. У вас осталось тридцать шесть часов.Стас и Максим не спали больше суток. Глаза майора покраснели, правое запястье дергало от сырости, но мозг продолжал выстраивать безупречную комбинацию.Через старые связи Максима в Центральном районе и хакерские базы данных они вскрыли закрытый реестр стрелкового клуба. Жетон под номером 014 принадлежал некоему Воронову Кириллу Андреевичу, тридцати шести лет. Владелец сети частных медицинских клиник, практикующий хирург-кардиолог, кандидат медицинских наук. Коллекционер средневекового оружия.– Кардиолог… – выдохнул Стас, глядя на досье Воронова на экране монитора в три часа ночи. – Господи, ну конечно! Кто еще может за две минуты в полевых условиях анатомически чисто вскрыть грудную клетку и извлечь сердце?! Для него это привычная операция!– А второй — исполнитель, – добавил Максим, открывая страницу окружения Воронова. – Его личный водитель и начальник охраны, бывший боец ЧВК с позывным «Молот». Сорок пятый размер ноги, рост под два метра, судимость за нанесение тяжких телесных.– Где они возьмут четвертую жертву? – Стас подошел к карте города. – Вода. Время — следующая ночь, пик солнцестояния.– Мясокомбинат на Московском шоссе, – уверенно произнес Максим, ткнув пальцем в южную окраину района. – Там огромный заброшенный комплекс водоочистных сооружений и подземных резервуаров с ледяной водой. Идеальное место: глухое, закрытое, туда часто забредают на ночлег бездомные, спасаясь от морозов у теплотрасс. Никаких случайных свидетелей.Стас посмотрел на часы. До полуночи третьих суток оставалось двадцать часов.– Едем на место, – сказал майор, проверяя обойму табельного ПМ. – Сделаем засаду заранее. Брать будем с полич-

ным, на месте ритуала. Чтобы ни одна прокурорская крыса не смогла их отмазать.***Ночь зимнего солнцестояния накрыла южные окраины Петербурга глухим, беспросветным мраком. Мороз ударил под минус пятнадцать, сковав ледяной коркой раскисшую грязь вокруг циклопических, полуразрушенных корпусов заброшенного мясокомбината.Внутри подземного резервуара водоочистной станции царил могильный холод. С потолка свисали длинные сосульки, под ногами на полуметровой глубине плескалась черная, маслянистая ледяная вода, затянутая тонким ломким ледком. В центре зала возвышался бетонный постамент — техническая площадка насосной станции, куда вела ржавая железная лестница.На площадке уже пылал костер. Пламя от сухих дров, пропитанных горючей смесью, отбрасывало пляшущие, зловещие тени на облупленные стены резервуара. Воздух был напоен удушливым, дурманящим запахом горящей белены и горькой полыни.На бетонном полу, связанный по рукам и ногам толстой альпинистской веревкой, лежал пожилой бездомный. Во рту у него был кляп, глаза бродяги были расширены от смертного ужаса: он видел то, что готовилось на алтаре.Над ним возвышались двое.Один — огромный, плечистый громила в черном камуфляже без знаков различия, державший в руках тяжелую металлическую дубинку. «Молот».Второй стоял у самого костра. На нем был длинный черный кожаный плащ, под которым белел хирургический костюм. На лице — серебряная маска волка, закрывавшая верхнюю половину черепа. В руках Кирилла Воронова тускло мерцало широкое, изогнутое лезвие ритуального жертвенного серпа из дамасской стали.– Вода принимает последнюю дань, – глухим, вибрирующим от религиозного экстаза голосом нараспев произнес Воронов. – Четвертый узел завязан. Сила древних возвращается в кровь избранных…Хирург шагнул к лежащему бродяге, занес клинок над его грудью, выбирая точку между третьим и четвертым ребром…– БРОСИТЬ ОРУЖИЕ! ПОЛИЦИЯ!Голос Максима Алёнушкина разорвал гулкую тишину подземелья, как выстрел крупнокалиберного орудия.Максим возник на краю освещенного круга словно из ниоткуда. Без куртки, в одном свитере, с табельным пистолетом, направленным точно в переносицу Воронова.План, который они разработали со Стасом, был безумным и смертельно опасным: Максим отвлекал внимание на себя, вызывая огонь на открытом пространстве, пока Стас, ограниченный травмой ребер и не способный на рукопашную схватку, занимал скрытую огневую позицию на техническом мостике под самым потолком резервуара.– Стоять, ублюдки! – крикнул Максим, делая шаг вперед по щиколотку в ледяной воде. – Руки за голову, оба! Шаг в сторону — стреляю на поражение!Воронов от неожиданности отшатнулся, опустив серп. Но гигант «Молот» среагировал мгновенно, как дрессированный боевой пес.С глухим звериным рыком амбал выхватил из-под камуфляжной куртки помповое ружье двенадцатого калибра и вскинул его к плечу, целясь прямо в грудь Максима. Дистанция была убойной — картечь разнесла бы Алёнушкина в клочья за долю секунды.Максим даже не дрогнул. Бесстрашие купчинского парня в эту секунду граничило с безумием: он не стал прыгать в ледяную воду в поисках укрытия, а нажал на спуск своего ПМ. Пуля выбила щепу из цевья ружья, но «Молот» успевал передернуть затвор…*БАХ!*Сухой, раскатистый винтовочный грохот разорвал темноту под сводами резервуара.Это был Стас.Лежа на узком металлическом мостике на высоте шести метров, превозмогая адскую вспышку боли в сломанных ребрах от отдачи оружия, майор Богданов стрелял левой рукой — расчетливо, выверено, с филигранной снайперской точностью, помноженной на его феноменальную реакцию.Пуля калибра 9х18 вошла точно в правое плечо «Молота», перебив сухожилие. Ружье со звоном выпало из ослабевших пальцев громилы и булькнуло в черную воду.– Твою мать! – взвыл Воронов.Поняв, что ритуал сорван, хирург-фанатик впал в слепую, бешеную ярость. Он с размаху опустил ритуальный серп вниз, намереваясь во что бы то ни стало вонзить его в горло связанного бездомного, чтобы завершить кровавую жертву! Но Максим уже преодолел разделявшие их десять метров.В невероятном, стелющемся прыжке Алёнушкин взлетел на бетонный постамент, сбил Воронова с ног всем весом своего тела, и они покатились по камням прямо сквозь угли костра. Огненные искры брызнули во все стороны,

запахло паленой шерстью свитера.Воронов, обладавший жилистой, сумасшедшей силой фанатика, полоснул клинком наотмашь. Острое лезвие рассекло рукав Максима, оцарапав предплечье, но Алёнушкин лишь глухо зарычал. Правой рукой он намертво перехватил запястье кардиолога, впечатал его кисть в бетон, выбивая оружие, а левой — коротко, страшно, со всей пролетарской купчинской ненавистью врезал Воронову точно в серебряную маску.Металл маски треснул, брызнула кровь из сломанного носа хирурга. Воронов обмяк, потеряв сознание.В этот момент раненый «Молот», зажимая плечо, попытался рвануть к выходу через дренажный тоннель.Сверху раздался металлический лязг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.